

Рисуко

Дэвид Кудлер

vk.com/kurotranslations

Может ли одна девочка выиграть войну?

Хотя Япония страдает от междоусобных войн, Рисуко хочется лишь лазать по деревьям. Выросшая вдали от сражений и придворных интриг, девочка оказывается втянутой в план по воссоединению Японии... или грозящий разрушить все. Ее забрали из семьи, но она обрела новых друзей в школе, которая оказывается не такой, как на первый взгляд.

И Рисуко делает первые опасные шаги, чтобы понять, кто она на самом деле.

Сможет ли она что-то изменить?

Перевод: Kuromiya Ren

Для Сашако и Джуджу-чан

Пролог: Чистота

Меня зовут Кано Мурасаки, но все зовут меня Рисуко. Белка.

Я из провинции Чистоты, хоть и не родилась там.

Мой народ сотню лет воевал, на Чистоту нападали, и семью Кано не уважали, но некоторые думают, что я могу принести победу. Что я могу быть особенной женщиной.

А я просто хочу лазать.

Меня зовут Кано Мурасаки, но все зовут меня Белкой.

Рисуко.

1

Путь по левую руку

Провинция Чистоты, земли Восходящего солнца, гора Листьев в первый год правления Генки (Тотоми, Япония, поздняя осень, 1570 год)

Шпионить за лордом провинции со старой сосны было плохой идеей. Рискованной. Глупой. Потому я не видела того, что грядет. Я знала, что идея плохая, но что-то на вершине сосны позволяло чувствовать себя свободной.

И, конечно, мне всегда было интересно, что происходит во дворце. Обвините меня?

Я смотрела, как лорд Имагава стоял с самураем, указывающим на клочок бумаги. Бумага была покрыта пятнами цвета. В основном, зеленого. Синие и красные вспышки были по краям. До них было не меньше сотни шагов. Я прищурилась, чтобы понять, что они разглядывают. Только так можно было объяснить, почему я не заметила паланкин, пока он не оказался почти под моим деревом.

Внизу два крупных мужчины несли сияющую черную коробку на тяжелых полозьях между ними. Коробка блестела, как жук, хотя утренние тени затемняли лес. Шли они со стороны деревни.

И это напугало меня — грудь сжалась, а руки стали холоднее обычного. Я взобралась еще выше, руки были ледяными и липкими.

Они были на половине пути к моей сосне, а я хотела ударить по темной блестящей коробке. Только знать путешествовала в паланкине. И когда это знать делала моей семье что-то хорошее?

Я ощущала опасность в этом тихом приближении. Они заметили, как я слежу за замком?

— Рисуко! — позвала меня сестра. Я даже не видела ее макушки.

Черная коробка была все ближе, она оказалась на поляне подо мной. И паланкин остановился.

Я попыталась спрятаться. Холодная смола пахла резко и ярко, когда я прижалась носом к стволу. Я издала птичий свист — так я говорила Усако, что ей надо спрятаться.

Я искала птичьи гнезда, хотя сейчас там вряд ли могли оказаться яйца. Голод и желание что-то делать, а еще моя любовь к лазанию, загнали меня на дерево. Матушка не покормила нас с утра. Похолодало, и она не всегда могла обеспечить нас хотя бы маленькой миской риса в день. А замок гудел, как муравейник, в который ткнули палкой, и мне было любопытно...

Кто-то внизу заговорил. Я решила, что это старушка, голос был высоким, напоминал птицу, но я не могла разобрать слов. Усако — моя сестра — выступила вперед. Я видела, что она склонила голову, как испуганный кролик. Пожилая женщина снова заговорила. После паузы личико Усако-чан, маленькое и открытое, повернулось к моему укрытию. Она указала на меня.

— Рисуко, — сказала старушка, — спускайся.

Она и ее мужчины были у дерева. Я подумывала прыгнуть на другую сосну, но они стояли не так близко, и были не такими большими, чтобы прыгать. И я боялась, что руки слишком холодные, чтобы удержаться.

Усако спешила по тропинке к дому. Ну спасибо, сестренка. Позже я тебе за это отплачу. Хотелось бы, чтобы

она хоть обернулась и помахала. Чтобы я попрощалась.

Если меня схватят внизу, я решила, что спуститься нужно эффектно. Я прыгала с ветки на ветку, кора, иглы и смола отлетали, когда мои ноги и руки ударяли по ним, едва замедляя меня. Может, если я спущусь быстрее, чем они ожидают, то смогу побежать, едва ноги коснутся земли.

Мои босые ноги уже не касались хвои, а на мое плечо легла большая рука. Двое огромных слуг смогли встать там, куда я приземлилась.

— Какая ты интересная, — сказала седовласая дама.

Я не хотела интересоваться ее. Мужчины отступили по мановению ее руки. Она стояла в элегантном одеянии, и ее деревянные сандалии едва погружались в грязь.

— Ты так не только на деревья забираешься? — спросила она, ее морщинистое лицо озарила ледяная улыбка, а глаза были черными и блестящими на фоне из бледной кожи.

Я кивнула, размышляя, как лучше говорить с ней.

— Потому мама называет меня Рисуко. Я всегда лазаю — по дому, камням, деревьям... — ее глаза стали ярче, и хотя они были холодными, я решила похвастаться. — Ниже замка есть утес, — я указала на каменный замок лорда Имагавы, стоящий на холме на границе леса.

— Ах? — сказала она, умиляясь.

— Мне нравится лазать по утесу.

— О? — отозвалась она, — но такая худая девочка, как ты, далеко не зайдет.

Это ранило.

— О, да, но я могу пролезть по утесу или забраться на стены, чтобы посмотреть на красивые одежды...

Я зажала рот и покраснела. Она была из знати и точно отругает меня за такое. Я напряглась.

Но эта странная старушка не приказала своим большим слугам бить меня деревянными мечами, что были на их поясах. Вместо этого она искренне улыбнулась, и эта ужасная улыбка показала мне, что моя судьба запечатана, мне некуда бежать.

— Да, — сказала она. — Очень интересно, Рисуко.

Она указала мужчинам нести ее паланкин. Он был украшен, как и одежда слуг, моном дамы — символом ее дома: простым белым кругом.

Они поставили коробку рядом с ней, и она забралась в нее точным движением.

— Иди рядом со мной, Рисуко. Я хочу тебя расспросить, — и тут она рявкнула. — Братишка!

— Да, леди! — отозвался слуга, что стоял впереди паланкина, он был крупнее второго. Он издал тихое ворчание, а потом они с напарником в унисон подняли коробку и пошли вперед.

— Останься со мной, девочка! — приказала старушка, и я старалась поспевать за ними. Я была удивлена силе мужчин, ведь они едва замечали вес, который несли, и шли так быстро, что я задыхалась. Я едва попевала, а госпожа сварливо заговорила со мной. — Что я могу узнать о твоём отце? Он научил тебя писать?

Она знает моего отца?

— Да, он был писцом, — я хотела добавить, но не стала. Он был и самураем.

— Не таким известным, — фыркнула она. — Ученика не было, и он научил дочь использовать кисть? Какая трата. А что за лохмотья на тебе?

— Он... умер. Мама с трудом... — задыхалась я. — Он был хорошим писцом... Но это больше... не нужно никому... Зачем фермерам буквы?

Мы быстро двигались мимо тропы, что вела домой. Ах, мы пошли по длинному пути в деревню.

— Да, — она была довольна собой. — Думаю, здесь это понадобилось бы только лорду Имагаве, в такой-то глуши. Не отставай, дитя.

Я уже потела, хоть было холодно. Запах грядущего снега был кислым. Слуга сзади, который был меньше того, которого леди назвала Братишкой, шел со мной наравне. Не поворачивая головы, мужчин издал низкий лай.

И они замедлили ход, чтобы я попевала. Я благодарно посмотрела на слугу сзади. Не знаю точно, но все же мне показалось, что он подмигнул.

Я видела сквозь щели в паланкине замок лорда Имагавы. Знамена свисали с крыши, и я не видела до этого там синих и красных. Старушка проследила за моим взглядом.

— Да, удручающая гора камней, не так ли?

Я не знала, как на это ответить. И она не ожидала ответа.

— Так ты забиралась, чтобы заглянуть в окна? — она пристально смотрела на меня. Я кивнула. — Очень интересно, — она цокнула языком. — А сегодня? Не думаю, что ты увидела сегодня что-то интересное.

— Лорд Имагава, — задыхалась я. — Солдат. Смотрели... рисунок.

Ее глаза расширились.

— Ты можешь видеть так далеко? Ты даже рисунок разглядела.

Зеленые квадраты, окруженные квадратами поменьше красного и синего цвета. И в квадратах словно были натканы маленькие сосны. Я кивнула.

Дама снова улыбнулась, напоминая старую свинью, нашедшую отличный пруд. И эта улыбка пугала еще больше.

Тут мы вышли на главную дорогу. Я была уверена, что мы пойдём направо, к деревне, к моему дому и маме, и тогда будет понятно, почему она задает вопросы.

Но паланкин повернул налево.

Я растерянно остановилась.

— Стоять! — завопила дама. Братишка и подмигивающий слуга замерли. — Идем, девочка.

— Но...

— Я же просила идти рядом со мной, дитя, — она даже не смотрела на меня.

— Но... деревня?.. — я указала на дорогу, по которой ходила почти всю жизнь, на мост, который виднелся за деревьями и вел к моему дому.

— Глупая Рисуко. Вниз! — мужчины опустили ее на перекрестке. Она посмотрела на меня. — Ты не вернешься туда. Твоя мама продала тебя мне этим утром, — она склонилась и крикнула. — Вперед!

2

В круге

Я попятилась. Я думала, если я вообще могла думать, что можно спрятаться под мостом, там в перепутанных ветвях я часто укрывалась. Никто не смог бы найти меня там. Конечно, кроме отца.

Я не успела даже шагу сделать к тропе, ведущей к мосту и домой, как рука, большая, как дыня, вцепилась в мое запястье. Великан с кличкой Братишка смотрел не с угрозой, но и не дружелюбно. Свободной рукой он развязал пояс, что оказался длинной лентой, его деревянный меч упал на дорогу. Он повернулся к паланкину и спросил:

— Запястья?

— Посмотрим, — сказала старушка и ухмыльнулась мне. — Мы можем сделать это по-разному, Рисуко. Ты можешь прийти моим гостем, и тогда он обяжет твою талию, чтобы ты не... потерялась. А можешь прийти узницей, и тогда он свяжет твои руки, чтобы ты не сбежала. Или можешь прийти моей вещью, и тогда он перевяжет тебя и положит на подставку паланкина. Как нам поступить? — ее лицо казалось добрым, несмотря на угрозу, а взгляд сверлил меня. — Ну?

Я посмотрела на мужчин с каменными лицами, отчаянно взглянула на тропу к деревне. Братишка все еще держал меня за руку, и я знала, что не вырвусь. Горло сдавило, но меня охватило ужасное облегчение. Я снова посмотрела на даму, а ее фальшивое выражение лица еще было там, и перевела взгляд на теплое и большое лицо Братишки. Я пробормотала:

— Гостем.

— Отлично, — сказала дама, Братишка привязал один конец к моей талии, поднял свой меч, а другой конец вручил своему товарищу, который скривился мне, будто в улыбке. — Хватит мешкать, — рявкнула дама. — У нас дела. Идем!

Мы уходили все дальше от моего дома, я спотыкалась и смотрела, как тучи стущаются над нами и долиной, закрывая полуденное солнце.

* * *

Я не чувствовала ног, но не от холода. Не только от холода. Матушка продала меня. Я никогда не увижу ее или Усако снова. Я шагала за паланкином, потрясение превращалось в холодную ярость, а потом в страх. Кто эта леди, получившая меня?

Всадник Имагавы промчался мимо нас в противоположную сторону, обрызгав грязью мои уже промокшие и грязные ноги.

Желудок под веревкой заурчал. После лазания и ходьбы я устала и проголодалась сильнее, чем когда-либо.

Мы шли по главной улице Соснового берега, и я заметила мальчиков чуть старше меня, несущих корзины сушеной рыбы по дороге. Они остановились и поклонились, пока мы проходили мимо них, и в их глазах было только благоговение. Я поняла, как мы выглядели со стороны: два огромных слуги несли элегантную леди в паланкине, а тощая девочка в лохмотьях шла за ними на веревочке, как коза.

А вот отряд солдат с тревожными лицами даже не взглянул на нас.

Мы приблизились к гостинице в центре города. Две девушки с эмблемой белого диска на их зимних одеждах вышли на улицу и проводили нас во двор.

— Леди Чийомэ, — сказала служанка приятного вида. — С возвращением. Вижу, вы хорошо поохотились.

— Да, — сказала леди, Братишка помог ей вылезти из ящика. — Я смогла поймать белку.

Служанки посмотрели на меня, словно я была на самом деле трофеем охоты.

— Ее зовут Рисуко, — рассмеялась леди. — Братишка, можешь развязать ее. Уверена, наша гостья не сбежит. Меньший из мужчин подошел ко мне и развязал узел на талии. Теперь он точно улыбнулся мне.

Стены во дворе были высокими, но они были бревенчатыми, и если бы я была одна, я бы забралась на крышу, но...

— Я хочу убраться отсюда. Имагава нервничает. Мы уходим, как только я хоть немного поем. Миэко, дай ей переодеться во что-то получше этих лохмотьев, а потом отведи к остальным и накорми.

Еда.

Служанка кивнула, и леди Чийомэ посмотрела на меня, пронзая ледяным взглядом, как до этого в лесу.

— Не будь скучной и не веди себя как вещь, а не как гость. Ночью мы доберемся до места назначения, там Миэко приведет тебя ко мне, и мы посмотрим, насколько хороший ты приз.

Я поклонилась и начала пятиться, но ее голос остановил меня.

— Кано Мурасаки, ты можешь этого не понимать, но я оказала тебе огромную услугу. В моей власти дать тебе дар, о необходимости которого ты и не подозревала. Стань достойной, и ты будешь этому рада. Разочаруешь меня, и сильно пожалеешь об этом.

Я не понимала, о чем она говорит. Честно говоря, я была потрясена тем, что она назвала меня полным настоящим именем. Никто не называл меня так после того, как ушел отец. Я посмотрела на ее лицо, но оно было пустым, как лицо статуи Джизо.

— Кунико, я хочу принять ванну, — заявила она, развернулась и прошла в гостиницу, служанки следовали за ней.

— Идем, Рисуко-чан, — сказала Миэко, — следуй за мной, — она плавно развернулась и пошла по двору, ее высокие деревянные сандалии стучали по камням, как копыта лошади, и снегопад приглушал звук.

Я шагнула за ней и ощутила свое тело, тут же задрожав, не в силах управлять этим. Слезы покатались по моему лицу. Только теперь.

Она вела меня сквозь монетки снежинок. Хотя был полдень, из-за бури стало темно, и ее силуэт, казалось, таял в падающих перьях снежинок. Я танцевала по холодным камням босыми ногами на ледяном ветру и была похожа на цаплю рядом с плавно идущей Миэко.

— Мы дадим тебе переодеться и поесть до того, как уйдем, — сказала она.

Между мной и входом в гостиницу никого не было. Я подумала о побеге. Но еда...

Мы добрались до широкой двери, похожей на вход в конюшню. Миэко открыла ее и поманила меня внутрь.

— Идем, Рисуко.

Я зашла за ней и взгляделась в полумрак. Глаза привыкли, я различила пять силуэтов вокруг маленького огонька.

Комната и была похожа на стойло, но была переделана в общежитие для слуг. Низко пересекались балки, удерживая крышу. Вдоль одной стены лежали матрасы, огонек согревал пространство из центра. Почти согревал.

Пять фигур встали и повернулись ко мне. Мне хотелось забраться на подоконник и убежать. Но уже было поздно.

Я узнала две крупные фигуры прислужников леди Чийомэ. Они посмотрели на меня, склонили головы и повернулись к огню, мешая рис в котелке.

Другие три фигуры подошли ко мне. Вдали от огня их силуэты стали мягче. И я смогла разглядеть их лица. Они были старше меня, но все еще дети. Самый большой был парнем с бледным улыбчивым лицом. Посередине девушка тоже улыбалась, но совсем не дружелюбно. А самой маленькой была девочка чуть старше меня, что очень смешно хмурилась.

— Дети, — сказала Миэко, положив ладонь на мое плечо, — познакомьтесь с нашей новой спутницей, Кано Мурасаки.

— Кано, — средняя девушка сощурилась. — Так это потому мы ждали тут, — заявила она.

Я попыталась отпрянуть, но Миэко осторожно удержала меня на месте.

Парень заговорил, будто девушка ничего не сказала.

— Я Аимару. И это Эми, — он указал на печальную девочку.

— Привет, — сказала она. Ее голос был приятным, но сердитый вид не исчез.

Парень уже хотел представить другую девушку, но она отбила его руку.

— Я — это я, — сказала она. — Мне все равно, знаешь ли ты, кто я, но я хочу знать, кто ты и зачем леди такаямышь, как ты.

— Она немышь, Тоуми, — сказала хмурая девочка. — Она слишком большая, — я не знала, шутила она или просто не поняла ее.

Девушка по имени Тоуми фыркнула и вернулась к огоньку.

— Там еда, — сказал Аимару. — Идем.

— Как тебя зовут? — спросила Эми.

Я вздрогнула. Мне не нравилось имя, что дала мне мама, но под ним меня тут уже знали.

— Меня зовут Рисуко, — пробормотала я, глядя в пол.

— Белка недалеко от мыши ушла, — сказала Эми, лицо ее все еще было строгим.

Что с ней? Она так шутит? Я не верила, что это так.

— Идем, Рисуко, — сказала Миэко. — Мы найдем тебе чистую одежду, а потом ты поешь.

Миэко схватила вещи с одного из матрасов и повела меня к одному из пустых загонов, где меня не увидели бы остальные. У нее была идеальная улыбка-полумесяц. Она протянула вещи.

— Давай свою одежду.

Ее мягкости невозможно было перечить, как и приказам леди Чийомэ. Трясаясь, я сняла тонкий мокрый верх и штаны. Я протянула их ей, вода капала на солому на полу.

Ее улыбка застыла на лице, она забрала вещи кончиками пальцев. Держа их на расстоянии вытянутой руки, она развесила одежду на другом загоне. Больше я эти вещи не видела.

Она выдала мне чистую одежду: синие штаны и тканевая куртка. Сзади был белый круг — мон леди Чийомэ.

Миэко отвела меня к огню, а там была большой котелок риса и тарелочка с кусочками рыбы.

— Мне нужно помочь леди собраться, — тихо сказала мне Миэко. Повернувшись к остальным, она сказала. — Мы уйдем, как только леди поест. Она хочет поскорее покинуть территорию Имагава. Будьте готовы уходить.

Мужчины кивнули. Аимару тряхнул головой, Эми смотрела. Тоуми фыркнула.

На этом Миэко развернулась и выскользнула из конюшни.

Аимару и Эми приступили к своему ужину. Тоуми устроилась у стены. Она смешивала рис с рыбой пальцами, но все время смотрела на меня, ее глаза блестели в свете пламени. Великан, которого леди Чийомэ назвала Братишкой, передал мне рис с рыбой в деревянной миску и пару грубых палочек. Я села на солому и приступила к еде.

Магушка не покормила нас утром, и я долго шла по холоду, а впереди маячил новый путь, так что я была голодной. Я начала палочками запихивать рис и тонкие ломтики рыбы в рот. Палочки могли быть грязными, но я не жаловалась.

Я проглотила еду, едва ощутив ее взгляд, но остальные уже начали собирать вещи.

Я не тревожилась, мне было нечего собирать. Я доела рис, ополоснула миску водой из ведра, остатками залили огонь.

— И как ужин нашей Мышке? — оскалилась Тоуми у стены.

— Не будь злокой, Тоуми, — сказал Аимару. — Не из-за нее мы ждали здесь...

— Три дня! — рявкнула Тоуми. — Почему леди считает тебя такой ценной? Особенной? — ее лицо помрачнело.

Я чувствовала шум крови в ушах. Кончики пальцев покалывало. Еда и тепло вернули мне власть над телом и душой.

— Я не знаю! Не знаю, что она хочет от меня! Она выкупила меня у матери этим утром, — и все, даже мужчины, даже Тоуми, оставили на меня, раскрыв рты. — Я лазала по деревьям с сестрой, но тут меня увели, не дав ни с кем попрощаться!

— У тебя была мама, — сказала Эми. — И сестра.

Я уставилась на нее, уголки ее рта стали еще ниже, а вид — печальнее. Я пыталась говорить, но ее печаль была доведена до такой крайности, как было с моей сестрой, когда ломались ее соломенные куклы, когда она ударялась ногой или после того, как ушел отец. Я опешила.

Аимару нежно коснулся моей руки. Я поняла, что сжимала палочки, как кинжал. Он сказал ровным голосом:

— Не по твоей вине все остальные — сироты.

— Сироты? — ответила я.

Эми и Аимару мрачно кивнули. Аимару сказал:

— Леди нашла каждого из нас. Я рос в храме, меня оставили младенцем монахам. А Эми...

— Я жила на улицах столицы, — сказала Эми. — И немного помню маму.

Тоуми снова фыркнула.

— Сироты? — повторила я. На глаза навернулись слезы, горло сдавило. Почему я плачу?

— Говорите, как хотите, но моя семья мертва, а я — не сирота, — процедила Тоуми. — Я из семьи Таругу. И никто не продал бы меня, как мусор.

3

Полет

Я не помнила, что случилось дальше. Но я никогда не хотела никого бить, даже сестру. Хотя порой у меня такие мысли появлялись.

Было что-то в поведении Тоуми — ее злости и возмущении — знакомое для меня. Она не отвернулась, когда моя рука ударила ее по щеке. Мы застыли от шока. Это длилось один удар сердца, а казалось, что мы вечность смотрели друг на друга.

Красный отпечаток моей ладони проступил на ее бледной коже. Моя ладонь горела.

Я видела замедленно, как ее глаза сужаются от гнева, я знала, что теперь она хотела меня убить. И она это могла. Она склонилась вперед, собираясь замахнуть рукой.

Я не знала, как все случилось дальше. Я отскочила и забралась на стену. Доски были полны зазоров, за которые можно было уцепиться. Я видела сверху, как открылась дверь с другой стороны. Если я смогу пробраться по верху над Тоуми, я выбегу под снег.

Тоуми бросилась на меня, рыча.

Мои руки и ноги двигались сами по себе.

Она не успела дотянуться, Тоуми за воротник схватила огромная рука Братишки, как железная цепь. Он держал ее, и ноги ее болтались. Он повернул свое круглое лицо ко мне.

Первую часть плана я выполнила — я была на балках под крышей. Оставалось только сбежать.

Лицо Братишки было нечитаемым. Как и у его товарища, что смотрел на меня, закрывая собой дверь. Все-таки сбежать не выйдет.

— Спускайся, — сказал Братишка. Его голос был низким, как гул землетрясения. — Никто никого больше сегодня не тронет.

Он осторожно опустил Тоуми у огня.

Я спрыгнула на укрытый соломой пол.

— Слушайте обе, — он сел, глядя на всех. — Слушайте, все вы. Мы и без этого в опасности. Не добавляйте новых. Теперь вы здесь из-за доброго сердца леди Чийомэ. Все вы принадлежите ей. Вы ее гости, — он посмотрел на меня, — но и ее вещи. Если хотите, чтобы доброта леди Чийомэ продолжалась, обращайтесь с ее вещами осторожно, — его спокойный взгляд упал на искаженное от ненависти лицо Тоуми, она смотрела на меня. — Если хочется биться, ударьте меня. Но я ударю в ответ.

Тоуми моргнула, еще раз, а потом отвернулась и ушла в снег.

Братишка и его товарищ стояли, не двигаясь, не реагируя на нее. Я пошла к огню, села и пыталась дышать. Они следили за мной, и взгляды не угрожали, но мне было не по себе. Было стыдно, что я проявила злость, ударила другую, хотя отец учил меня не вредить.

Они отвернулись и вышли, собираясь поискать Тоуми.

Но Эми и Аимару еще смотрели на меня. И мне казалось, что на меня нападут.

— Что? — рявкнула я.

— Ты белка, — сказала Эми.

— Как ты это сделала? — сказал Аимару, не скрывая потрясения.

— Что сделала? — спросила я. И вдруг снова почувствовала голод.

— Ты забралась по стене, как паук, — сказал Аимару.

— Как белка, — исправил Эми.

— Никогда не видел, чтобы человек так лазал, — продолжил Аимару.

— Н-не знаю, — пробормотала я. — Я всегда это хорошо умела.

Они кивнули, но явно не верили мне.

— Знаете, — сказала я, потому что мне казалось, что я должна что-то сказать. — Рисуко — только кличка.

Аимару поднял руки и улыбнулся. Ему было все равно. Его улыбка была, как у Будды, будто я сказала, что на самом деле я — кицунэ — дух-лис, который украл всю их еду.

Эми надулась и спросила:

— Тогда как тебя зовут?

— О, — сказала я, хотя ее вопрос был логичным после моих слов. Но я не ожидала, что она спросит. — Я... Мурасаки.

Она растерялась.

— Это не девушка из какой-то истории? Старой истории?

— Да, — сказала я. — Истории Генджи. Имя писателя. Это старая история о любви. И любимая папина история.

Она погрузилась, ее глаза стали мокрыми.

— Когда мама была жива... она рассказывала истории оттуда.

Я кивнула, показывая, что понимаю. Эми, потом Аимару пошли к двери с матрасами в руках.

— Мы должны быть готовы уйти, — извинился Аимару.

Я огляделась, чтобы что-то взять, но, конечно, мне было нечего нести. Я хотела уже спрятаться здесь,

подождать, пока они уйдут, но ощутила безмолвное присутствие за собой. Я не удивилась Братишке и его товарищу, оказавшимся за моей спиной как каменные колонны.

Я попыталась улыбнуться им. Младший улыбнулся мне в ответ.

— Скажите, как... мне вас называть?

— Братишка, — сказали они в унисон.

Младший, что подмигивал мне, широко улыбнулся.

— Леди так нас называет. Все ее последователи — учителя и ученики Полной луны — Мочизуки — знают нас как Братишек.

Учителя? Мочизуки? Школа в полнолуние? Я ничего не понимала.

Крупный не радовался так, как его товарищ.

— Леди Чийомэ сказала, что мы уходим.

4

Край мира

Все вокруг меня бегали по двору, загружая вещи на двух коней и утепляясь.

Когда я подошла к ним, Эми слабо улыбнулась и дала мне теплую накидку, а потом матрас.

— Это на ночь. Положи к нашим на белого коня.

Я была удивлена улыбке, потому не сразу забрала у нее сверток.

Когда я сунула свой матрас к остальным и накинула на тонкую синюю рубаху теплую, младший Братишка выдал каждому из нас накидки из соломы и соломенную обувь.

— Мы будем идти под снегом, — сказал он спокойно. — Нельзя, чтобы вы отморозили ноги.

Мы обулись, и мне казалось, что я стою на колючей хвое. Мы натянули длинные сплетенные из соломы накидки, Эми и Аимару захихикали. Я подняла голову. Они напоминали ходячие стога сена. Даже Тоуми едва заметно улыбнулась. И я вспомнила свою младшую сестренку Усако, сердце сжалось.

Вход не был защищен. Но в такой обуви...

Тоуми накинула на голову соломенный капюшон.

— Вы похожи, — пробормотала она, — на стадо коров в зимних накидках.

— А на что тогда похожа она? — прошептала Эми.

Братишки вынесли черный паланкин из конюшни, леди Чийомэ и Миэко вышли из гостиницы. Кунико, горничная с каменным лицом, шла за Братишками, сжимая нечто, похожее на короткий меч, приделанный к шести с нее ростом. Позже я узнала, что это оружие называется глефа. Я не представляла, как Кунико обращается с ним, но она уверенно сжимала его в руках. Видимо, она была этому обучена.

Старая богачка была в той же одежде, что и ранее днем: в темном многослойном зимнем кимоно. Я думала, что горничные будут в элегантных шелковых кимоно, но они тоже были в теплых синих зимних одеяниях с белым кругом. Братишки тут же опустили паланкин перед леди Чийомэ, она забралась в ящик плавным и едва заметным движением.

Я думала, что ее горничные залезут к ней, а их общий вес замедлит Братишек.

Но две молодые женщины пошли с нами, Миэко со своими плавными движениями, и Кунико с оружием. Кунико говорила с нами прямо и резко, не обращая внимания на свою глефу.

— Мы будем в пути десять дней, если позволит погода. Идите. Не скулить, — голос леди Чийомэ рявкнул:

— Вперед! — и Братишки подняли паланкин и повели нас из двора гостиницы.

Кунико шагала сразу за ними, одной рукой удерживая поводья лошадей, другой двигая глефой, как тростью. Мы шли за ней. Миэко замыкала строй.

Мне было интересно, что будет, если я не пойду за ними, если я убегу на улицу Соснового берега и спрячусь в лесу за городком. Но я только и делала, что шла, спешила, чтобы поспевать за ними. Мы двигались на север по главной дороге. Мы быстро шагали по снежным и пустым улочкам. Несколько владельцев магазинов и попрошаек испуганно поглядывали на нас.

Конь промчался мимо нас на север. На наши соломенные накидки попала грязь, и конь исчез впереди. Может, это был тот же всадник, что забрызгал меня ранее.

Я едва успела заметить, как мы ушли от моего дома, прошли мимо торговца рисом, которому отец помогал написать брачный контракт с дочерью Джиро-сана, Канной.

Мы шли ровно. За городом старую широкую реку пересекал мост. Солдаты Имагавы охраняли его, но смотрели на север. На нас взглянул только один и помахал, пропуская.

Копыта наших коней застучали по деревянным доскам моста. Река была глубже и медленнее, чем возле деревни, я шла по краю моста, глядя на темно-зеленую воду. Было бы лето, и я сбежала бы, спрыгнув с моста и поплыв к месту, где река проходила рядом с нашим домом. Но Братишки шли быстро, уводили нас на твердую землю по дороге Великого океана прочь от моего маленького мира из сосен и дубов, ручья и замка за стеной.

* * *

Дорога была широкой и ровной. Почти все время мы шли по берегу, и деревьев здесь было мало, они были кривыми. А когда мы пошли вдоль леса, казалось, что часть его вырубил.

— Наверное, чтобы бандиты не могли там прятаться, — предположил Аимару, когда я указала на это во время редкой передышки.

Солдаты Имагавы промчались мимо нас на север. Пар из ноздрей лошадей оставлял за ними белый призрачный след.

— А еще, — пробормотала Эми, — так нам проще освободить дорогу всадникам.

Я кивнула, но мне это не нравилось. Я всю жизнь была окружена деревьями. А на открытой дороге я чувствовала себя... обнаженной.

Солнце двигалось к вершинам гор вдаль, мы обнаружили, что дорога не всегда позволяла нам легко пропускать солдат. Мы приближались к перекрестку, главную дорогу закрывали вооруженные люди, в основном, солдаты Имагавы. Они не были в дозоре. Они лежали, перевязанные и истекающие кровью.

Самурай в рваной броне встал, когда мы приблизились, одной рукой прося нас остановиться, другой сжимая меч. Кунико отпустила поводья коней, схватила двумя руками глефу, направив лезвие, но пока не угрожая.

Леди Чийомэ выглянула из паланкина.

— Что такое? Почему замедлились?

— Нельзя сюда, леди, — сказал самурай.

Все собрались за Кунико и паланкином. Миэко встала перед Тоуми, Эми и мной.

— Нам нужно пойти дальше, если мы хотим пройти мимо сражения, — проворчала старушка. Самурай издал смешок без юмора.

— Но не здесь, — сказал он, указывая назад большим пальцем. — Пройти дальше здесь вы можете только в мир иной.

Я поежилась.

— Дальше деревня, — сказал самурай, — указывая на тропинку. — Была там пару дней назад. Можете переночевать там, а потом оттуда по дороге пойти в провинцию Быстрой реки. Не думаю, что там много сражений по пути.

— Но нам нужно...!

— Леди, если вы пойдете, я сам убью всех вас. Никаких простых жителей, — он посмотрел на Кунико. — Никого...

Чийомэ-сама захлопнула окошко паланкина, и Братишки восприняли это как сигнал идти по тропинке. Мы пошли за ними. А я услышала ее ворчание из ящика:

— Хулиган!

Мы добрались до деревни в темноте. Кунико подошла к старушке. Я слышала ярость в повышенном голосе Чийомэ-самы, но не разобрала слов.

Вооруженная горничная прошла к нам, стиснув челюсти. Я не слышала, что она сказала леди, но уловила слова «опасность» и «враг».

Чийомэ-сама высунула голову из окошка, и я расслышала ее ответ с отвращением в голосе:

— Кунико! — завопила она, горничная была на расстоянии вытянутой руки. Леди указала на единственное здание в деревне с табличкой. — Посмотри, гостиница ли это. Пусть греют воду, я хочу принять ванну, — она захлопнула окошко.

С достоинством Кунико передала поводья одному из Братишек и пошла к зданию.

Миэко стояла за мной. Я повернулась к ней и прошептала:

— Почему леди Чийомэ так злится?

Миэко склонила голову и очень тихо спросила:

— Что ты видела сегодня в пути?

Я нахмурилась на миг.

— Туда-сюда проносились всадники.

— Сколько?

— Эм, — я нахмурилась снова. Тоуми оскалилась под своим соломенным капюшоном. — Один утром ехал в замок? Другой у моста в Сосновом берегу... и... несколько, когда мы остановились?

Миэко вскинула брови и повернулась к Эми.

— Сколько, Эми-чан?

— Девять, — ответила Эми.

— Хорошо, — сказала Миэко и посмотрела на меня. — Такая группа называется эскадрой. Как думаешь, зачем их столько?..

Тоуми перебила:

— Потому что идет чертова битва, как и сказал тот солдат!

Миэко не дрогнула, улыбка осталась, но твердость намекнула нам, что вмешательство Тоуми ей не понравилось. Через миг она заговорила, глядя на меня:

— Да. В Сосновом берегу были слухи о сражении неподалеку. Люди Имагавы напали на пост... людей лорда Такеды. Чийомэ-сама хотела пройти опасное место до ночлега.

— Она думала, что мы уйдем еще дальше? — услышала я шепот Эми. Тоуми ничего не сказала. Я видела по их лицам, что они так же замерзли и устали, как и я.

Я поежилась, думая о чем-то кроме замерзших губ и ноющих ног: те солдаты на перекрестке были изранены. Сражение? Мне вдруг стало ясно, что безопаснее быть с остальными, чем ходить одной.

Когда Кунико вернулась, она сообщила леди Чийомэ, что дом — это гостиница, и они будут рады принять госпожу и ее свиту, а ванну уже готовят.

Мы медленно пошли к гостинице, я увидела несколько лиц, поглядывающих на нас из-за занавесок и дверей. Несколько крыш было сожжено, черная солома темнела на фоне новой соломы. Два дома были лишь черными обломками.

Табличка гостиницы тоже была почерневшей, но не было ясно, виной тому грязь и время или пламя и сажа. Там был едва различимый рисунок кота с поднятой лапкой.

Мы медленно вошли. Это место не впечатляло, как и гостиница в Сосновом берегу, но эту, казалось, сдует сильным ветром. У входа виднелся улей, но и он был помят и явно заброшен.

— Добро пожаловать в гостиницу на горе Фудзи! — радостно сказал сухой голос. Старушка в латаном кимоно, что было элегантно во времена ее бабушки, вышла во двор из входной двери.

— Гора Фудзи? — сказала Чийомэ-сама, выйдя из паланкина. — Мы в двух днях пути от горы, — фыркнула она.

— Ах! — сказала владелица, низко поклонившись, — но если погода завтра будет ясной, вы увидите священную гору на севере, — она огляделась и добавила. — Да, это далековато, но вы ее увидите. При ясной погоде.

Она хлопнула в ладоши.

— Уважаемая леди, мы будем рады обслужить вас и вашу свиту. Я проведу вас в вашу комнату. Мой муж приглядит за лошадьми, — старик, чей вид был еще более уставшим, чем у нее, вышел, забрал поводья и отвел лошадей в одинокое стойло. Кунико пошла за ним.

— Комнату? — спросила леди Чийомэ, выглядя удивленно, а не властно.

— Уважаемая леди, — сказала владелица, — у нас мало посетителей в такое время. Не то время года. И сражение... Свободна одна комната на первом этаже.

— Первый этаж! — сказала леди Чийомэ. — Это для моих слуг, — она указала на всех нас взмахом руки, — а я хочу что-то на втором этаже.

Старушка виновато зашипела:

— Эээ, очень жаль, уважаемая леди, но верх гостиницы... был... — она взглянула на леди Чийомэ. — Вы заметили, что деревня горела. Такеда чуть не сожгли все в прошлом месяце, пока их не прогнали люди Имагавы.

Владельцы выпрямились, Миэко в безмолвном вопросе вскинула бровь. Было тревожно оказаться так близко к сражениям в этом районе, меня это пугало. Леди Чийомэ вскинула руку, чтобы все взяли себя в руки.

— Мы останемся, — сказала она. — Слуги будут спать в конюшне или столовой.

Владелица поклонилась.

— Да, уважаемая леди.

Вернувшаяся Кунико склонилась к леди Чийомэ и зашептала. Та ухмыльнулась и сказала:

— Моя горничная сообщила, что в конюшне едва поместились лошади. Мои слуги останутся в столовой.

— Да, госпожа.

5

Гостиница у горы Фудзи

На первом этаже было три комнаты, кроме столовой и кухни, но две ближе к двери были закрыты. Двери были покрыты черной сажой. Леди Чийомэ направила Братишек с ее вещами в дальнюю комнату.

Миэко и Кунико отвели Тоуми, Эми и меня в столовую. Я удивилась, что Миэко оставила свой матрас в комнате с нами, я думала, что она будет ночевать с леди, но она осталась в комнате со слугами.

Мы разложили матрасы с одной стороны и устроились за низкими столиками с другой. Столики когда-то были сделаны из хорошего дерева, и на стенах висели когда-то милые гобелены. Теперь они были выцветшими и поеденными молью.

Ужин был из жирного рагу из какого-то мяса и риса, который приготовили слишком быстро — часть была

сырой, а другая — подгоревшей. Но мы все это ели, даже леди Чийомэ. Мы проголодались после долгого пути. Мы доели, и старики решили унести наши миски, но леди Чийомэ вскинула величественно тонкую руку.

— Служанки все уберут.

На миг я пыталась понять, что означает этот жест, когда меня вдруг осенило, что я была одной из служанок, которых Чийомэ-сама хотела заставить работать. Я огляделась и заметила, что Аимару и Эми уже встали и начали собирать миски и палочки, и даже Тоуми начала убирать стол с недовольной решимостью.

Я взяла свою миску и того из Братишек, кто сидел рядом со мной. Осторожно подняв их, я присоединилась к остальным, а Аимару повел нас на кухню. Старушка замахала руками, чтобы остановить нас:

— Эээ, не нужно...

— Это наш долг, — сказал Аимару, быстро поклонившись, и мы пошли через рваную занавеску на крохотную кухню. Там были стопки битых мисок на покрытых паутиной полках. Огонь дымил и угасал, пока мы смотрели. Горели явно обломки хорошей мебели, остались обрывки несгоревшей украшавшей мебель ткани; и огонь разжигали явно с помощью обрывка гобелена. Они готовили ужин на последние средства — из самой гостиницы.

Эми схватила ведро и вышла наружу, чтобы принести воды из колодца.

Мы начали мыть кухонные принадлежности — черную потертую сковороду, горелую деревянную ложку и хрупкого вида горшок для варки риса.

— Жалкое зрелище, — проворчала Тоуми.

— А у нас были жилища лучше? — спросил Аимару.

Тоуми прикусила губу и пробормотала:

— Может, и нет, но все же лучшее право по рождению, — она принялась агрессивно оттирать миски.

Вернулась Эми.

— Хотя бы вода чистая, — сообщила она с радостью, которой обычно не было на ее лице.

Фыркнув, Тоуми подняла горшок, полный горелого риса и косточек, и понесла его к горе отходов.

— В отличие от некоторых из вас, я не была рождена для такой мерзости.

— Что ты знаешь о том, для чего были рождены мы? — сказала я. Не подумав, я встала за ней. Она развернулась, и я уже думала, что она ударит меня горшком. Я вскинула руки к лицу.

Очень плавно, с тонкой улыбкой Тоуми подняла горшок над моей головой и высыпала жирное содержимое на меня. Я завизжала и хотела погрузить ногти в лицо Тоуми, чего она и добивалась от меня, но тут услышала тихий спокойный голос Миэко со стороны двери.

— Убрать. Все четверо. Сейчас же.

Мы с Тоуми переглянулись, ожидая нападения. Я не думала в этот момент о том, чему нас учил Ото-сан, прося не вредить. Я хотела убивать. Я видела, как с моих волос падал жирный рис. Повезло, что владельцы гостиницы были бедными, а мы — голодными, в горшке еще немного осталось.

Мы медленно склонились, чтобы приступить к уборке. Эми и Аимару помогли убрать остатки ужина. Позже я помыла голову остатками воды, радуясь, что новая одежда почти не испачкалась. Леди Чийомэ это точно не понравилось бы.

Когда мы справились, все отправились спать. Я хотела поговорить с Эми, задать множество вопросов. Но она уже похрапывала до того, как я забралась на свой матрас.

Я старалась не издавать звуки, потому что плакала. Думала об Усако и маме. Ока-сан продала меня. Усако гуляла по лесу без меня.

Если я и могла бы сейчас сбежать, я не найду дорогу домой, да и мне там могут быть не рады.

Я не успела успокоиться и уснуть. Раздались ровные шаги по татами.

— Кано Мурасаки, — тихо сказала Кунико. — Идем. Леди хочет тебя видеть.

Я встала с матраса, вдруг осознав, как затекли ноги, и как слиплись волосы.

Кунико увела меня из темной столовой, где все мы спали, в тесную комнату, где ждала леди.

Она сидела на подушке, одеяние элегантно лежало вокруг нее. Братишки стояли за ее плечами — огромные и тихие, а Миэко скрывалась в стороне в тени. Перед ней был низкий столик, на котором было несколько предметов, включая листы рисовой бумаги, мисочку самых черных в мире чернил, ящичек с разноцветными чернильными палочками и красивая кисть с красной рукоятью.

Кунико хлопала меня по плечу. Я села на колени и поклонилась.

— Подойди, Рисуко, — сказала леди Чийомэ, указывая бледной ручкой, что я должна сесть напротив нее за столиком.

Я придвинулась на коленях, чувствуя, как грубый татами цепляется за мою новую одежду. Наконец, я добралась до стола на коленях, все еще глядя вниз.

— Что ты сделала с волосами, дитя?

Я скривилась, все еще глядя на ножки стола.

— Был... случай на кухне.

Леди Чийомэ вздохнула.

— Думаю, если собрать утром с дерева постреленка, к вечеру она леди не станет.

Один из Братишек издал звук, похожий на смешок.

— Подними голову, дитя, — леди то ли кривилась, то ли насмехалась. Она указала тонким пальцем на принадлежности перед ней.

Мисочка, в которой были чернила, была тонкой, как яичная скорлупа, темно-синей, и она словно впитывала свет свечей и огонька. Рядом стоял потертый чернильный камень.

— Я хочу посмотреть, чему научил тебя твой отец, Рисуко, — она склонила голову, словно пыталась выглядеть коварно. — Напиши что-нибудь.

Едва приподняв голову, я взяла листок рисовой бумаги. Она была такой тонкой, что я едва чувствовала ее между пальцами. Положив ее перед собой, я представила, что могу почти видеть стол сквозь бумагу.

— Что мне написать? — спросила я.

— Что хочешь, — ответила она, махнув рукой.

Я закусила нижнюю губу изнутри на секунду. Я не могла ничего придумать. А потом вспомнила, как сидела рядом с отцом, копируя одно из его стихотворений, пытаюсь повторить его плавные мазки кистью.

Я схватила кисть, но пальцы дрожали.

— Хорошие чернила.

Она раздула ноздри.

— Конечно, — она явно думала, что я сказала полную глупость.

Я глубоко вдохнула, пытаюсь потянуть время и успокоить руку. Я пыталась представить слова, появляющиеся из-под кисти отца, три строки любимого стихотворения Ото-сана. Не понимая, что я делаю, я сжала кисть, обмакнула в чернила и позволила кончику двигаться по белоснежной бумаге.

Быстро гибнут солдаты

Битва белого и алого

Лепестки на земле.

Леди Чийомэ снова фыркнула, глядя на мою каллиграфию. Но в этот раз дело было не в отвращении, я поняла, что она была потрясена.

— Очень хорошо, — сказала она, вскинув брови.

Так и было. Отец гордился бы. Я была не так хороша, но линии были четкими и легкими.

— Это одно из стихотворений отца.

— Да, — сказала она. — Знаю.

Я хотела спросить, откуда она это знает, но она вскинула тонкий палец. Ее лицо было спокойным, но внутри что-то бушевало.

— Поэзия — это хорошо, но выучить хокку может любой. Покажи мне что-то сильнее. Прозу.

Я глубоко вдохнула и тут же подумала об абзаце, который Ото-сан давал нам каждый раз. Я взяла чистый лист и кисть. В этот раз я была спокойнее.левой рукой я придерживала правый рукав.

— Спрячь язык во рту, дитя, — цокнула леди Чийомэ.

Я послушалась. Я и не заметила, что высунула его. Пальцы снова задрожали.

Я глубоко вдохнула, осторожно обмакнула кисть в чернила и начала писать.

На землях некого императора была леди из простых людей, но он любил ее сильнее остальных. Великие амбициозные леди смотрели на нее с презрением. Поэтому...

Мою концентрацию нарушил странный звук — не то свист, не то хрип. Я тревожно вскинула голову.

Лицо леди Чийомэ исказилось и помрачнело. А потом она снова издала этот звук, но уже громче, и я поняла, что она смеется. Слезы потекли из ее глаз, она завывала от смеха.

Я сидела, пока чернила засыхали на кисти, и боялась пошевелиться. Я не знала, почему она смеется, боялась, что мое действие тут же разозлит ее.

Она протянула руку к Миэко, и по лицу горничной я поняла, что она так же потрясена, как и я. Идеально-черные брови Миэко были так высоко, что могли переломиться.

Леди Чийомэ взяла из рукава Миэко шелковый платок и начала вытирать глаза. Я заметила, что и двое стражей были потрясены.

— Ну, Миэко, — сказала леди, — видишь? Я посмотрела на вершину забытой сосны в забытой провинции Чистоты, а нашла последнего великого энтузиаста «Сказаний Генджи», — она расхохоталась, Миэко улыбнулась, даже если не понимала. Старушка повернула ко мне лицо с потекшей белой краской. — Ну, моя маленькая писательница. Твой отец хорошо тебя обучил, — она громко высморкалась.

— Вот, Кунико, — она отдала ей шелковый платок, лицо горничной было маской, а потом леди повернулась

ко мне. — Теперь покажи, как ты читаешь.

Плавно и так быстро, что я не успела заметить, она забрала из моей руки кисть. Удерживая ее, как нож, между средним пальцем и большим, она обмакнула кисть в чернила и написала на новом листе рисовой бумаги. Она поймала мой взгляд, словно спрашивала: «Внимательно смотришь?».

Как и я, она придерживала рукав, но где я просто хватала ткань, чтобы не испачкать в чернилах, она двигалась элегантно, словно танцевала.

Ее рука едва двигалась, но кисть оставляла иероглифы на бумаге — хирагана ку (く). Изгиб — катакана но (ノ). И последней была горизонтальная черта — китайский иероглиф кандзи ичи (一).

Она плавно отложила кисть и посмотрела на меня.

— И? — спросила она, указывая на то, что написала.

Я была в замешательстве. Я понимала отдельные части, но не все вместе. Ото-сан говорил, но не стоит писать в одном слове катаканой, хираганой и кандзи. Я повернула голову, глядя на надпись под другим углом, словно это помогло бы.

— Эм, — сказала я. — Первый знак — ку, что значит «девять». А это но, что значит... «из»? Или «откуда». И линия похожа на кандзи, означающий «один», — я отодвинулась, и слово стало целым, словно остров появился из-за тумана. — А вместе... Если объединить части, получится кандзи, означающий «женщина» (女).

Леди Чийомэ снова улыбнулась, это пугало.

— Да, белочка, да. Куноичи — особые женщины, да, — она посмотрела на своих горничных, а потом на меня. — Может, если тебе повезет, ты когда-нибудь станешь такой.

Я уставилась на нее.

— У меня есть вопрос, дитя.

— Да, госпожа?

Она подхватила кисть и опустила ее в склянку с водой, чтобы вымыть ее. Взяв другой лист, она сказала:

— Этим утром ты сказала, что смогла увидеть, на что смотрели лорд Имагава и его подопечный.

Я кивнула.

Она скептически смотрела на меня.

— Чтобы так далеко видеть, ты должна быть соколом, а не белкой.

— Но... я это видела, моя леди.

— Хмм. Ты так говоришь. А можешь воспроизвести то, что увидела?

Теперь была моя очередь хмуриться. В голове была четкая картинка: большие зеленые блоки, маленькие красные и синие вокруг них. Линии как стрелы торчали из них. Я снова кивнула.

Она придвинула ко мне коробочку с цветными чернилами и отдала кисть.

— В этот раз не высывай язык.

Я прикусила его.

— Да, Чийомэ-сама, — и я постаралась изобразить рисунок как можно точнее.

Когда я подняла голову, глаза леди Чийомэ были огромными.

— Уверена, что видела это?

— Да, моя леди.

Она хмыкнула и повернулась к Кунико.

— Нужно как можно скорее убираться отсюда завтра, Кунико, — она махнула мне. — Иди спать, девочка. Утром мы будем в пути, — она улыбнулась мне уже мягче. — Приятных снов, Рисуко.

Но мне в ту ночь ничего не снилось.

6

Чай и сладости

Утром нас всех разбудил грохот. Казалось, это гром звучит вдали. Но Миэко и Кунико были уже на ногах до того, как я села и протерла глаза.

— Что это? — спросила я у Эми, что протирала глаза рядом со мной. — Сейчас ведь холодно для грома и молний? И на землетрясение не похоже...

Эми покачала головой и нахмурилась. Мы прислушивались, пока одевались. Моя одежда все еще немного сырой и слабо пахла горелым рисом и затхлостью.

Тишину сотряс еще один грохот. Я спала недалеко от кухни, я видела тусклый свет за дверью.

Мы начали сворачивать матрасы. Я хотела снова спросить, что это за шум, но тут раздался новый звук, объяснивший все. Резкий и высокий. Выстрел. И он раздался неподалеку.

Ноги похолодели, я выронила матрас.

Сражения дошли до нас.

Кунико появилась у входной двери, ее лицо было, как обычно, каменным. Она рявкнула на младшего

Братишку:

— Охраняй задние ворота, — а старшему сказала. — Идем со мной охранять леди, — они с Миэко переглянулись. И это означало: горничная и четверо детей будут обороняться сами.

Я заметила взгляд Эми, я разделяла панику, давящую из меня воздух. Даже Тоуми была бледной и потрясенной.

Еще несколько выстрелов, и низкий рокот — пушка.

Миэко повернулась к нам, она была в тонком одеянии и, казалось, собиралась позировать для рисунка, а не ожидала сражения.

— Аимару, уведи девочек на кухню. Я буду охранять дверь. Там вы должны быть в безопасности.

Мы поспешили к дверям.

— Аимару! — окликнула Миэко, ее голос выдавал больше эмоций, чем то было раньше. — Они — твоя ответственность, понимаешь?

Он резко, словно солдат, поклонился и повел нас на кухню.

Вдали раздался очередной рокот, он звучал дольше и выше, чем пушка. К нам мчались кони.

Аимару схватил изогнутый нож и полки у кастрюль, которые мы начистили в прошлую ночь. Край ножа был изломанным, но острие казалось убийственным. Он проверил оружие двум взмахами, а потом посмотрел на нас. И я поняла, что он напуган не меньше нас.

— Тут есть маленькая кладовая. Поместитесь втроем?

Я хотела возразить, но он перебил меня с внезапным нетерпением:

— Вас учили сражаться? — мы стояли и молчали. — Сможете сразиться с взрослым солдатом? — мы опустили плечи. Он открыл дверь и втокнул нас внутрь.

— А он знает, как сражаться? — пробормотала Тоуми. Ее плечо прижалось к моему носу. Я не могла дышать.

Кладовая была крошечной. Полки были пустыми, и только паутина покачивалась над нами.

Эми прокряхтела и отвернула голову от волос Тоуми.

— Я была здесь, когда леди Чийомэ подобрала его на горе Хиэй. Его тренировали как воина-монаха.

Тоуми выглядела так, что могла укусить Эми, но громкий вопль со двора отвлек ее.

— Кто это?

Ответом был вопль:

— Убирайтесь отсюда! — и голос был похож на Кунико.

— Похоже, звук идет от главных врат, — прошептала я. Я слышала, как громко ржали наши лошади. А потом был взрыв звука: крики, звон стали о сталь, треск, от которого содрогнулась вся гостиница.

Я слышала, как кричал на заднем дворе Братишка:

— Подходите! Отличный день для смерти! — ответом было несколько злых голосов.

Из гостиницы сбежать не вышло бы.

И теперь я паниковала, оказавшись в тесной ловушке. Если бы я могла забраться на крышу, я бы прыгнула на соседнее здание... Я в отчаянии подняла голову.

Вверху сквозь соломенную крышу пробивался серебряный свет полумесяца. Я не успела опомниться, как оттолкнулась от плеча Тоуми к хрупким полкам.

— Эй! — рявкнула Тоуми.

— Мурасаки, — прошипела Эми, — спускайся!

— Я просто хочу посмотреть, — отозвалась я, чувствуя укол вины за то, что оставляю их. — Я сразу вернусь.

Я чувствовала, как в щели задувает холодный ветер, как шелестит крыша, чувствовала запах тысячи блюд, приготовленных на кухне. Я двинулась вверх, расширяя брешь между соломой и стеной.

Протиснувшись в дымоход, я услышала голос Аимару:

— Что ты делаешь?

— Ах, хочу посмотреть.

— Спускайся!

— Да, я... — я не хотела бросать его или Эми, это было нечестно. Но я не могла сидеть на месте. Я извивалась, поднимаясь по дымоходу.

Подняв голову, я увидела обгоревшую солому, закрывавшую дымоход от дождя. Как и все в гостинице, она была затхлою. Столбики были в саже, казалось, порыв ветра может сдуть крышу, как пепел от угасшего костра.

Но небо было голубым, серебряно-голубым, и я ощущала далекий запах моря, хотя основной была вонь дыма. Я поднималась и была так опьянена облегчением возможного побега, что чуть не упустила другой запах, от которого встали дыбом волоски на руках.

Порох. И близко.

Я выглянула из дыры в крыше, меня оглушила буря звуков. Выстрелы. Звон стали. Крики.

Я огляделась, пытаюсь найти другую крышу, чтобы прыгнуть на нее. Но я видела только облака пыли, серебряные вспышки. Я пыталась найти кого-то из наших, но дымоход был далеко от двора. Я слышала младшего из Братишек, воющего, как разъяренный медведь, но я не могла видеть его из-за края крыши. Куда мне идти?

Вдруг мне в лицо полетела солома. Я не понимала, почему, ведь ветра не было, крышу не могло так сдуть.

Я не слышала выстрел, пока пуля не врезалась в покрытую сажей балку на расстоянии ладони от моего уха. Балка сломалась, крыша заскрипела, начала падать.

Я рухнула обратно в кладовую, я видела облегчение и тревогу на круглом лице Аимару.

— Ну? — прорычала Тоуми.

— Я... не смогла ничего увидеть, — прошептала я, пытаюсь не дрожать.

Теперь шум был в коридоре. Старший Братишка сражался, наверное, как демон, чтобы защитить Чийомэ-сама.

Я с ужасом подумала о бедной Миэко, что осталась одна в столовой. Почему она не пошла на кухню с нами или не вышла с Кунико? Она жертвовала ради нас, делала это с тихим достоинством женщины-самурая, и отец всегда надеялся, что мы с сестрой станем такими. Я уже хотела позвать Миэко, чтобы она пряталась с нами, но услышала, как в столовую вошли двое мужчин.

Сквозь тонкую стенку за собой я услышала:

— Эй, Джуро, смотри, что мы нашли!

— Милашка из группы на перекрестке, что мы видели вчера. Эй, милашка. Поцелуешь солдата? — голос был похожим на того самурая, что остановил нас прошлым вечером.

Я услышала Миэко, а она говорила вежливо, как и всегда, несмотря на ситуацию:

— Прошу, господа, уходите. Я не хочу навредить вам.

Навредить?

Солдаты мрачно рассмеялись, мы услышали, как отбросили столы. Один отлетел в стену, к которой прижималась моя спина. Я чувствовала, как мы с Тоуми и Эми пытались подавить вскрики из-за Миэко, и было тесно, мы прижались друг к другу.

Из столовой донесся высокий визг, а потом вздох. И два стука, а потом стало тихо.

Всюду бушевало сражение. Вопли, крики, звон металла — было слишком много звуков, чтобы я поняла происходящее.

Новый звук ревел, как огромная волна, обрушивающаяся на берег, но вместо того, чтобы исчезнуть, звук несся к нам со стороны выстрела пушки.

Сотни бегущих лошадей.

Ото-сан рассказывал мне однажды — только раз — как видел нападение армии Такеда на остров Междуречья. Он сказал, что грохот их копыт был самым красивым и ужасным звуком, выше них были лишь звуки рождения нас с сестрой.

Звуки борьбы вокруг нас превратились в паникующие вопли, топот ног. Криков стало еще больше, а потом стук копыт прекратился.

Несколько долгих моментов стояла тишина, а потом Эми вскрикнула, когда дверь кладовой распахнулась, нас ослепил яркий свет. И мы — Эми, Тоуми и я — застыли, готовые бежать или отбиваться, если нужно.

Аимару стоял на пороге, лицо его было напряженным, как и наши.

— Доброе утро, — сказал он. Сзади показался Братишка, и он был мрачнее, чем обычно. Его лысая голова была с кровоточащим порезом.

— Тишь! — приказал он. — Мы не знаем, кто эти всадники, — он посмотрел на нас. — Где Миэко-сан?

Мы испуганно вдохнули — в облегчении мы забыли о бедной Миэко. Мы вырвались в столовую, чтобы помочь ей.

Миэко сидела на коленях, ее волосы свисали вокруг милого грустного лица. Она вытирала длинный тонкий меч платком цвета ржавчины. Перед ней лежали двое солдат в броне с гербом лорда Имагавы. Тот, что поменьше, был тем самураем, что приказал нам уйти с дороги. Оба были мертвы, их лица — искажены от шока.

Отмыв меч, Миэко спрятала его в маленькие плоские ножны.левой рукой она собрала волосы в пучок, а правой спрятала ножны в складках одежды.

Она делала все четко, словно выполняла ритуал жрицы, готовящей богам подношения в виде чая и сладостей.

7

Ветер

Миэко встала и спокойно поклонилась нам.

Из-за занавески в конце зала мы слышали стон. Аимару бросился туда с кривым ножом в руке. С криком он отдернул занавеску, а там оказались старые хозяева гостиницы, скорчившиеся на полу комнатки.

После мига потрясенной тишины Аимару поклонился им.

— Прошу прощения, — сказал он, словно ошибся дверью.

Старики едва понимали, что он там был.

Мы вышли в коридор. Еще два солдата Имагавы лежали замертво, старший Братишка стоял над ними. Мы с Эми побежали к входной двери, чтобы посмотреть. Кто нас спас, но леди Чийомэ крикнула:

— Стойте, дурочки! Мы не знаем, кто эти всадники!

Мы пристыжено вернулись, обойдя гору мертвых солдат у лестницы.

Братишки шагали с мечами наготове. Дверь висела на одной петле, на стену коридора падал солнечный свет. Младший Братишка с окровавленной головой выглянул за дверь.

— Все хорошо! — крикнул он. — Это армия Такеды.

Я была поражена: нашими спасителями оказалась сила, что была кошмаром во время работы воином моего отца, и врагом его второго покровителя, когда он работал писцом. Во что я ввязалась?

Леди Чийомэ подгоняла нас, и мы пошли к выходу. Я была перепугана. Отец говорил, что кавалерия Такеды была ветром, бурей, что сметала все на своем пути. Тоуми прижалась к моей спине, или это я застыла на месте.

Когда мы все собрались, старший Братишка потянулся к двери, но она сорвалась с петли со скрипом и рухнула на пол.

Я издала вопль, но резко захлопнула рот, зубы клацнули.

В теплом свете нас встретила ужасная сцена нового утра. Перед конюшней три солдата Имагавы лежали на земли в крови. Среди них неподвижно лежала Кунико, ее окровавленная глефа была зажата в руке. В ее груди торчал меч. Миэко и Братишки побежали к ней.

Леди Чийомэ тихо выругалась.

На входе в гостиницу четверо всадников блестели на черных жеребцах. На спине каждого был красный герб со знаком из четырех бриллиантов. Такеда.

Первый самурай, с рогами на шлеме, спрыгнул с коня и решительно пошел к нам.

Аимару поднял нож, но Чийомэ-сама накричала на него:

— Опusti это, мальчик. Ты поранишься.

Самурай Такеда опустил на колени перед леди Чийомэ и низко поклонился.

— Чийомэ-сама, — сказал он с уважением, — большая честь видеть вас снова. Нас послали найти вас. Я не ожидал, что это будет так просто.

Женщина была польщена его уважением.

— Просто, лейтенант Масугу. Мне говорили, что армия Такеда оставит провинцию Чистоты отрядам лорда Матсудаиры, — она выгнула бровь. — А он, видимо, нападает с другой стороны.

Самурай снял шлем, открыв потное лицо с острыми чертами и морщинами. Он осмотрел всех нас.

— Имагава понял, видимо, что попал в челюсти, и теперь борется, — он указал на мертвых воинов. — Они напали на наш лагерь прошлой ночью. Мы отбились, и они побежали сюда, решив нажиться на своих деревнях, а не защищать провинцию.

Леди Чийомэ посмотрела на трупы с отвращением.

— Бандиты, — сказала она, и было ясно по ее тону, что в ее случае это ужасное оскорбление.

Она посмотрела в сторону конюшни. Миэко сидела, и голова Кунико была на ее коленях. Она не плакала, но ее лицо было белым. Братишка, что был крупнее, тряс головой, а леди Чийомэ издала звук, похожий и на фырканье, и на вздох.

Глядя туда, лейтенант Масугу раскрыл и закрыл рот.

— Бедняжка... Мне жаль, — он повернулся к Чийомэ. — Она... умерла с честью.

— Да.

Что Кунико там делала? Что делала с этой длинной глефой в руках? Сражалась. И погибла.

Масугу растерянно скривился и осмотрел нас — Аимару, Эми, Тоуми и меня, стоявших там в одежде для сна.

— Кто это? — спросил он с любопытством. — Новые жрицы храма?

— Конечно, Масугу, — сказала Чийомэ-сама. — Богов нужно почитать и в такие времена.

Я моргнула. Жрицы?

Чийомэ-сама хитро сказала:

— Лейтенант Масугу, позвольте представить вам юных дев-самураев: Таругу Тоуми, Ханичи Эми и Кано Мурасаки, — было неловко слышать свой статус и имя. Я вежливо, но скованно поклонилась. Остальные сделали то же самое.

— Кано?.. — Масугу смотрел на нас так, словно пытался вспомнить, где еще нас видел. А потом вскинул брови и присвистнул. — Вот так компания! — он указал на Аимару. — А он кто? Оживший наследник Го-Дайго?

Леди Чийомэ сдержанно улыбнулась.

— Нет, лишь мальчик, — она посмотрела на Миэко, что баюкала Кунико на своих коленях, пока Братишки стояли рядом, как статуи. — Но он пригодится.

Самурай Такеды почесал макушку и осмотрел нас.

— Чийомэ-сама, — сказал он. — Мы пришли с Горы, чтобы отвести вас и ваш, эм, груз в Мочизуки.

Соблаговолите ли вы вывести вас из зоны сражений?

Леди Чийомэ окинула окрестности взглядом, скользнула им по гостинице, что выглядела еще хуже, чем вчера, по нам, не готовым к пути.

— Мы уйдем, как только я переоденусь и соберу вещи, — заявила она. И пошла в свою комнату. Миэко безмолвно шла за ней, а мы принялись готовиться к пути.

* * *

Как можно быстрее мы вернулись во двор. Отряд лейтенанта Масугу прошел туда, напоминая океан черных жеребцов. Все были с красным знаменем Такеды на спинах. Кони выдыхали пар в свете утреннего солнца.

Трупы солдат Имагавы собрали в углу двора.

Перед ними на деревянной платформе было тело Кунико, завернутое в грязную белую ткань.

Это было странно. Я едва ее знала, она мне даже не нравилась. Но я скорбела из-за ее смерти.

Леди Чийомэ стояла перед стариками-хозяевами гостиницы. Она передала женщине маленький тяжелый мешочек:

— Пусть будет сказана молитва для моей женщины, — она посмотрела на выбитую дверь и добавила. — Оставшееся пусть пойдет на восстановление этого места.

Старики пробормотали обещания и благодарности, поклонились до земли.

Леди Чийомэ развернулась и скользнула в паланкин. Лейтенант Масугу протянул руку Миэко, предлагая ей ехать с ним. Но она прошла, не взглянув на его жест. Подавив потрясение, Масугу повернулся и протянул руку мне.

8

Гора

Мы быстро двигались три дня, не говоря, пока солнце не скрывалось за горами. Первые два дня мы прошли большие группы солдат с меткой Такеды, они шли сражаться туда, откуда мы только ушли. На третий день мы могли быть единственными людьми в провинции Достоинства, во всей Японии. Никого вокруг не было. Деревни казались пустыми.

Каждую ночь солдаты устраивались на ночлег среди сухих рисовых полей, на их краю. Они готовили простой ужин, а Эми, Тоуми, Аимару и я помогали потом все убирать. Мужчины начинали говорить друг с другом, с Братишками. Они вежливо общались с леди Чийомэ, и даже порой шутили над Аимару и нами, девушками.

Никто не говорил с Миэко-сан, хотя лейтенант всегда знал, где она.

Путь на лошади истощал сильнее, чем я ожидала, хоть я и была лишь пассажиром.

Я удивленно обнаружила, что я, умеющая забраться на самое высокое здание или дерево без страха, чувствовала себя на лошади неуверенно. Каждый день Масугу-сан осторожно помогал мне забраться на коня, каждое утро я старалась не вырвать пучки волос из гривы бедного животного от страха. Мне казалось, что я еду верхом на землетрясении.

Радовало немного лишь то, что Тоуми ненавидела это больше меня.

К концу долгого третьего дня Масугу помог мне слезть с его коня, и я поблагодарила его, смутившись, что не могу слезть сама. Он улыбнулся и пожал плечами.

Леди Чийомэ выбралась из своего паланкина, ворча, как всегда делала.

От Братишек поднимался пар, но они не ворчали.

Солдаты устроились на ночлег на засохшем рисовом поле у ленивой реки.

Как и каждый вечер. Я посмотрела на юг, но видела там не родной дом, а туман.

Впервые я посмотрела на север. Вдали был высокий силуэт, поразивший меня: идеальный конус со снежной вершиной, как песочные горки, что мы с Усако делали, когда мама приводила нас на пляж. Как на бесконечных рисунках, что отец рисовал на краях использованной бумаги или в пыли.

Гора Фудзи.

— Гора, — восхищенно прошептала я.

— Да, — сказал позади меня Масугу. Он впервые заговорил со мной о чем-то еще, кроме просьб сидеть ровно и слезать. Мы стояли какое-то время и смотрели. Как за горой угасает солнце.

— Знаешь, что значит наше знамя — четыре бриллианта Такеды? — спросил Масугу.

Я покачала головой, глядя на гору, белая вершина стала розовой.

— Это девиз клана: «Будь быстрым, как ветер, тихим, как лес, беспощадным, как огонь, спокойным, как гора». Мои воины с копьями и подобные нам — ветер, сметающий врагов на пути. Пехота — лес, что окружает. Тяжелая артиллерия — огонь, поглощающий все преграды, что ставит нам на пути враг, — он рассказывал это как сказку на ночь.

— А гора? — спросила я.

— Гора — это сам Такеда Шинген. Как Фудзи-сан, — Масугу указал на гору, — он неподвижен, непревзойденный. Его нервы крепче любого меча, острый ум. Он может обойти любого генерала, — он говорил удивительно нежно.

Мы смотрели, как за горой вдали угасает свет, а я думала о том, как странно было проводить дни, едя перед этим незнакомцем, воином Такеды, не видя ничего, кроме его рук в перчатках. Мы не говорили. Но я впервые надеялась, что буду ехать с ним и завтра.

* * *

Этой ночью мы ели, сидя у костра, глядя, как искры улетают к звездам. Из еды был рис и маринованный редис, но на вкус это было лучше любой еды, что я ела.

Масугу долго говорил с леди Чийомэ, оба были серьезны. Миэко слушала их внимательно, но когда Масугу взглянул на нее, она отвела взгляд.

— Миэко-сан? — спросила я, когда солдат, разносивший еду, ушел на другую сторону от костра.

— Хмм? — она смотрела на ночное небо.

— Миэко-сан, почему солдаты не говорят с тобой? — я предположила. — Это из-за Кун...?

— Не используй ее имя.

— О, конечно, — мама учила, что имя умершего нельзя называть сорок девять дней, чтобы не вернуть дух из путешествия в другую жизнь. — Прости, Миэко-сан.

Он печально улыбнулся мне.

— Не нужно извиняться, Рисуко, — она нежно погладила мою щеку, и от этого я сильнее ощутила холод ночи. — И солдаты лейтенанта Масугу не говорили со мной и до этого раза, — она поднялась и пошла в палатку леди Чийомэ.

Она исчезла в тенях. Эми пришла вместо нее.

— Не пойму, она хорошая или пугающая.

— Все сразу, — вздохнула я, Эми кивнула. Мы повернулись к огню и начали греться.

Темнота стужалась. Мы жались друг к другу.

* * *

Шел дождь, и следующие дни я провела с грубым покрывалом на голове, чтобы остаться сухой. Гостиницы и деревни встречали нас с уважением. Я вспомнила, как в нашей деревне люди посмеивались над солдатами лорда Имагавы. Во владениях лорда Такеды его подопечные пользовались уважением и... страхом.

Шли дни, мой страх угасал, и я начала говорить с лейтенантом Масугу в пути. Мы обсуждали пейзажи, книги, стихотворения, что Ото-сан давал мне читать. Я напевала любимые песни мамы. Он рассказывал о своих кузинах, кораблях, о том, как бегал за конем отца в детстве. Но чаще мы ехали во влажной тишине.

Туманным утром мы только начали ехать, но все еще были на окраине деревни, где ночевали. Погода держала запах дыма у земли. Любопытство пересилило мой страх.

— Масугу-сан?

Он закричал в ответ.

— Что за... Полная луна? — я понимала, что мы не идем к самой луне, хотя казалось, что если подняться на гору, мы дотянемся до неба. — Школа?

— Ты не знаешь?

— Нет, — теперь было жаль, что я заговорила.

— О, — он ненадолго замолчал. Я слышала, как он чешет подбородок. — Да. Школа Чийомэ-сама для мико. Туда вы идете, — он прочистил горло. — Мне очень жаль. Я думал, ты знаешь.

Я покачала головой.

— Ах! — сказал Масугу и кашлянул. — Да. Мы ведем вас в школу Полной луны. Это великая миссия леди Чийомэ после смерти ее мужа. Вас будут учить как помощницу в храме... и не только этому.

Я думала над этим.

— Но зачем ей ходить по стране среди сражений и воров, чтобы найти девочек для роли мико? Разве возле ее дома не хватает девочек?

— Видимо, нет, — пробормотал Масугу.

Мико?

Полная луна... Конечно, символ Чийомэ-сама, что был у всех, как и у меня.

Я какое-то время молчала, но мысли путались, я вспоминала разговоры с леди Чийомэ и ее слугами. Мне казалось, или меня купили из-за более важной цели, чем быть помощницей в местном храме? И этот путь — прочь от дома, среди опасных мест и снега — для того, чтобы меня (и Эми с Тоуми) обучили носить красно-белое одеяние, петь и танцевать на свадьбах и фестивалях, подносить лесным богам рис и чай?

Я спросила в ту ночь у Эми и Аимару об этом. Они были удивлены, но не новостью, а моей реакцией. Словно

я спросила у лейтенанта то, что должна была знать.

Мико? Это было... странно. Но если она купила меня для этого, то это не самый худший вариант.

9

Цена

Мы поднимались все выше, обогнули красивое озеро и направились к горам.

Птицы пели на деревьях, и я насвистывала с ними. Было приятно, что птицы были здесь.

— Ты повторяешь птиц? — спросил Масугу.

Я кивнула.

— Можешь изобразить гагару? — мы слышали ее утром на озере.

Я улыбнулась. Эта была моей любимой. Я приподняла руки и издала печальный клич гагары.

— Прекрасно! — рассмеялся Масугу. — А как насчет... соловья?

Я оглянулась на него.

Он рассмеялся снова.

— Ладно, шучу, — он посмотрел на меня. — А сова? Можешь три раза ухнуть?

— Снова шутите? Это просто, — чтобы доказать, я подняла руки ко рту снова издала три длинных уханья — как у лесной совы, снежной и совки.

Он присвистнул, не как птица, а показывая, что впечатлен.

— Ну, Мурасаки-сан, если ты решишь оставить ряды, эм, жриц, тебя ждет будущее в разведчиках Такеды, — я вытаращила глаза, и он сказал. — Так разведчики общаются. Есть целые коды. Гагара — «все чисто». А три совы — «опасность, будет атака!».

— Да?

— Ну, — сказал он, — сама посуди. Мы обычно сражаемся днем. Как часто ты слышишь, чтобы совы ухали днем?

Я кивнула. Было логично использовать этот звук как сигнал тревоги.

— Но, — рассмеялся Масугу, — я не знаю, что значит сигнал, изданный тремя разными совами.

Мы посмеялись и поехали в горы, остальные плелись за нами.

Мы взбирались по узкой тропе, воздух становился холоднее, голых деревьев становилось все меньше. Я не замечала. Масугу закрывал меня сзади, конь был теплым, и я рассказывала о том, как он испугал меня, когда в впервые увидела его в гостинице.

— Конечно, — сказала я, — самураи всегда немного пугают. Потому я радовалась, что отец перестал быть таким, ведь я бы не хотела, чтобы он был страшным.

Через миг Масугу склонился к моему уху.

— Мурасаки-сан, а ты знаешь... почему твой отец перестал быть самураем?

Мы пересекали ручей, и я вспомнила плеск копыт в воде, пока мешкала с ответом. Я знала, что отец рассказал нам. Он не хотел больше убивать. Но я покачала головой.

Лейтенант вздохнул.

— Не знаю, мне ли рассказывать тебе, — сказал он, — но ты должна знать. Твой отец был из воинов лорда Оды. Один из величайших. Когда я был маленьким, я видел, как он сражался. Кано Казуо был известен силой своего меча, как и тем, что был отличным поэтом при дворе. Ода Нобунага поручил ему задание, о котором знал только сам лорд Ода, хотя это было связано с Имагавой, но он отказался. Так сделали и двое самураев, что должны были идти с твоим отцом. И лорд Ода дал им выбор: или они совершают ритуальное самоубийство, или становятся слугами для лорда Имагавы. Два воина убили себя, не пожелав такого бесчестия, но твой отец стал бедным писцом.

Я была потрясена. Это казалось правдой. Мама никогда не рассказывала, что случилось с ним в тот день, когда он пошел на зов лорда Имагавы. Она никогда не говорила об этом. Она вообще говорила об отце, когда печалилась или злилась, и мы с Усако старались не упоминать его. Пока Масугу не заговорил, я и не слышала имени отца уже два года. Я знала, что Ото-сан был самураем, сражался, но мысль, что он махал мечом в бою и убивал... И какое-то задание заставило его отказаться...

— А двое других, — спросила я, стараясь управлять голосом, — что убили себя... Кем они были?

— Да, — Масугу-сан отметил, что я задала правильный вопрос. — Ханичи Бенджиро и Таругу Макото, — хмуро сказал он. — Отцы Эми и Тоуми.

Я оглянулась за Масугу на остальных. Эми хмурилась, как и всегда. Тоуми была похожа на нож, что искал, куда вонзиться.

10

Темное письмо

Мы провели ночь в маленькой крепости Такеда, охраняющей каменистое пустое место, названное почему-то

Рисовым переходом, которое было на границе провинций Достоинства и Темного письма. Мы были так высоко, что деревьев тут не было. Я чувствовала себя обнаженной. Воздух был сухим и холодным, мы устали, солдаты уже были раздражительными, словно ждали атаки, хотя я не представляла, как на такую высоту заберутся солдаты и зачем. Может, они боялись чудовищ?

На следующее утро все, даже Миэко, были мрачными.

Леди Чийомэ прикрикнула на нас:

— Идемте! Я хочу вернуться в Полную луну к полудню, чтобы принять ванну и поесть настоящей еды.

Казалось, Полная луна была в долине ниже Рисового перехода. Мы начали спуск, впервые за последние дни я вцепилась в гриву Иназумы, коня Масугу.

— Тише, — прошептал Масугу, но, видимо, ради коня, а не меня. А мне он сказал. — Я думал, тебе нравится высота?

— Да, — ответила я сквозь сжатые зубы. Казалось, если конь споткнется, мы улетим в долину сразу же.

— Ах, видимо, дело в том, что ты верхом на коне?

Я пристыжено кивнула. Масугу-сан думал обо мне, как он дочери великого самурая. Как можно было так себя вести?

— Ничего, Мурасаки-сан, — сказал он, и его добрый голос резал сильнее, чем насмешки Тоуми. — Мы едем очень медленно. Думаешь, на ногах тебе будет проще?

Я кивнула, уже с меньшим трепетом.

Масугу остановил всех, и мы были словно на крыше мира.

Позади раздался вопль Чийомэ-самы:

— В чем дело? Мне надоело трястись в этой коробке!

— Мурасаки-сан изъявила желание пойти пешком, и я решил, что другие захотят сделать так же.

Я съехала с коня на узкую горную тропу, и только один человек тоже воспользовался шансом идти по твердой земле — Тоуми, что ненавидела каждый миг на коне.

Мы переглянулись, не радуясь друг другу, но выбора не было.

Сверху Миэко спросила:

— Мне присоединиться к вам, Тоуми, Рисуко?

Мы покачали головами. Она посмотрела на нас и кивнула.

— Тогда идите вместе, не отставайте от остальных.

— Да, Миэко-сан, — хором сказали мы с Тоуми.

Кони пошли дальше, Тоуми плюнула на землю и пошла как можно быстрее прочь от меня.

— Эй! — крикнула я ей. — Мы должны идти вместе!

* * *

Мы спускались в долину, и я с Тоуми играла в то, что при лучших обстоятельствах было бы салочками вокруг коней. Я злилась, и я не хотела быть рядом с ней, но Миэко-сан сказала...

Через какое-то время я догнала Тоуми, только чтобы позлить ее.

Дорога спускалась по крутому склону горы. Приходилось делать маневры, забираться выше и искать места лучше для спуска. Мы видели дорогу под нами, и хотя вид был приятным, спуск был утомительным.

Но вокруг появились деревья.

Солнце начало подниматься из-за горы за нами, Тоуми остановилась, глядя вниз.

— Что ты ищешь?

Братишки ворчали на нас, сейчас мы шли последними.

— Почему мы не идем ровно? — прошептала Тоуми.

— А?

Она посмотрела на меня, словно и забыла, что я здесь.

— Это же глупо.

— Кони не могут спускаться по прямой по такому склону.

— Но я не чертов конь, — процедила Тоуми. — И я пойду по прямой, а остальных встречу на очередном повороте, — она сошла с тропы.

— Нам нельзя!

Она развернулась, одна нога была на земле, другая — еще на дороге. Она усмехнулась.

— Боишься?

— Нет, но!..

Тоуми сошла с дороги и ушла в густой можжевельник.

— Вернись! — я смотрела на нее, взглянула на удаляющиеся спины наших. Миэко просила оставаться вместе. И я бросилась за Тоуми.

Вообще-то, мне стоило позвать Миэко, Масугу или Братишек. Но я не хотела выглядеть как трусиха или ябеда, и, конечно, мне очень хотелось ползать, даже если и по каменистому склону.

Я спускалась за Тоуми, решив, что догоню ее у деревьев. Но ее ноги были длиннее моих, и она выросла на улицах столицы, так что двигалась очень быстро.

Можжевельники тут были больше, чем я видела дома, они были с три человеческих роста, но оставались спутанными можжевельниками. Я потеряла Тоуми из виду, когда мы оказались среди деревьев. Приходилось прислушиваться к ее шагам, треску веток и ее возмущениям.

— погоди! — крикнула я. — Стой! Мы заблудимся!

— Как мы можем заблудиться, Мышь? Нужно спускаться, или ты даже этого боишься?

Я вспыхнула. Боюсь? Я покажу ей. Я решила, что теперь важна победа, и я собиралась ее заполучить.

Я едва слышала Тоуми, идущую сквозь деревья, из-за своего тяжелого дыхания, но я знала, что удобнее будет догнать ее рядом с рощей. Я направилась к тому, что было похоже на поляну, надеясь скрытно обойти ее. Я представляла, как сижу на дороге, чищу ногти, и тут она вываливается из рощи.

Силой воображения и гнева я бросилась к поляне, не глядя, куда я бегу. Еще одна ошибка.

Бреши была из-за старого упавшего кедра. Из прогнившего пня рос другой кедр, он был меньше упавшего, но выше можжевельника. На нижних ветках стоял мужчина в коричневой накидке и смотрел на дорогу. У основания кедра стояли еще двое мужчин, тоже в коричневом и с луками. Потревоженные моим шумом, они теперь смотрели на меня. Один поднял лук, чтобы выстрелить, и я попыталась убежать, но поскользнулась и рухнула у его ног.

И тут громкий крик возвестил, что Тоуми тоже попала в эту ловушку. Со стуком она упала на землю, другой мужчина подошел и, схватив ее за воротник, поднял, толкнул к кедру.

Пока я пыталась подняться, я врезалась в мужчину надо мной, и его стрела улетела в лес. Без звука мужчина обхватил ладонью мой рот, прижал к грубой коре кедра. Я слышала, как шипел клинок в руке мужчины.

— Пока что не убивай их, — раздался сверху громкий шепот. — Их хотя бы можно будет продать.

— Уверен, босс? — лицо мужчины было закрыто тканью, я видела лишь, как он шурит глаза, глядя на меня. — Эта уж больно костлявая.

— Заткнись, — прошипел мужчина сверху. — Они скоро дойдут до горки. Нужно спуститься и посмотреть. Свяжите этих. И заткните им рты. Мы с Санджиро пойдем вниз и просигналим остальным. Широгава, охраняй этих крыс и готовь коней, — он спрыгнул с ветки в можжевельник за нами.

Я услышала возню, а потом и меня ударили в плечо.

Мужчина поднял нож, и я закричала в его руке, но он направлял его на горло Тоуми. Она зарычала, но всхлипнула, когда лезвие ранило кожу.

— Связать вас сказали, — пробормотал он, а потом последовали слова, которых я никогда не слышала, хоть мы семь дней шли с солдатами. Он прижался ко мне, и я не могла двигаться, едва дышала. Он сорвал ткань со своего лица, скомкал и сунул мне в рот. Поправив кожаный шлем, он снял грязную накидку и проделал то же самое с Тоуми. Она пыталась отбиваться, но он прорычал. — Я бы с радостью убил вас, девчонки. Нам не нужны слуги. Но если Танака сказал беречь вас, я слушаюсь. Молчите и не двигайтесь.

Опустив лук, но с ножом у горла Тоуми, он вытащил тонкую веревку из накидки и быстро связал мои запястья, а потом и Тоуми. Посмотрев на нас, потом на дерево. Он заметил низкие ветки кедра. Он забросил веревку на ветку, поймал и потянул, наши руки поднялись в воздух.

Тоуми стояла на носочках, я была ниже, так что теперь висела, и веревка впивалась в запястья.

— Вот, — он был доволен. — Это вас удержит, — он привязал веревку к одному из можжевельников. А потом поднял лук и посмотрел на нас, скривившись. — Присмотреть за конями, да, — он издал смешок. — Чертов Танака. Ну, вы все равно не сбежите, — он пошел к возвышению на поляне, но развернулся. — Ничего не творите! — он выпустил стрелу, и она почти задела мой локоть.

Он ушел, а мы начали бороться с путами. Я отчаянно пыталась забраться на кору за собой, чтобы уменьшить боль в руках, но веревка только сильнее затягивалась. Руки горели, по ним стекала кровь.

Я посмотрела на Тоуми. Она плакала, и я не могла ее винить. Моргнув, она попыталась выплюнуть кляп, но не вышло. Она взвыла от отчаяния, но начала вскидывать голову, словно показывала мне забираться.

Забираться? Что? Я посмотрела вверх. Ветка была недалеко, но я не могла...

Тоуми ударила меня и вскинула голову вверх, потом в сторону. Я не ответила, она зарычала и повторила. Забирайся на МЕНЯ!

Ах! Я обхватила ногами ее талию, словно она была маленькой сосной, и подтянулась. И тут же давление в руках ослабло, я чуть не отключилась от радости, съехала, и веревки впелись в кожу.

Тоуми зарычала, заставляя меня вернуться к делу. И я приподнялась, держась за веревки. Я поднималась, пока веревка вокруг моих рук не ослабла. Я выпала из пут.

От радости ноги подкосились. Но Тоуми не успокаивалась. Я вытасила кляп изо рта.

— Я развяжу ее, ведь не смогу отрезать...

Она покачала головой, крича, но кляп заглушал ее. Она закинула ноги мне на плечи, и я поняла, что она хочет делать. Я старалась поднять ее, пока она не могла развязать руки. Весь вес Тоуми был на мне. Я рухнула на землю.

Мы откатились, задыхаясь и стряхивая кровь с рук.

Тень закрыла солнце, падающее на мое потное лицо, и я вскрикнула, решив, что вернулся бандит, чтобы убить нас вопреки приказам Танаки.

— Хорошая работа, Рисуко-чан, Тоуми-чан, — сказал теплый тихий голос.

Миэко-сан стояла над нами с кинжалом в руке, и только прутик в волосах показывал, что ситуация необычна.

— Но... Но!.. — лепетала Тоуми. — Я видела, что ты уехала с остальными!

— Разве? — Миэко улыбнулась. — Идемте. Нужно спешить.

— Мужчина, — выдохнула я, вставая и отряхиваясь. — Тот, что связал нас...

— ...Вряд ли нас побеспокоит.

— Да? — спросила Тоуми, глаза ее, пылая, смотрели на нож Миэко.

— Я отпустила лошадей, — сказала Миэко, поджав губы. — Когда я видела его в последний раз, он пытался догнать их, это займет время.

— О, — пробормотала Тоуми.

— Но нужно предупредить остальных. Они близко к горке. Если мы предупредим их... — Миэко нахмурилась. — Не хочу показывать вас этим бандитам... — она оглядела полянку и кедр, на котором мы висели. Она прищурилась, прошла к дереву, вытащила стрелу, что чуть не пробилла мою руку, из ствола. Она повернулась. — Рисуко, — она вдруг заговорила очень тихо, — как думаешь, будет быстрее пролезть через эти заросли или забраться на вершину?

Я моргнула.

— Эм, пролезть?

Она кивнула и указала направо.

— Иди. Туда. Предупреди Масугу и остальных, что там засада.

Не мешкая, я бросилась к краю полянки и забралась на можжевельник. Оглянувшись, я увидела, как Миэко прячет Тоуми в кустах.

Ветви можжевельника были упругими. Я вырвалась к вершине и услышала звуки нашей компании. Они повернули, и, шурясь, я видела высокого коня Масугу, на котором я должна была ехать.

Я бросилась по веткам, преследуя их. Ветки замедляли меня, по земле я бежала бы быстрее. Но все же я двигалась вверх быстрее, чем пробивалась бы через заросли у земли. И так мне было видно, куда я иду. Я бежала зигзагами несколько ударов сердца...

А потом услышала стук внизу.

Я никого не увидела, пробежала еще пару шагов.

Еще стук. Я обернулась. Ничего.

И тут среди деревьев ниже на другой стороне дороги я заметила серое пятно. Не думая, я пригнулась.

Стрела прошипела над головой, как злая змея.

Я рухнула за дерево.

Другая стрела стукнула о ветку надо мной.

Согнувшись на нижних ветках, я думала. Нужно предупредить Масугу-сана и других. Но я была слишком далеко, чтобы кричать, и если я заберусь выше, меня убьют стрелой. Я могла спуститься на землю, но идти пешком будет медленно, и я потеряюсь в зарослях.

Я слышала стук копыт наших коней по каменной дороге, я знала, что скоро они пересекутся с бандитами. Мне нужно быть ближе к Масугу и остальным, ближе бандитов. Если бы выдать...

Я выдохнула, удивляясь, что так долго вспоминала. Прижав ладони ко рту, держась ногами за ветку, я издала три уханья, не думая, какой именно сове они принадлежат. Я шумела как можно громче.

Я слышала, что топот копыт продолжался.

Хуу! Хуу! Хуууу!

Показалось, что я слышу голос Масугу, но кони все еще шли в ловушку бандитов.

Я глубоко дышала, сжимая ноги, ухала громче любой совы.

Я слышала голос лейтенанта. Он кричал:

— Атака! Нас атакуют! Сверху!

Раздались вопли, звон мечей, крики людей и коней, как в гостинице горы Фудзи.

В этот раз я не хотела выглядывать, чтобы меня не пристрелили.

Бой, если он и был, не шел долго.

Звуки быстро утихли. Остались крики, но они раздавались все дальше.

Я осторожно выглянула из укрытия и спустилась к дороге.

И там не было резни, что встретила нас в то утро, когда мы увидели Масугу-сана и его солдат. Там было трое убитых, часть шайки бандитов. Они были сброшены кучей у обочины. А еще была мертвая лошадь, один из всадников постанывал от боли, товарищ вытаскивал стрелу из его ноги.

Остальных солдат Такеды не было. Здесь был раненый с товарищем и Масугу. Леди Чийомэ и Миэко говорили с ним. Миэко держала стрелу в руке.

Братишки сбыли настороже, пока Аимару, Эми и Тоуми держали лошадей. Они, казалось, ждали нового нападения.

— А, вот и грызун! — сказала Чийомэ-сама. — Иди сюда, Рисуко.

Я осторожно съехала к дороге и подошла, дрожа, к госпоже.

— Да, Чийомэ-сама?

— Миэко рассказывает, что тебя нужно благодарить за предупреждение об атаке этих хулиганов, — старушка прищурилась. — Это так?

И хотя я поступила неправильно изначально, от выражения ее лица мне хотелось гордиться собой.

— Д-да, госпожа. Миэко-сан попросила меня.

Она какое-то время разглядывала меня, фыркнула в сторону Миэко, потом Масугу и пошла туда, где Братишки сторожили ее паланкин.

Моргнув, я посмотрела на Масугу-сана и Миэко-сан. Лейтенант улыбнулся мне.

— Молодец, Мурасаки-сан. Я сказал леди Чийомэ и Миэко, что если они отпустят тебя, я сразу найду тебе работу в разведке.

Мои щеки горели.

— И я сказала лейтенанту, — сказала Миэко слишком бодро, — что ты очень нужна там, куда идешь, и что ему нужно искать разведчиков в другом месте.

— Эм, спасибо, — сказала я им. Очень нужна?

— Миэко, — сказал Масугу-сан и хотел добавить что-то ее, но замолчал.

Миэко подняла голову.

— Масугу?

Посмотрев то на одного, то на другую неловкий миг, я хотела уйти, но Миэко вздохнула и протянула Масугу стрелу.

— Заметили оперение? — она провела пальцем по перьям, и они принадлежали снежной сове — белые с коричневыми пятнами.

Он нахмурился.

— Думаешь, это налет врагов? Мы очень далеко от их территории.

— Думаю, — сказала Миэко с нетерпеливым вздохом, — что они не были бандитами.

* * *

Солдаты Масугу вернулись из преследования, убив одного из врагов, но остальные исчезли в горах. Они сожгли трех мертвецов и погибшего коня, и мы пошли дальше в долину.

Теперь я была не против ехать перед Масугу.

Мы шли по болотистым долинам. Из домиков выходили фермеры и кланялись нам.

Мы прошли по гребню горы, что напоминал кота среди долины, греющегося на солнце. Низкая деревушка виднелась на холме впереди. Сквозь арку тории и открытые ворота я видела десяток зданий, белые, сияющие на солнце. Полная луна.

Миэко и ее всадник догнали нас с Масугу.

— Добро пожаловать в Полную луну, — прошептала она с улыбкой.

* * *

Мы прошли большую красную арку (с тяжелыми деревянными воротами за ней), попали на двор с белым гравием. Впереди было огромное здание, похожее по размеру на храм Солнечного Будды на Сосновом берегу. Там стоял ряд фигур — шесть или семь девушек и один мужчина. Он и три юные девушки были в синем, как Эми, Тоуми и я. Старшие были в красно-белом одеянии жриц.

Братишки поставили паланкин на землю с шорохом, пошли к воротам. Две девушки подбежали и опустили у паланкина на колени, открыли дверь.

Леди Чийомэ вышла, все поклонились, касаясь лбами земли, выражая уважение. Старушка выбралась и потянулась, ворча.

Мы спешили, она осмотрела всех, а они сидели на коленях. Она издала удовлетворенный звук и позвала

некоторых женщин в одеянии мико.

— Купальни готовы?

Две женщины кивнули.

Чийомэ-сама улыбнулась и заговорила с женщиной с квадратным лицом.

— Ки Сан, помоги раненому и приготовь ужин. Я проголодалась. Фуюдори, — позвала она девушку в синем, которая не открывала дверь. По ее лицу я поняла, что она старше меня на три года. Но ее волосы были белыми, как перья в хвосте журавля. — Эти три девочки — твое новое задание. Это Тоуми, Рисуко и Эми. Хочу, чтобы их обучение началось немедленно.

Она пошла к зданию поменьше, откуда поднимался пар. Там и были купальни. Миэко и другие женщины принялись разгружать лошадей. Солдаты вели коней в большую конюшню у ворот.

Масугу-сан прошел мимо меня, вытащил из-под брони маленький цилиндр и прошептал что-то леди Чийомэ, когда она была на пороге купальни. Она кивнула, а потом отмахнулась. Он пошел договориться о заботе за лошадьми.

Он подошел к раненому солдату, ему помогал старик в синем, сказав:

— Помни, без макового настоя. Этому я не верю.

Старик проворчал в подтверждение и повел раненого к большому зданию.

Масугу кивнул и повернулся.

Я хотела спросить, о чем он говорил с Чийомэ-сама, но заметила Фуюдори, которой приказали следить за нами. Она смотрела на лейтенанта и улыбалась. Но это больше напоминало тревожную гримасу.

Я разглядывала ее и поняла, что так представляла персонажа в сказке, что мама рассказывала нам с сестрой — истории о Длинноволосой девушке, спасшей город, но ее волосы от горя стали белыми. Фуюдори была необыкновенно красивой, ее белые волосы делали красоту только заметнее. Она посмотрела на нас троих, тревога растаяла на ее лице, сладкий голос сказал:

— Прошу, закройте рты. Пялиться невежливо.

Она увела нас со двора. Я оглянулась на Аимару. Он был одиноким, пока был с Братишками, разгружавшими коней. Я помахала ему, но он не смотрел на меня.

12

Новички

— Меня зовут Фуюдори. Я — старшая из посвященных здесь, так что называйте меня Фуюдори-сан или Фуюдори-семпай, — мы следовали за ней к дальней части двора. Нельзя было отвести глаз от белых шелковых волос. — Как глава посвященных, я должна убедиться, что вы знаете правила и подчиняетесь им. Любое непослушание — моя ошибка, а я плохо переношу ошибки. Но я еще и советник, и друг.

А я все еще думала о сражении утром. Я не знала, куда нас приведет эта девушка.

Тоуми и Эми тоже были растеряны.

Следом за Фуюдори мы вошли в маленькое здание, что было у задней стены ограды, за купальней. Здесь было две комнаты. Она провела нас в ту, что справа, два матраса были свернуты у стены.

— Будете спать с Майи и Шино, посвященными, здесь. А я, как глава, сплю там, — она указала на раздвижную дверь в другую комнату, тоже маленькую, но с одной низкой кроватью.

Мы оставили матрасы рядом с другими, мы с Эми с одной стороны, Тоуми — с другой. И было немного легче, что Тоуми была так же растеряна, как и я.

— Фуюдори-сан, — сказала Эми, привычно хмурясь, — а что за... новички?

Девушка улыбнулась.

— Вы, конечно, — она пошла наружу, а мы — за ней. — Чийомэ-сама любит шутить, что мы как монашки тут, и это в чем-то правда. Как новичкам-монашкам, вам будут давать простые задания, как слугам, самые основные знания. Когда вы заслужите доверие учителей, станете посвященными, — она мечтательно провела по поясу, что у нее был красным с белыми краями, в отличие от наших синих. — Как только леди Чийомэ решит, что вы закончили обучение, вы станете куноичи. Мне выдадут одеяние после Нового года.

Опять это слово.

— Что за куноичи? — спросила я.

Она развернулась и сладко улыбнулась мне.

— Тебя леди Чийомэ зовет Рисуко, да?

Я кивнула.

— Относись к старшим с уважением. Сначала проси разрешения задать вопрос, Рисуко-чан, — белочка.

Тоуми фыркнула рядом со мной, но я не знала, к кому это относилось.

— Прошу прощения, Фуюдори-семпай, — сказала я. — Простите. Окажете ли вы мне честь ответить на мой глупый вопрос?

— Конечно, Рисуко-чан, — сказала она.

— Могу ли я узнать, что значит куноичи?

Беловолосая девушка улыбнулась, но в этот раз загадочно.

— Да, Рисуко-чан, ты можешь спросить. Но, боюсь, я не расскажу тебе, — она развернулась и пошла.

Я следовала за ней, чувствуя себя обманутой.

— Как не расскажем и другие слуги. Если тебе интересно, то ты должна узнать сама. И отвечу сразу: мои волосы белые, потому что, когда я была маленькой, на мою деревню напали, убили всех, мою семью, но не меня. Меня спасли и забрали сюда, чтобы я научилась у леди Чийомэ и ее слуг, как быть жрицей и, конечно, учиться талантом куноичи. Не отставайте, пожалуйста.

Мы следовали за Фуюдори, а она устроила нам небольшой тур по месту. Показала нам купальню, сказав, что мы должны купаться каждый вечер.

— Леди хочет, чтобы вы были чистыми и здоровыми. Конечно, как новички, вы будете каждую ночь чистить купальни и по утрам готовить их для всех в Полной луне, — сказала она. Дальше шли комнаты женщин, и Фуюдори назвала это место Монастырем. В углу между воротами и комнатами женщин был маленький домик для гостей. И туда отправлялся лейтенант Масугу.

Я замечала, что, в отличие от нашего общежития, здания у врат были с украшениями, по которым было легко забираться. Но разрешат ли мне?

У ворот было еще два низких здания — конюшня и чайный домик, где, по словам Фуюдори, мы будем обучаться, пока не станем посвященными. Дальше было мужское общежитие, что было меньше женского и называлось Загоном. Мы рассмеялись. Фуюдори серьезно посмотрела на нас и сказала:

— Вам, как новичкам, нельзя говорить с мужчинами, не считая приемов пищи.

Лицо Эми стало еще более хмурым, мы переглянулись. Мы обе думали об Аимару? Я пожала плечами, она кивнула.

Фуюдори указала на главный склад и повела нас к большому зданию, у которого нас высадили.

— Что это за место? — спросила Тоуми.

Фуюдори обернулась со смесью удивления и недовольства.

Тоуми неловко поклонилась.

— Простите, Фуюдори-семпай.

— Да?

— Что там за здание? — Тоуми указала на маленький домик среди зарослей и недалеко от склада.

Фуюдори прижала ладонь к лицу, но взяла себя в руки, хотя уши ее были розовыми.

— Прости, Тоуми-чан. Я забыла про него. Это Убежище. Туда мы уходим во время месячных.

Мы нервно захихикали, даже Тоуми.

Фуюдори взглянула на нас.

— Вам туда пока что не нужно, — поведение ее напоминало Мизко. Фуюдори пошла к центральному зданию, и мы плелись за ней.

— Это Большой зал, — продолжила Фуюдори. — Утром, днем и вечером там подают еду. Не опаздывайте, Ки Сан не будет ждать. Я отведу вас в этот раз, и мы будем вовремя.

Эми нахмурилась и кашлянула.

— Простите, Фуюдори... Фуюдори-сан. Но что за ки сан?

Смех девушки напоминал песню птицы. Она сказала:

— О! Эми-чан, ты такая смешная. Не что, а кто! Ки Сан — повар. Мочизуки-сама, покойный муж леди Чийомэ, привез его из Кореи, заявив, что японская еда ему надоела, — она улыбнулась и бодро сказала. — Вечером будет квашеная капуста — попробуйте, это вкусно.

Эми смотрела на свои сандалии. Я потянула ее за рукав, но она не посмотрела на меня.

— Она не смеялась над тобой, Эми, — прошептала я.

Она пожала плечами.

— Смеялась, ладно. Но над всеми нами. Идем, — сказала я.

Все еще боясь нового дома, мы прошли в большой зал следом за Фуюдори и Тоуми.

* * *

Интерьер большого здания был открытым, без украшений, кроме нескольких маленьких статуй у дальней стены. Три длинных низких стола стояли подковой. Центральный стол с правой стороны зала был на приподнятой платформе.

Тоуми шла по полированному бамбуковому полу и ворчала.

Фуюдори повела нас к дверям напротив столов, где была кухня. Если в гостиницу Фудзи кухня была тесной, тот тут было просторно и чисто, как в храме. Храм Исцеляющего Будды стоял среди деревьев и кустов.

За столом у огня стоял мужчина в синем, которого мы видели раньше. Он стоял спиной к нам, работал, и нож его стучал, как дятел, пока он резал овощи. Видимо, это и был Ки Сан.

Я растерялась. Я думала, мы пришли ужинать, но на кухне, полной запахов огня, специй и капусты, ничего не готовилось.

Мужчина повернулся, взглянул на Фуюдори, а потом на нас. Лицо его было широким и плоским. Горизонтально шел шрам от правой брови до торчащей бороды за левым ухом. Он посмотрел на нас, провел языком по губам.

— Ну, Призрачная, что ты принесла для ужина?

Он говорил четко, но понять его было сложно.

Фуюдори вежливо улыбнулась.

— Ки Сан, они будут помогать на кухне вместо Шино и Маи. Эми. Тоуми. Рисуко, — она указала на каждую из нас по очереди.

Он улыбнулся, изогнулся и шрам.

— Таких тощих я еще не видел, — он покачал головой. — Но их хоть три.

Он подмигнул каждой из нас.

— Дай-ка придумать вам хорошие имена. Эти японские я запоминаю плохо, — он почесал бороду и указал на Эми. — С тобой просто. Будешь Улыбчивой. Ты, — Ки Сан повернулся к Тоуми, — буду звать тебя... Соколиком. И рыбы я тебе не дам, — он улыбнулся Тоуми, а та не знала, как реагировать на странного мужчину. Ки Сан взглянул на меня. — Хмм... Сложнее. Призрачная звала тебя Белкой?

Я кивнула.

Он покачал головой и провел пальцем по шраму на щеке.

— Нет, — он щелкнул пальцами и улыбнулся. — Яркоголазая! Таким будет твое имя!

Я поклонилась.

— Будете работать на меня здесь и в зале, убирать на складе, ухаживать за садами. Ясно? — он посмотрел на нас так, что мы поспешили поклониться, показывая, что все поняли.

Он посмотрел на Фуюдори, а она заговорила с нами:

— Вы делаете это, потому что самые младшие здесь, — сказала она. — Помогать Ки Сану на кухне и подавать еду почетно. Но есть вы будете, когда закончат все остальные.

Я оглянулась. Тоуми дулась, явно злясь, что будет выполнять работу слуг. Эми была растеряна.

— Фуюдори-сан, — начала она, но умолкла, прикусив губу.

— Что такое, Эми-чан?

— Эм, — продолжила Эми, — разве вы не говорили, что нам нельзя говорить с мужчинами? — никто не понимал, о чем Эми. Она объяснила. — Если нам нельзя говорить с ними, как мы будем отвечать на его вопросы?

Фуюдори уставилась на Эми, потом на Ки Сана.

Он фыркнул, упер руки в бока и сказал Эми:

— Я не считаюсь мужчиной, Улыбчивая. Я кореец. Но еще, — он усмехнулся, и шрам придал этому зловещий оттенок, — пока еда вкусна, леди Чийомэ на кухню не зайдет.

И впервые при мне Эми громко расхохоталась.

Глаза Фуюдори широко распахнулись от удивления, но Ки Сан вскоре хохотал с Эми, а за ними и я.

13

Банкет

Мы тащили огромный мешок риса со склада. Пара крыс смотрела на нас, когда мы вошли, но Тоуми зарычала на них, а я махнула длинной палкой, что нам дал Ки Сан для борьбы с ними, и они разбежались. Мешок был тяжелее меня, и мы втроем тащили его до кухни. Тоуми все дорогу ворчала, и я бы соврала, если бы сказала, что мы с Эми не присоединились к ней пару раз.

Ки Сан наказал нас носить к огню котелки с рисом и соевыми бобами, опускать металлическую решетку, что служила грилем, носить уголь. Солнце угасало, и мы зажигали свечи в кухне и зале.

Когда мы вернулись к Ки Сану, нас окутал аромат шипящего промаринированного мяса.

Я помнила несколько случаев, когда умирала корова в деревне, и все пировали, хотя мясо было сухим. Но в деревне уже давно не было коров.

И хотя то мясо было неплохим, с этим оно сравниться не могло. Запах был такой, что мы замерли, сглатывая.

— Не стойте там как статуи! — рявкнул Ки Сан. — Достаньте из той бочки кимчи, вот так, и разложите это на шесть мисок, а потом расставьте на столах. Быстрее! — хлопал в ладоши он.

Миски были красивыми, бледно-зелеными, как океан в солнечный день. Я подняла одну миску и пошла к бочке. С миской в руке я пыталась снять крышку с бочки.

— Двумя руками! Двумя! — кричал Ки Сан через плечо, пока длинными палочками переворачивал мясо,

другой рукой поливая кусочки темным соусом. Я не знала, хотел ли он, чтобы я держала миску обеими руками или крышку, или управлялась со всем, как четырехрукий демон.

Тоуми прошла мимо меня, ворча.

— Глупо, — заявила она, но дело было не во мне. Она подняла крышку, взяла черпак, висевший на стене, и принялась наполнять мою миску, которую я держала двумя руками. Кимчи оказался квашеной капустой с острым запахом, ярко-зеленая и красная.

Я шла быстро, старалась не разбрызгать содержимое. Когда я поставила миску на главный стол и вернулась, навстречу пошла Эми с сосредоточенным лицом.

Я зашла на кухню и увидела, что Тоуми решила попробовать кусочек кимчи.

— Нет! — крикнул Ки Сан, ударив металлическими палочками по решетке. — Никто не пробует на кухне, кроме меня! — его влажное лицо на миг озарила улыбка. — Тогда и умру только я, да? — он тряхнул головой и повернулся к шипящему грилю. — Я знал, что ты — девочка-сокол, хочешь убить! — он изобразил бросок сокола палочками и рассмеялся, глядя на огонь.

Небо снаружи стало черным, свет свечей отражался в глазах Тоуми, напоминал блеск лезвия, готового погрузиться в кого-то.

Мы расставили миски с кимчи и вареными соевыми бобами, горки риса и бутылки рисового вина. Ки Сан рывкал приказы, пока загружал тарелки мясом, запах впитался в наши волосы и одежду, и мы не могли забыть о еде, которую пока что не могли попробовать, хоть и были на кухне. Он схватил чистый черпак, прошел к задней двери кухни и ударил по огромному гонгу, что висел за дверью.

Из зала раздались голоса, и все из общества леди Чийомэ, а еще солдаты лейтенанта Масугу, заполнили столовую. Запах привлек их, как мотыльков огонь.

Ки Сан сновал с тарелками, ставя на каждую кучку водорослей, а потом повернулся к нам и мрачно сказал:

— Если кто уронит тарелку, я разделаю ее самым тупым и ржавым ножом, ясно?

Мы кивнули и сказали:

— Хай, — Эми дрожала, и взгляд Ки Сана смягчился.

Мы осторожно пошли в двери, что открыл для нас Ки Сан, нас встретили радостными воплями. Многие мужчины и женщины уже разлили сакэ, у многих были красные щеки.

Чийомэ-сама сидела в центре главного стола, Миэко была слева, а с другой стороны еще одна женщина. Рядом с Миэко было пустое место с миской и старыми палочками. Я не могла представить, что кто-то не услышал этот гонг, так кого не хватало? Миэко положила рис в миску опаздывающего.

Масугу-сан сидел справа от леди Чийомэ, рядом с ним — его отряд. Братишки и Аимару были в конце стола мужчин. Аимару улыбнулся мне, пока я ставила тарелку на его стол.

Он хотел что-то сказать, но я услышала громкий голос с другого конца зала:

— Посмотрите на новеньких! Такие крохи! Конечно, они зовут одну Белкой! — женский стол хохотал.

Голос исходил от одной из девушек в синем, что сидела дальше всех от леди Чийомэ. Там сидели Шино и Май, юные посвященные. У Шино был широкий нос, словно кто-то ударил по нему сковородкой. Лицо Май было острым в каждой черте. Я подозревала, что Ки Сан звал ее Лисой или как-то похоже.

— Белка, — рассмеялась Май, и Шино фыркнула.

Фуюдори, старшая с белыми волосами, улыбалась, но холодно и неодобрительно.

Зазвучал голос Масугу-сана:

— Мурасаки-сан маленькая, это так. Но даже кроха-белка дерется яростно, если ее довести, — он улыбнулся девушке. — Думаю, женщины Полной луны знают, что это так, лучше других.

Май и Шино выглядели так, словно их ударили.

Заговорила Миэко, ее голос был тихим и приятным, но глаза пылали, пока она наливала вино леди Чийомэ и отсутствующему гостю.

— Приятно знать, что мужчины, посещающие Полную луну, выучили этот урок, — она посмотрела на меня, но говорила не мне.

— Ха! — рассмеялась леди Чийомэ, поднимая палочками кусочек мяса. — Я говорила, что с ними двумя тут будет веселее!

Старшие женщины в форме мико расхохотались. Миэко просто улыбалась, а Масугу покраснел.

Я махнула Аимару и поспешила на кухню с тремя пустыми бутылками рисового вина.

Когда я вернулась, Тоуми уже принесла вино мужчинам, так что я пошла к женскому столу.

— Сюда, Рисуко! — позвала самая младшая из посвященных. — Нравится разносить еду? — сказала она, щеки ее были красными.

— Сама узнаешь, Май, — сказала Фуюдори, — ведь ты будешь тут работать в обед.

Рядом с беловолосой девушкой рассмеялись две женщины.

— Я не боюсь солдат, — неразборчиво сказала Шино.

Лицо Фуюдори побелело, почти став таким же, как ее волосы.

— Я не боюсь. Но нужно быть настороже, — я подумала о том, как ее волосы побелели. Нападение на деревню. — Разве всем нам не нужно?

— Разве всем нам не нужно? — кривлялась Маи. Шино фыркнула.

— Это горох? — спросила у меня Фуюдори, отвернувшись от пьяных девушек.

— Ох, нет.

Она вскинула брови.

— Нет, Рисуко-чан?

— Нет, нет, спасибо, Фуюдори-семпай, — капля пота стекла к моему рту. — Это соевые бобы.

— О, — улыбка Фуюдори осталась, но она смутилась, и мне, к удивлению, даже нравилось, что из-за меня ей неудобно.

Я забрала пустую миску с конца стола и вернула на кухню, чтобы наполнить кимчи.

Ужин длился, мы носили все больше сакэ, женщины леди Чийомэ, ее куноичи, стали дразнить солдат. Я видела, как так делают некоторые женщины в нашей деревне, солдаты отзывались грубыми шутками на это.

Но тут мужчины боялись отвечать. И чем тише становился отряд Масугу-сана, тем грубее вели себя женщины. Ужин закончился, и женщины уже говорили такие комментарии, за которые их побили бы солдаты Имагавы в нашей деревне. Но эти женщины пользовались тишиной.

Я начала вытирать стол мужчин и склонилась к Аимару.

— Как ты? — спросила я.

Он пожал плечами.

— Уже лучше. Я был голоден, но... О, ты ведь еще не ела, да?

Я тряхнула головой. Только разговоры скрывали шумом урчание в моем желудке от остальных почти весь ужин.

— Так сложно не мочь ни с кем поговорить, — сказал он. — Здесь жизнь не так и отличается от жизни в храме, но даже там были друзья, с которыми я мог порой поговорить.

Я улыбнулась.

— Это до поры, пока мы не станем посвященными.

— Как ты это сделаешь?

— Без понятия.

— Ну, — сказал он, улыбаясь в ответ, — надеюсь, это будет скоро.

Мы с Эми и Тоуми начали убирать оставшиеся пустые тарелки, зазвенел колокол. Шум утихал, как огонь под дождем.

Крупный из Братишек стоял перед храмом. Он закрыл двери и запечатал их полоской белой бумаги.

Миэко подняла палочки опоздавшего и вонзила их в миску с рисом.

И словно все здание задержало дыхание.

— Семь дней назад, — сказала леди Чийомэ едва слышно, — мы потеряли одну из нас. Одну из первых. Она сражалась храбро, сражалась хорошо, и все прошло, как она бы хотела.

Некоторые ворчали. Некоторые сдерживали слезы. Несколько — в том числе и Миэко — не смогли их сдержать. Солдатам было неловко, но и они мрачно молчали.

— Помните ее, — сказала Чийомэ-сама, и я была потрясена тону ее голоса. — Помните ее и почитайте красно-белую одежду, ведь она носила ее с достоинством.

Банкет закончился, гости и обитатели Полной луны покинули зал в молчании.

14

Белка на крыше

Я была уверена, что Ки Сан не даст нам есть, пока все не будет убрано. Но когда мы принесли последние тарелки, повар улыбнулся нам и указал на маленький пир, что он устроил нам на низком столике: жареное мясо, кимчи, соевые бобы, рис и даже сакэ стояли там, как на банкете.

— Невероятно! — провопил Ки Сан. — Идеально! Ни капли не пролили, все подали горячим! Вы, девчата, выставили посмешищем предыдущих девочек.

Мы сели, и это было так же приятно, как заманчивые ароматы угощений. Мы схватили палочки и набросились на еду. Эми выбрала немного эдамамэ и начала пихать соевые бобы прямо в рот. Передо мной стояло мясо, и я взяла его кусочек на свою тарелку вместе с рисом.

Тоуми, которой не дали попробовать кимчи до этого, схватила побольше квашеной капусты палочками и опустила в миску.

Я поднимала кусочек мяса ко рту, когда увидела, что Ки Сан начал кто-то говорить, но отвернулся с

ухмылкой.

А мясо было бесподобным — нежным, сочным, пряным. Лучше еды я еще не пробовала. Проглотив первый кусочек, я потянулась за следующим, а Тоуми подавилась, кимчи вылетела из ее рта. Она взвыла и схватила сакэ. Она не успела это выпить, Ки Сан дал ей кружку воды, и она быстро осушила ее.

— Вы хотели нас убить? — прохрипела она.

Ки Сан фыркнул.

— Ты так хотела ее попробовать, что я решил, что ты знаешь, что она острая.

— Острая! — закричала Тоуми. — Она огненная!

Шрам на лице Ки Сана искривился, он откинул голову и рассмеялся.

— Привыкай, Соколик, — сказал он, опуская в миску Тоуми рис. — Леди любит мою еду, и люди здесь тоже.

А вы в Японии любите все сладкое или безвкусное, — Тоуми задыхалась, словно пыталась потушить пожар во рту. — Мера! Во всем нужна мера, слышали? Съешь риса, Соколик, полегчает, — сказал Ки Сан. — Помни, — добавил он, — что тебе стоит держаться подальше от горячей еды. Ты и так пылкая, и это все видят, — он почесал бороду. — Думаю, тебе подойдет китайская холодная еда.

Тоуми уставилась на него, словно он нес бред, а так и было. Она с отвращением фыркнула и начала набивать рот рисом.

Остаток ужина прошел спокойно и вкусно. Мы с Эми попробовали немного кимчи, и было вкусно, а не остро, ведь теперь мы знали, чего ожидать. Тоуми не сразу смогла заставить себя есть остальное, но голод победил, и вскоре мы постанывали, объевшись.

Ки Сан налил немного сакэ в чашечки и смешал наше с водой. Он налил себе большую чашку и не разбавлял.

— На такой пир каждый вечер не надейтесь, — сказал он. — Но вы это заслужили, — он поднял чашку. — Вихайео, — сказал он на корейском. — За вас!

Мы подняли чашечки в ответ и попробовали сладкое вино, ощутили его тепло, что отличалось от жара кимчи.

Даже Эми улыбалась, когда мы закончили уборку на кухне.

Ночь была ясной и холодной. Дрожа, мы шли в свою комнату. Почти полная луна была над головой, окруженная сияющим кругом света. В горах звезд было видно больше, они были такими яркими, что казалось, что по ним можно лазать.

Мы вошли, а Фуюдори сидела, скрестив ноги, на своей кровати и расчесывала белые волосы.

— Хорошо постарались для первого дня, — сказала она с насмешливой улыбкой. — Искупайтесь и спите. Я постараюсь убедиться, что вы готовы помогать Ки Сану с завтраком.

Мы застонали. Ее улыбка стала шире.

— Не бойтесь. После завтрака у вас будет урок музыки в Чайном домике с Сачи-сан.

— Музыка? — спросила Тоуми.

— С Сачи-сан? — сказала я. Она, как я понимала, была одной из взрослых. Куноичи.

— Да, Рисуко-чан. С Сачи-сенсей. Она ваш учитель, так что так к ней обращайтесь.

— Но я думала, что Миэко...

Фуюдори игриво улыбнулась, и я понимала, что прямой ответ не получу.

— Миэко-сан учит другому. Но вам это еще рано. И вы не захотите урок музыки от Миэко-сенсей. Шино, Май и я будем с вами на уроке. Разве не мило?

Мы переглянулись. Было ясно, что они думал о том же: урок музыки звучал совсем не мило, все портило и то, что с нами будут три старшие девушки.

Фуюдори кивнула, словно мы согласились с ней.

— А теперь в купальню, — приказала она, и мы пошли в другую дверь. Это здание было моим любимым здесь, оно было таким же большим, как спальни, но тут были только две большие купальни. Пахло влажным деревом.

Огонь, нагревавший воду, догорал, но было еще тепло. Мы купались в тишине, борясь с желанием уснуть в воде. Когда мы были чистыми, то вернулись в спальню.

Фуюдори сидела на своей кровати.

— Идите тихо, — сказала она. — Все уже спят.

— Конечно, столько выпить... — пробормотала Эми и поняла, что Фуюдори недовольно смотрит на нее. — Простите, Фуюдори-семпай.

Мы опустились без сил на матрасы. Эми моментально уснула.

Я лежала и смотрела на потолок, слушая шум белки на крыше. Хотелось к ней. А потом я тоже уснула.

15

Урок музыки

Когда Фуюдори бодро разбудила нас утром, никто из нас — Эми, Тоуми, Май, Шино и меня — не был этому

рад. Ноги болели после езды и вечерней работы. Это если не считать моего бега по веткам, когда стрелы летели над головой.

Одна из старших девочек проскулила:

— Зачем нам вставать? Это у них работа на кухне.

— У вас есть обязанности вне кухни, как у меня были последние три года, — сказала Фуюдори. Она повернулась ко мне, Эми и Тоуми. — Малыши. Одевайтесь и на кухню. Потом у вас будет урок музыки.

Мы вернулись на кухню, а Ки Сан был недоволен. Его волосы торчали, словно шерсть собаки, вывалявшейся в смоле.

Мы позавтракали подогретым рисом и яичницей. Не всем женщинам дали яичницу, но им досталось пюре из бобов. Так повезло и, к ее недовольству, Тоуми.

— Я же говорил! Горячее! Мясо твоему характеру точно не подходит. Точно не для Соколика! — рассмеялся Ки Сан и убедился, что ей не попадет в тарелку ни мяса, ни яиц, ни рыбы. — Маловата еще, — прошептал он и опустил в ее тарелку пюре из белых бобов. Я видела, что Тоуми хочет возмутиться, но она знала, что такое голод, как и все мы, так что с отвращением на лице съела пюре. И все остальное.

Как только мы поели, пришло время убирать. Кухня стала прежней, и времени на это ушло почти столько же, сколько вечером, и мы пошли на первый урок на пути становления мико.

Фуюдори говорила, что это будет музыка. Я думала, что нас будут учить стучать в барабаны, звенеть в колокола, такие звуки доносились из лесного храма дома, или играть на флейте. Это не было очень сложно, но и не было интересно.

Тоуми, Эми и я шли к Чайному домику. Фуюдори, Май и Шино уже были там, сидели у струнных инструментов — двух больших кото и одного сямисена.

Сачи улыбнулась нам, она чистила длинную флейту шакухачи тряпкой.

— Мужчинам почему-то нравится, как я это делаю.

Мы нервно сели в углу, оказавшись подальше и от остальных девочек, и от учителя. Тоуми нервничала сильнее, чем злилась.

И тут Сачи поднесла флейту к губам и заиграла.

Моя мама играла на флейте, и папе нравилось ее слушать. Она пыталась научить и меня играть, но я не смогла правильно складывать губы для этого, так что получались лишь резкие звуки. Шакухачи — простой инструмент — длинная полая трубка бамбука с пятью дырочками для пальцев, но мелодия, которую играла Сачи, не была простой. Там было желание и потеря, она была прекрасной.

Она закончила играть, а музыка еще висела в тишине. Опустив флейту, Сачи усмехнулась:

— Неплохо.

И все мы — новички и посвященные — рассмеялись.

Она повернулась ко мне, Эми и Тоуми и протянула инструмент.

— Играть умеете?

Мы опустили головы. Я не могла после услышанного сказать, что моя мама играла. И не могла назвать свои жалкие попытки музыкой.

— Хмм, ладно. Тебя зовут Эми? Твои губы подходят для этого.

Эми рядом со мной вздрогнула.

— Простите, — сказала Сачи. — Я постоянно забегаю вперед, — она фыркнула и вдохнула. — Я должна поприветствовать новичков. Мой... учитель приветствовал некоторых в их первый день, — она направила флейту на посвященных. — Она говорила так с ними, когда они прибыли сюда. Я постараюсь соответствовать.

Глубоко и медленно вдохнув, Сачи прижала руку к груди раскрытой ладонью.

— Добро пожаловать, леди, на начало вашего официального обучения в Полной Луне. Леди Чийомэ создала эту школу, чтобы убедиться, что традиции нашего народа не забудут, но и для того, чтобы использовать таланты девушек, как вы, чьи способности могут быть зря потрачены в борьбе за выживание в тяжелые времена, с которыми мы столкнулись.

Фуюдори, что почти всегда вежливо улыбалась, нахмурилась.

— Все, что вы будете делать в Полной Луне, подготовит вас к новой жизни. Уроки, что буду вести я и другие куноичи, дадут вам возможность получить навыки, что пригодятся вам в будущем, — Сачи замолчала, и я поежилась. Она словно упоминала дух Кунико, которая явно была тем самым учителем Сачи. Она посмотрела на каждую из нас. Наверное, хотела понять, есть ли у нас вопросы, но казалось, что глазами Сачи на нас смотрит Кунико и проверяет нас. Не знаю, что думали остальные, но я точно провалилась. — У жриц много работы, — продолжила Сачи низким голосом без эмоций. — Вы научитесь танцевать, проводить важные ритуалы, готовить храм к фестивалям. И вы должны уметь петь в честь богов.

Она подняла шакухачи и вдруг улыбнулась, показывая свой характер.

— И вы научитесь играть на инструментах. Музыка очень важна для мико. Как я и сказала, мужчины любят, когда у женщин хорошие пальцы, — сказала она. — Вопросы есть?

Сачи играла лучше моей мамы. И, должна признать, обучала она тоже лучше. К концу первого урока Эми издала несколько дрожащих нот на флейте, я смогла наиграть что-то на сямисене, к недовольству Маи, работавшей со мной. Сачи смогла дать каждой из нас музыку, чего мама, какой бы хорошей она ни была, не смогла.

Но я была уверена, что мама никогда не рассказывала столько грязных шуток.

* * *

Когда Сачи попрощалась с нами, солнце было уже высоко, гравий во дворе сиял и слепил глаза.

Масугу-сан стоял рядом с леди Чийомэ и несколькими старшими мико. Девять воинов с копьями, что ехали с нами сюда, выстроились перед командиром и нашей госпожой.

Всадники были мрачными, но явно не жалели, что покидают это место. Они даже радовались, что уйдут из лагеря женщин. Масугу был рад, что остается с нами, и я обнаружила, что тоже этому рада. Он был единственным взрослым, считавшимся со мной.

— Поприветствуйте от меня капитана Ямагату, — сказал он. Я заметила впервые, как меняется голос лейтенанта, когда он говорит как командир. Его голос был твердым и резким, не таким теплым, каким он говорил с ними за ужином, или когда говорил со мной. Масугу-сан отсалютовал им, рывкнул приказ, и лошади сорвались с места, выбегая через ворота. Братишки закрыли за ними врата.

Не успела осесть пыль, а Чийомэ-сама и ее леди повернулись и пошли в Большой зал. Фуюдори, Маи и Шинс присоединились к ним, хотя Фуюдори намеренно не смотрела на лейтенанта Масугу так забавно, как это делали старшие девушки. Словно он не замечал.

А мне казалось, что ей не нравятся солдаты.

Я пошла за Эми и Тоуми к кухне, чтобы начать помощь с обедом, но почувствовала, как меня похлопали по плечу. Обернувшись, я увидела Масугу-сана. Он коснулся меня дубинкой, что я видела у него раньше. Она была металлической и закрытой с обеих сторон. Чехол для письма, такой я видела у отца, когда он отправлял или получал письма из замка. Чехол был запечатан, но не четырьмя бриллиантами Такеды, а меткой трех широких имбирных листа в круге.

— Как ты, Мурасаки-сан? — спросил он и улыбнулся. — Нашла себе место здесь?

Я начала отвечать, но заметила, что Тоуми стоит у двери кухни и смотрит на меня. Я растерянно опустила голову.

— Нельзя говорить со мной? — Масугу-сан вздохнул и понизил голос. — Ах, ладно. Слушай, я хотел поблагодарить тебя за вчера. Ты спасла жизни. Возможно, и мою. И... — он понизил голос до шепота. — Помнишь, что я рассказал о твоём отце? О других девочках?

Глядя на гравий, я кивнула.

— Не воспринимай это всерьез. Думаю, я перегнул палку. Они, наверное, ничего не знают. Лучше не говори ничего. Ясно?

Я снова кивнула. Тоуми еще ждала.

— Слушай, — продолжил он, — я знаю, что тебе можно говорить с нами только за ужином. Но если тебе нужна помощь, я буду рад.

Глядя вниз, чтобы Тоуми не видела, что мои губы двигаются, я сказала:

— Спасибо, Масугу-сан.

— Это радость для меня, Мурасаки-сан, — сказал он с улыбкой. И ушел в сторону кладовой, посвистывая и постукивая свитком по плечу.

Я пошла к кухне и учуяла кислый запах в порыве ветра. Приближался снег.

Тоуми улыбнулась, когда я подошла к ней.

— Я видела, что ты с ним говорила.

— Доложишь об этом? — спросила я, стараясь скрыть тревогу.

— Нет, я не могу думать о таких мелочах, — она склонилась ко мне и прошептала на ухо. — Я не забуду, мышка Кано. Однажды перед леди Чийомэ и остальными я покажу, кто ты на самом деле.

Хищно улыбнувшись, она развернулась и ушла на кухню.

Я пошла за ней.

16

Лезвия

Я вошла на кухню Ки Сана, опуская голову так низко, чтобы не видеть Тоуми или Эми. Я не хотела, чтобы они видели, что я расстроена. Я взяла стопку мисок и пошла к столовой, чтобы приготовить все к обеду, но Ки Сан остановил меня:

— Нет, девчушка, — проскрежетал он, его шрам изогнулся. — Не заходи туда, пока там леди Чийомэ и ее

дамочки, если не хочешь, чтобы в одной из этих мисок оказалась твоя голова.

Я тупо посмотрела на него.

— Некоторые уроки вас ждут только после посвящения, — сказал он с ухмылкой. — Так что мы готовимся здесь, а потом будем спешить, как древесные демоны, чтобы все накрыть, когда они уйдут. Так что готовы беличьи лапки к работе.

Тоуми хотела заглянуть за дверь, лицо ее было лишено привычного гнева.

Ки Сан даже не оглянулся, окликнув ее:

— Их занятия, — сказал повар, усмехаясь, — не для девочек, слышите? Давайте уже, помогайте Яркоглазой.

Тоуми фыркнула, а Эми нахмурилась. Но Эми всегда хмурилась.

— Что мы делаем, Ки Сан-сан? — спросила я.

Повар в этот раз искренне улыбнулся.

— Что ж, Яркоглазая, — сказал он, — умеешь управляться с ножом?

— Ножом? — спросила я.

Тоуми вдруг заинтересовалась разговором. Эми все еще хмурилась.

— Сможешь справиться с этими длинными бобами? — он указал на гору длинных тонких стручков фасоли.

— Бобы? — фыркнула Тоуми.

— Бобы, — сказал Ки Сан, улыбаясь шире. — Хочу, чтобы вы напали на эту гору фасоли, очистили и одолели, разнеся ее в пюре.

Тоуми смогли лишь фыркнуть.

— Ты держала нож, Соколик?

Ее глаза вспыхнули.

— Идите уже сюда, — сказал он, указывая на разделочный стол, — и учитесь.

Я не хотела рассказывать, что Ока-сан учила меня резать овощи, что я училась держать длинный острый кухонный нож, что я даже начинала учить сестру управляться им. Я не хотела, чтобы Тоуми ненавидела меня еще больше.

Ки Сан принес три сияющих изогнутых ножа, каждый был размером с мою ладонь, и мне не нужно было изображать удивление. Сталь сверкала. Края были ровными и острыми.

Мечи Ото-сана были не такими красивыми и опасными.

Тоуми потянулась к тупой стороне ножа.

— Не делай так при мне с хорошим лезвием! — рявкнул Ки Сан. Он ударил Тоуми по пальцам и провел ножом по бамбуковой палке, на которой сушились травы. Сначала бамбук показался нетронутым, но вдруг рухнул, разрубленный на две части, травы рассыпались на стол. — К ножу относитесь с уважением, ясно? — он передал нож потрясенной Тоуми, чтобы она взяла его за рукоять.

Мы с Эми осторожно взяли свои ножи за рукоять.

Но тут я задумалась: если бы он хотел, чтобы мы взяли ножи за рукояти, зачем он дал бы их лезвиями вперед?

Он показал нам — почти как мама, почти как я, когда пыталась научить Усако — как проводить ножом по овощам, как другой рукой придерживать еду, осторожно держать пальцы вдали от лезвия. Вскоре мы резали, а он готовил остальные блюда обеда, отдавая нам указания насчет нарезки, прося нас не спешить.

Стало вскоре очевидно, что Тоуми недовольна, что ее горка самая большая из трех. Я знала, что могу резать быстрее нее, но не хотела ее злить, так что перекладывала понемногу стручков в горку Эми, которая работала методично, смотря на то, чтобы острое лезвие не задело ее пальцы.

Порой мы слышали стук или звон из столовой. И пока мы резали, эти звуки казались важнее, чем то, что мы делали.

Когда стручки кончились, Ки Сан отошел от большой кастрюли с курицей.

— И у всех остались пальцы? — спросил он. Мы вытянули руки. — Хмм, ни крови, ни срезанных ногтей? Думаю, я придержу вас на кухне подольше! — он посмотрел на три горки. — Молодец, Улыбчивая! Быстро сработала! — Эми и Тоуми посмотрели на горки и растерянно обнаружили, что горка Эми теперь самая большая. Ки Сан подмигнул мне.

* * *

За обедом Миэко снова поставила рядом с собой миску риса, снова вонзила туда палочки Кунико. Она будет делать так еще семь недель. Вскоре это перестало быть зловещим, а стало привычным. Ритуал повторяли, что смерть человека казалась осязаемой. Естественной.

Нас отправили чистить купальни. Май и Шино научили нас сушить их, ополаскивать и наполнять из большой цистерны, где хранилась вода. Шино сказала нам, точнее, Тоуми, потому что девушки не стремились говорить со мной и Эми, что воду приносят из ручья, потому что Полная Луна тут и стоит, чтобы у них всегда была вода.

Как только купальни были наполнены заново, мы разожгли огонь, чтобы все нагрелось к вечеру.

Дни пролетали быстро. Утром мы помогали с завтраком, потом шел урок — пения, танцев, игры на инструментах. Редко были уроки о ритуалах. Я решила, что этому нас научат, когда мы будем в бело-красной форме посвященных.

Уроки всегда вели те, кто старше, и они менялись так часто, что не всех мы помнили по имени. Я запомнила одну по имени Мицуки, чей голос напоминал шорох мыши в листве, она учила нас скучным утром ходить как леди.

Страннее всего было упражнение, когда нас заставляли носить камни. Каждой давали высокую стопку камней, которую мы несли из одного конца двора в другой. Холодные камни царапали ладони. На следующий день мы несли их обратно, в дождь, снег и солнце.

Не удивительно, что я всегда приходила последней.

С нами почти всегда были Май и Шино, которых Эми называла Сестрами-редьками, и Фуюдори. Мягкие слова девушки с белыми волосами ранили больше насмешек двух других девушек.

Вскоре Редьки начали брать Тоуми под крыло, шептались с ней, когда учитель отвлекался. Пока мы занимались музыкой, а Сачи и Фуюдори пытались научить Эми правильно изгибать руки, Шино, что была за мной, шептали, что Эми тупее флейты, что на ней можно поиграть. Тоуми скалилась, как и Май. Но Сачи поворачивалась к ним, и они тут же возвращались к игре.

Май восприняла Тоуми неохотно, она оставляла ее рядом, пока Тоуми была не против смеяться с нас с Эми. А тут Тоуми просить не надо было.

Порой на уроках были и девушки постарше, хотя я думала, что они так показывали, сколько нам еще учить, что мы и без них понимали.

Миэко не приходила. Я редко ее видела. Часто в столовой я чувствовала на себе взгляды Миэко и лейтенанта Масугу. Стоило им заметить друг друга, и оставшееся время они проводили, глядя в миски перед собой.

После уроков утром мы помогали с обедом, чистили купальни и помогали с ужином. А потом купались и ложились спать... и так до нового утра, и все по новой.

17

Время луны

Повторения успокаивали: уроки, работа, ворчание Тоуми проходили изо дня в день, словно плывущий выводок уток. Даже перенос камней стал привычным. Порой через главные ворота проходило несколько силуэтов в одеянии мико, часто одна или две женщины уходили после завтрака. Но основная часть не менялась.

Странные звуки и главного зала каждый день менялись, всегда были яростными: порой вскрики, порой ворчание, порой трещало дерево. Но нам нельзя было смотреть, так что и к этому пришлось привыкнуть.

В один из дней, когда в главном зале было необычно тихо, мы разбирали сушеные грибы по цвету. Ки Сан очень строго относился к смешению цветов и вкусов в еде. Пока мы хорошо справлялись, он сообщил, что ему нужно «посетить короля», чего мы не понимали и не хотели понимать. Но мы знали, что его не будет какое-то время. Когда он ушел, Эми ткнула острым локтем меня в ребра.

— Ай!

Не поднимая голову, она снова ударила меня локтем.

— Что?

Она вздохнула. Я оглянулась. Тоуми указывала на решетку под потолком.

О! Я раскрыла рот. Не нужно было объяснять мне. Забравшись по выступам, на которых были травы и котелки, я прошла к балке, что выдавалась из стены под решеткой. Я была в восторге, но не из-за запретного действия, а потому что была над землей впервые после прибытия в Полную Луну.

Я приблизилась к решетке и пригнулась, чтобы меня не заметили.

Тихие голоса эхом разносились по большой комнате. Я осторожно подняла голову.

Столы были отодвинуты. Погнутая броня была прислонена к столу мужчин. Рядом стояли женщины вокруг Миэко, которая...

Она выхватывала шпильки. Так это выглядело. Она держала два предмета, похожих на короткие плоские палочки, а потом вернула их в тугий пучок на затылке. Остальные повторили за ней со своими шпильками.

Я растерянно вернулась в кухню. Что-то в действиях Миэко было знакомо, но я не могла понять, что.

— Ну? — Эми и Тоуми спросили, едва я коснулась ногами каменного пола.

Я рассказала им, что увидела.

— Скучно, — сказала Эми, хмурясь еще сильнее. Мы с Тоуми кивнули и вернулись к сортировке грибов, а вскоре вернулся и Ки Сан.

— Разве не весело! — посмеялся он.

Мы даже не кивнули ему, продолжив череду занятий этого дня.

Но через несколько недель после прибытия рутина прервалась.

Одним утром мы, как обычно, готовили завтрак, но когда мы принесли еду в большой зал, там было лишь девять куноичи за столом с леди Чийомэ и мужчинами. Четверых старших девушек не хватало, как и всех трех посвященных. Когда я вернулась с растерянным видом на кухню с оставшейся едой, Ки Сан оскалился:

— Уронила мою хорошую еду, Яркоголазая?

— Нет! — сказала я, глядя на полупустые миски. Тоуми усмехнулась, оттирая котелок от риса, готовя его для обеда.

Эми пришла за мной, хмурясь сильнее обычного. Ее миски были почти такими же, как мои.

— Почему они толком не поели и ушли? — спросила она.

— Ушли? — Ки Сан почесал шею.

— Ну, — сказала Эми, — Фуюдори и других посвященных не было за завтраком, и некоторых старших не было. Почему они ушли... по своим делам... не поев?

Ки Сан взглянул на нее, потом на меня. И тут случилось то, чего я не ожидала — его уши, щеки, лоб и шея стали вишневого цвета. Он выругался, как я поняла, на корейском, его голос был выше обычного, и вонзил нож в стол.

— Нужно было помнить! Но вас пришло много, и я сбился со счета!

Мы с Эми переглянулись, и даже Тоуми выглядела так, словно Ки Сан несет бред.

Видя наше смятение, Ки Сан прочистил горло и прорычал:

— Не давайте еде остыть! — он указал пальцем в щрамах на дверь. — Несите еду в Убежище, ясно? Яркоголазая, Улыбчивая — быстро! Вперед!

Я помнила здание, но не понимала его. Там всегда было пусто.

— Убе...?

Оставив нож в столе, он принес крышки для наших мисок.

— ВПЕРЕД!

Мы взяли крышки и, накрыв ими миски, пошли. Пока мы проходили колодец, Эми вдруг застыла.

— О!

Я обернулась и посмотрела на нее:

— Что?

— Убежище! — она смотрела на меня огромными глазами. — Туда уходят женщины во время месячных!

— Меся...? О! — мы посмотрели на миски в руках. — О.

Мы пошли к зданию, к дереву тсуги у угла, и Эми остановилась снова.

— Что? — прошептала я.

— Все сразу?

Я уставилась на нее.

— Я о том, — лепетала Эми, — что у них это началось... в одно время?

Я пожалала плечами, она ответила тем же, и мы пошли дальше, но уже не так быстро.

Когда мы приблизились к Убежищу, я заметила, что дым поднимается из трубы. Я поставила поднос на выступ и постучала.

— Что? — рявкнул голос изнутри.

— Е-еда, — выдавила Эми.

— Оставьте, — ответил другой голос. Я всегда слышала его тихим и добрым, но сейчас Миэко так не звучала. — Оставьте на выступе.

— Да, — сказали мы с Эми. Она поставила миски рядом с моими, и мы поспешили на кухню.

Тоуми все еще оттирала котелок от риса, но уже не скалилась, ее лицо было серым, и она не подняла голову, когда мы вошли.

— Нужно было привыкнуть, — ворчал Ки Сан. — Вечером они будут там, но вас столько, еще и леди, — он вытащил нож из стола и вонзил его снова, металл запел от этого. — Фу! — выдохнул он. — Женщины!

Ки Сан был прав. Когда уроки закончились, еще три женщины ушли туда. Мы принесли еду к двери, и я подумала, что там очень тесно теперь.

Но голоса были не такими недовольными.

За ужином остались только леди Чийомэ, лейтенант Масугу, Братишки и Аимару. Аимару было очень неловко, когда мы принесли ему еду.

Эми будто хотела что-то у него спросить, но Чийомэ-сама заговорила первой с ухмылкой:

— Порой приятно быть в обществе мужчин, да, лейтенант?

Масугу-сан пожал плечами.

— Согласен, миледи. Солдат любит общество товарищей. Но, признаю, и общество прекрасных дам мне приятно, — он поднял чашку сакэ, махнул ею леди Чийомэ, а потом и нам с Эми.

Я ощутила, как жар приливает к шее и ушам.

— Лстец, — сказала леди Чийомэ с ухмылкой, я попятилась, пытаюсь скрыть стыд.

* * *

Женщины оставались в Убежище еще четыре дня, уроков у нас не было, потому что учителя ушли туда, и все мы делали задания женщин леди Чийомэ.

Я никогда еще так не уставала и не радовалась возвращению на кухню. Тут хоть было всегда тепло.

На четвертую ночь, когда мы улеглись, Эми ткнула меня. Я вскрикнула, и она зашипела.

— Тоуми! — прошептала она.

— Что? Вы чего еще не спите?

— Хотела вам кое-что рассказать, — она посмотрела на Тоуми, что рухнула на матрас и протяжно захрапела. — Я говорила сегодня с Аимару, когда носила воду в купальни, — прошептала она.

— Аимару? — пробормотала я. Я едва его видела в последние дни.

— Шшш! — прошипела она. — У колодца.

— А мы работали.

— И я работала, — в темноте было видно плохо, но ее лицо стало мрачнее. — Он сказал, что Масугу-сан сообщил ему, что у женщин, что долго живут вместе, месячные начинаются в одно время.

Я приподнялась на локте.

— Правда?

— Да, — Эми кивнула. — У лорда Имагавы много дочерей. Масугу-сан жил с ними, пока был маленьким. И он научился избегать их в это время, потому что тогда к нему относились совсем не дружелюбно.

— О.

— Спокойной ночи, Мурасаки.

— Спокойной ночи, Эми, — ответила я, но она, как и всегда, уже спала.

Мизэко и остальные медленно возвращались в следующие дни по двое и четверо, словно ничего не случилось.

* * *

Одной из ночей после этого, когда мы с Эми и Тоуми вышли из кухни, мы поняли, что пошел снег. Но этот снег не был тяжелым и влажным, как дома, горные снежинки были большими, как ноготь, светлыми и почти сухими. Мы смотрели на белое небо. Я попыталась поймать снежинку языком, вскоре мы принялись кружиться, раскинув руки и раскрыв рты, пытаюсь поймать снежинки телами. Смеясь, мы пошли к купальням.

И тут я врзалась в Тоуми. Привычный оскал появился на ее лице. Эми коснулась моего плеча и прошла за Тоуми в купальни.

Я осталась снаружи под снегом и расплакалась. На миг я забыла плосконосую Шино и остроносую Май, я забыла изоляцию этого места, забыла скорбь об отце, изгнание из дома, дыру, которую обычно заполняли мама и Усако. Я забыла все в этой белизне. Но лишь на миг...

Я не слышала ничьих шагов, снег уже заглушал звуки, и когда моего плеча коснулась тяжелая рука, я вскрикнула и подпрыгнула.

— Что случилось, Мурасаки-сан? — спросил лейтенант Масугу.

Я рыдала, уткнувшись в его грудь. Масугу-сан вздохнул и робко похлопал меня по спине.

— Мурасаки-сан, — сказал он, — ты здесь не зря. Мне жаль, что ты оставила маму и сестру, свое детство. Твоя мама не отдала бы тебя просто так, я не о деньгах. Чийомэ-сама не заплатила бы такую высокую цену, если бы не было причины, — он схватил меня за плечи и заглянул в мои глаза. Его глаза были печальными. — Подумай о том, что сделал твой отец, что он хотел бы от тебя. Леди Чийомэ хочет дать тебе шанс вернуть честь семьи.

Я стояла, всхлипывая, не зная, что сказать. С печальной улыбкой он похлопал меня по плечу, развернулся и пошел прочь.

Я почти добралась до теплой купальни, но он окликнул меня.

— Мурасаки-сан! — я обернулась посреди снегопада. — Ты ведь не приходила ко мне?

Я в смятении покачала головой.

— Просто, — сказал он, — кто-то был в моей комнате. Не ты? — я снова покачала головой, и он вскинул руку и пожелал мне спокойной ночи.

18

Полет

— Если тихо пойдешь со мной, Рисуко-чан, — сказала Фуюдори почти беззвучно, разбудив меня, хотя мне ничего и не снилось, — я покажу тебе что-то важное, — она отодвинула мое одеяло, не дав мне выбора.

Зевая и дрожа, я накинула зимний плащ и сандалии. Фуюдори прижала пальцы к моим губам, поглядывая на

Эми и Тоуми, что все еще спали.

Когда Фуюдори будила нас, казалось, что она делала это посреди ночи. Но мы вышли из относительного тепла нашего домика, и на небе не оказалось и намека на зимний рассвет. Снегопад кончился, небо прояснилось. Над нами сияли звезды, что не уступали в размере снежинкам.

Я шла за Фуюдори по нетронутomu снегу, укрывшему двор. Темная и безлунная ночь делала снег сероватым и тусклым.

Фуюдори подтолкнула меня к главному залу, но я проснулась по пути, а теперь замерла, впившись пятками в землю.

— Что происходит? — спросила я.

Старшая девушка моргнула, редкое раздражение пробилось через ее маску спокойствия.

— Чийомэ-сама и Масугу-сан спорят... насчет тебя, — как можно тише сказала она. — Я думала, ты захочешь послушать, это тебе же выгодно. Но если не хочешь...

— Нет, — я тряхнула головой. — Я... хочу знать.

Ее лицо озарила привычная пустая улыбка, я пошла за ней. Странно, но мы пошли не к основному ходу и не к кухне. Мы направились к стене зала, где не было двери, к стене, что выходила в сторону кладовой. Мои ноги промокли и теперь мерзли, пока мы шли.

Мы оказались у северной стены, в десяти шагах от огромного дерева, по которому мне хотелось забраться с самого приезда. Стена здания была гладкой, кроме выступающих щепок старых досок и одинокого окна под крышей. Мерцающий свет показывал, что окно открыто.

Я ощутила ухом дыхание Фуюдори. Щекотало. Очень тихо она прошептала:

— Это комната Чийомэ-сама. Я услышала их крики до того, как они ворвались сюда. И кричали твое имя.

Я разбирала тихое ворчание, но не слова.

— И мы полезем туда, чтобы посмотреть в окно Чийомэ-сама? — прошипела я, ее рука зажала мой рот.

— Не мы, Рисуко-чан. Я так лазать не умею. И вряд ли кто умеет. Мне говорили, что у тебя это отлично выходит. И кому-то нужно остаться здесь, — ее рука все еще закрывала мне рот. Она оказалась напротив меня. Хотя ее белые волосы сияли в свете звезд, глаза казались черными, как уголь, а твердая линия подбородка показывала ее решимость. — Это для твоего блага, Рисуко-чан. Нам нужно знать, есть ли у тебя проблемы. Иначе это отразится на мне. Прошу.

Я решилась. Я хотела узнать, о чем говорят леди Чийомэ и лейтенант. И хотелось залезть повыше, но если меня поймают...

В глазах Фуюдори была мольба.

Я кивнула.

Она расслабилась.

— Спасибо, Рисуко. Ты не пожалеешь. Я спрячусь за этой сосной.

— Тсуга, — зевнула я.

Она нахмурилась, глядя на ветки, пока не поняла, что короткая хвоя отличалась от длинных серебряных иголок сосны.

— Да. Тсуга. Если кто-то придет, я ухну, как сова, — она тихо изобразила, было почти похоже.

Я кивнула и прижалась ногой к коре дерева.

— Нет, — прошептала Фуюдори, схватив меня за плечо. — Не дерево. Оно слишком далеко, ты не услышишь.

Мы посмотрели на ледяную стену. Я сглотнула.

— Ох, — вздохнула Фуюдори добрым и жестоким голосом, — наверное, это слишком сложно...

Она не договорила, а я полезла по стене. Зря я, наверное, наслаждалась чем-то таким опасным, что могло еще и разозлить госпожу. Но пальцы впивались в ледяные балки, и этого хватало, чтобы у меня перехватывало дыхание. Я добралась до первой горизонтальной балки и оглянулась вниз, отметив на лице Фуюдори идеальное потрясение. Я позволила себе улыбку и полезла дальше.

Последняя часть была самой сложно. Держаться можно было только за балки, что шли к окошку. Мне нужно было цепляться изо всех сил руками и ногами, поднимаясь медленно. Дерево было холодным, я боялась поскользнуться, щепки царапали щеку и живот. Этот раз был самым сложным. Мышцы ног и рук, плеч и бедер болели и дрожали от напряжения.

Я уже думала, что сила треснет, как ветка, но тут мой лоб обо что-то ударился.

Выступ окна. Получилось.

Обхватив пальцами одной руки, а потом и другой выступ, чтобы пальцы не было видно снаружи, я держалась руками, позволяя ногам немного отдохнуть.

Сердце успокоилось, я перевела дыхание и услышала низкий голос лейтенанта Масугу.

— Уверю вас, леди, это была не она.

Голос леди Чийомэ был холоднее обычного.

— Рискуете честью из-за крохи? Той, чья честь не сравнится с вашей?

Тишина, мое сердце снова забилося быстро, ведь она оскорбляла мою семью.

А тихий голос Масугу-сана прозвучал резко, как крик сокола:

— Это не Мурасаки. Она спасла наши жизни.

— Хмм, — она цокнула языком. — Пока вы думаете, что это проделки духов, кто-то пролезает в вашу комнату, Масугу.

Он фыркнул.

— Думаю, духам мои бумаги не нужны. Братишки сказали, что врагов в округе видно не было.

— Может, да. Может, нет. Но я не хочу, чтобы привязанность к девочке ослепила вас.

Масугу пробормотал что-то, что я не услышала.

Мои плечи дрожали из-за усилий удержаться на месте, но я не могла двигаться. Мне нужно было знать, в чем меня подозревали. Внизу я увидела Фуюдори у ствола дерева, ее белые волосы напоминали снег, сияли, и она еще сильнее, чем раньше, напоминала призрака.

— В любом случае, Чийомэ-сама, — сказал Масугу-сан, — это не найдено. Оно надежно спрятано в дымоход.

— Хорошо, — проворчала леди Чийомэ. — Планы лорда Такеды нельзя отдавать, лейтенант. Не забудьте. Мой юный друг, вам ведь еще нужно побыть среди леди, да?

— Да, госпожа, — ответил Масугу, но без особой радости.

— Возвращайтесь в комнату, Масугу, дайте старушке поспать.

— Да, госпожа, — сказал он, и я услышала его ровные шаги по ступенькам.

Я не успела спуститься, как услышала голос Чийомэ-сама:

— Заходи, Рисуко. Ты простудишься, если будешь так висеть на окне.

19

В паутине

Мои дрожащие руки застыли, словно заледенели. Опустив голову, я увидела, что Фуюдори исчезла. Я одна попала в ловушку.

— Поспеши, Рисуко-чан, — сказала леди Чийомэ тихим пронзающим голосом. — Не хочу звать Ки Сана охотиться на тебя. Он тебя сбросит, и все будет только хуже.

Руки задрожали, спина болела от усилий и холода. Я втянула себя в окно комнаты Чийомэ-сама.

Она была меньше, чем я ожидала. Почти все место занимала большая черная кровать, похожая на огромный паланкин, вычурный, как и Чийомэ сама, у входа туда были кресло и стол. Оставшееся место занимали татами, посреди которых был маленький столик, за которым она и сидела, скрестив ноги. На столе было много разноцветных вещей.

— Доброе утро, белочка, — сказала, фыркнув, леди Чийомэ. — Мило, что ты решила присоединиться. И таким необычным путем. Даже Миэко не сделала бы так во время обучения без помощи. Я впечатлена.

Я рухнула на колени, потрясенно глядя на татами.

— Спасибо, Чийомэ-сама.

— Хмм, тебе ведь не помогали? Никто?

Я подумала о Фуюдори, что уговорила меня подняться и исчезла.

— Никто, — сказала я.

Она коснулась пальцем носа и сказала:

— Да, — сказала она. — Впечатляет, — расправив плечи, она посмотрела на меня. — Что ты услышала, Рисуко?

— Н-ничего, госпожа, — пролепетала я.

— Не ври мне. Ты была у окна до того, как ушел Масугу.

Я знала, но не могла не смотреть на старушку.

— Как...?

Она зловеще улыбнулась.

— Девочкам любопытство не к лицу. Скажи, Рисуко, что ты слышала?

Желудок сжался, но мне словно придал сил Ки Сан.

— Я...

Она ждала, не мигая.

Я глубоко вдохнула:

— Вы говорили с Масугу-саном обо мне. Можно ли мне доверять. О том, что я сделала... что-то. Не понимаю о чем это. Он говорил что-то о духах?

Она фыркнула.

— И ты решила сыграть в духа-лиса, Рисуко-чан?

Я растерянно моргнула.

— Заходила, как кицунэ, в комнату Масугу-сана? Кто-то играл там.

— Нет, Чийомэ-сама! — потрясенно вскрикнула я. — Нет!

Мы сидели и смотрели друг на друга, сердце грозило взорваться в груди. Наконец, старушка кивнула и сказала:

— Может, нет. Может, нет, — она покрутила пальцами одну из цветных вещиц на столе, это оказались камешка разных размеров, выкрашенные в яркие цвета и расставленные на бумаге, испещренной линиями и каллиграфией. Наверху было написано Страна восходящего солнца. Ухмылка вернулась. — Знаешь, что это, белочка?

Я хотела покачать головой, линии вдруг обрели форму, и я узнала их.

— Это карта. Японии?

Она хлопнула в ладоши, радуясь.

— Ах, молодец. Твой отец не потратил твое детство зря. Можешь найти нас на карте?

Хмурясь от концентрации, я смотрела на карту. Я нашла родную провинцию Чистоты на востоке. Много красных камней было севернее, слева, а на юге — много синих, и один большой зеленый камень по центру, где был мой дом. Я коснулась камешков, а потом последовала по синей ленте реки к Сосновому берегу, темная линия показывала дорогу Восточного моря, по которой мы шли, и это было всего недели назад? Казалось, это было в другой жизни.

Отслеживая наш путь по провинциям, среди моря красных камней больших и маленьких, к горам, я нашла южный край провинции Темного письма. Там было больше красных камней, это напоминало гарнизон в рисовых полях. А еще была крохотная отметка полной луны. Камешки там напоминали острые пики, такими булавами мама иногда пользовалась, когда чинила нашу одежду. Края булавок были красно-белыми.

— Вот, — указала я.

— Отлично, моя исследовательница. А что здесь? — она коснулась пальцам большого скопления возле Императорского города.

Цветные камешки были расставлены на карте кучками, и больше всего было белых, красных и синих, другие цвета попадались редко. Красно-белые булавки попадались порой недалеко от камней.

Камни не были городами, они были нарисованы на карте, как и их названия. Они могли означать рис или золото, но было странно тогда видеть много камней на острове Хонсю, главном острове нашего народа, ведь я знала, что еду и богатство добывают в других частях страны.

Зная, что леди Чийомэ не нравится, когда я высовываю язык, я стиснула зубы и продолжила изучать карту.

— Это...? — я не хотела казаться глупой. — Это армии, Чийомэ-сама?

Удивление появилось на ее лице, я ощутила облегчение.

— Почему ты так решила, белочка?

— Ну, — сказала я, — это похоже на разноцветную игру в го, в нее Ото-сан играл с старым Ичихиро в замке, — глядя на нее, я спросила. — Это игра?

Старушка хрипло рассмеялась.

— Да! Это сложная и смертельная игра, — она коснулась зеленого камешка, где стоял наш дом. — Видишь зеленую метку?

Я кивнула.

— Знакомо выглядит?

Я моргнула. Большой зеленый камень окружали маленькие синие и красные.

— Мой рисунок. То, что я увидела у лорда Имагавы и солдата.

— Именно. Грядет большой бой, хотя Масугу и его друзья принесли ее к нам раньше, чем я ожидала. Зеленый камень — оставшиеся силы Имагавы, значительная армия, но это тень той силы, что была у них.

— Красные... это силы Такеды? — поняла я.

— Точно, — сказала старушка, хотя похвала в тоне была слабой. Она указала на север на нашу маленькую армию и сказала. — Этот камень — гарнизон, в котором служат всадники Масугу, защищают наши территории от сил Уэсуги, — желтые камни стояли чуть дальше на северо-запад.

Она указала на красные и желтые отметки вокруг гарнизона и тихо сказала:

— А там остров Междуречья.

Ее рука указала на юго-восток, на провинции ниже провинции Чистоты. Синие камни стояли в том регионе.

— Это силы Матсудаиры, они были верны Имагаве, но высокомерие старого клана отвратило их. Теперь они слабо сотрудничают с лордом Такедой и нынешним сёгуном, лордом Одой. Это его армии, — она указала на моря белых камней в центре карты. — Как думаешь, чего хотят все эти армии?

Я нахмурилась, ведь вариантов ответа было несколько, зависело от угла взгляда.

— Эм, защитить провинции?

Она отмахнулась.

— Конечно. Но, думаешь, для Японии такое море воюющих цветов на благо?

Я знала, что она хотела моего ответа, и покачала головой.

— Именно! — рявкнула она так сильно, как еще при мне не делала. — Наш народ воюет между собой сотни лет. После поражения сёгунов Камакуры все хотят объединить Японию под одним знаменем, стать сёгуном, вернуть мир на наши священные острова. Но ни у кого не хватает сил одолеть других, потому постоянно происходит перемена верности, опасности, угроз, и каждый лорд защищает интересы своего клана. Этому нужно положить конец.

— И лорд Такеда может это сделать?

Она мрачно кивнула.

— Он лучший генерал — благородный и умный, непобедимый на поле боя, без непостоянства лорда Оды и восхищений иностранными диковинками. Без лорда Имагавы лорд Такеда будет сильнейшей оставшейся силой, если не считать самого лорда Оду и его войско. Когда другие лорды объединятся под знаменем Такеды, Ода отдаст столицу нам, и Такеда Шинген будет править единой Японией, как сёгун императора.

Зачем она мне это рассказывала? Я не понимала. Наверное, это было частью проверки, чтобы узнать, понимаю ли я ее слова. Отчасти я думала, что это близко сердцу старушки. Эту тему она явно долго обдумывала.

Вдруг она шумно выдохнула. Указав изящной рукой на белые камешки, она спросила:

— Что ты знаешь об Ода-саме, юная Кано?

Я вспомнила разговор с Масугу-саном в пути в Полную Луну. Я не могла рассказать ей всего, ведь не могла смириться с тем, как мало знала, ведь не знала, можно ли было лейтенанту рассказывать мне это. Я не хотела проблем для него.

— Я... знаю, что отец служил ему, как самурай, какое-то время.

Чийомэ-сама сощурилась.

— И ты знаешь, почему твой отец ушел? Ты должна знать.

— Я... — я посмотрела в ее лицо. — Знаю, что мой отец и отцы Эми и Тоуми были отправлены в миссию, от которой они отказались. И все.

— Ты знаешь больше, чем я думала. Знаешь что-то о миссии? — я покачала, она поправила камешки вокруг столицу. Она тихо ждала, пока я едва держалась. — Спроси себя, Рисуко-чан, что твой отец ценил сильнее всего. Сильнее своей чести.

— Я... — она задавала невозможный вопрос, но я не знала, как отказать или отвернуться. — Семью, — прошептала я.

— Да, — сказала она. — Теперь подумай, что за миссию дал лорд Ода твоему отцу, что он отказался.

В моих глазах проявился ужас, и леди Чийомэ рассмеялась:

— Нет, глупышки, он не приказывал убить вас. Зачем Ода-саме это?

— Тогда?..

Кривая улыбка исказила ее белое лицо.

— Ты умная девочка, должна понять.

— Н-не представляю, Чийомэ-сама, — я смотрела на карту. — Госпожа? А что это за красно-белые булавки?

Ее улыбка стала шире.

— Надеюсь, поймешь сама, Рисуко. А теперь я устала. Оставь меня, девочка.

Я встала и нерешительно пошла к окну.

Ее сухой смех остановил меня.

— Нет, нет! По лестнице, глупышка! Если тебя поймали, бежать нужно самым простым путем, — на ее лице отражалось потрясение, хотя глаза были хмурыми. — Но окно закрой. Холодно.

Я кивнула и закрыла ставни.

— И, белочка? — пробормотала старушка, когда я пошла к лестнице. Я застыла, боясь того, что она добавит. Она задумчиво фыркнула. — Когда решишь слушать под окном, помни, что от дыхания в холод образуется пар. Хотя бы будь в стороне.

Я растерянно пролепетала:

— Да, Чийомэ-сама, — и поспешила вниз, а потом и к своему матрасу так быстро, как только позволяли онемевшие ноги.

20

Работа с душком

Я вернулась в нашу комнату, Фуюдори стояла за дверью, была бледной в тусклом свете.

— Почему ты так долго?

— Могу спросить это же. Куда ты исчезла? — парировала я, удивляясь себе.

Она тоже была потрясена моим всплеском.

— Я... вышел лейтенант Масугу и пошел туда, где я стояла. Я издала сигнал, но пришлось спрятаться за Убежищем. Когда я вернулась, тебя не было. Я решила, что раз он ушел, то и ты вернулась, но тебя долго не было, я начала беспокоиться.

Я посмотрела в ее лицо, поняв вдруг, что она врала мне. Не во всем, но правду почему-то скрывала. Я решила отплатить тем же.

— Я добралась до вершины, но там было тихо. Я слушала, чтобы понять, что происходит, но ничего не услышала, поднялась на крышу и спустилась оттуда. По скользким стенам лазать зимой сложно.

Она прищурилась, но кивнула и сказала:

— Хорошо, что ты не упала. Спокойной ночи, Рисуко-чан.

* * *

Следующим утром Тоуми была довольна собой, глядя на Фуюдори, леди Чийомэ и Масугу-сана, отпуская комментарии в мою сторону о расплате. Она явно рассказала про меня — про разговор с лейтенантом или ночные хождения, я не знала точно. Я ждала наказания.

Но все молчали.

Шли дни, я постоянно озиралась, ожидая, что меня спросят о том, что я делала в ту ночь, хотя леди Чийомэ в тот раз не злилась.

Стало ясно, что проблем не будет. И было весело наблюдать за недовольством Тоуми.

Несколько ночей спустя, когда девочки лежали на своих матрасах и похрапывали, я разбудила Эми и рассказала о случившемся, немного упомянув наших отцов. Она моргнула, а потом, удивительно, улыбнулась.

— Фуюдори заставит тебя так делать за нее всю грязную работу, — прошептала она. — Думаю, потому Тоуми и вьется рядом, разнохивая все, как собака.

Я кивнула.

— Но никто не спешит меня наказывать.

— Кошмар для бедной Тоуми, — усмехнулась Эми и уснула. Я смогла последовать ее примеру, хотя спала плохо.

Тоуми была в плохом настроении несколько дней.

Но мне от этого весело не было.

* * *

Однажды днем мы пришли на кухню Ки Сана, чтобы помогать с ужином, и получили новое испытание. У каждой снова был нож, что нужно было осторожно опускать ровно на разделочную доску. Там, где были обычно овощи и куски мяса, лежали три убитые курицы.

Эми скривилась, Тоуми проворчала, но я знала, как начинать. Этому мама нас научила, когда мы еще могли поймать птиц или одну из куриц Ирочи-сан, уже не годившуюся для получения яиц: и я начала ощипывать перья.

— Вот так, девчушки! — рассмеялся Ки Сан. — Яркоголазая уловила мысль! Перья вы ведь не едите?

Мы ощипывали тушки, Тоуми не прекращала ворчать и хмуриться. Эми же была так потрясена неприятной работой, что ее обычный хмурый вид пропал. Лицо ее было нейтральным, как статуя Джизо-босатсу.

Когда мы закончили выщипывать перья, что теперь валялись у наших ног, Ки Сан радостно заявил:

— Вовремя, девчушки! Теперь вы научитесь использовать нож правильно.

С усмешкой он принялся учить нас разделять курицу.

Нас с Эми не стошнило.

А вот Тоуми стало плохо. Дважды.

Так мы — сироты самурайского рода, что еще не стали женщинами — начали становиться мясниками. Несколько дней после уроков музыки, танцев или каллиграфии мы учились резать мясо и рыбу на кусочки для порций. Сначала были курицы, потом утки и гуси, карпы. Тяжелее были свиньи, тут нам пришлось работать вместе, я следила на всякий случай за ножом Тоуми.

Работа была с душком, но вскоре вонь стала знакомой, как запах хвои, что напоминал о детстве.

* * *

Количество еды, что мы готовили для себя и других, впечатляло. Мы ели три раза досыта в день, хоть раз, а то и два в день давали мясо. Порой мы ставили свежие овощи, как дайкон или соевые бобы, которые Ки Сан бережно хранил в кладовой, а порой овощи доставляли по ледяным дорогам фермеры, выражая уважение.

Я часто заглядывала в окна замка Имагавы, чтобы знать, что, кроме праздников, они ели скромнее, чем леди Чийомэ и ее слуги, даже у самого лорда и дам был рис и очень редко — кусочки рыбы или мяса. Да, их рис выглядел лучше, чем тот, что был у нас в деревне, и я знала, что порой они покупали свиней у Нару, но вряд ли они

если мясо так часто, как обитатели Полной Луны.

Когда я спросила об этом Ки Сана, он лишь фыркнул:

— Леди приказала, — сказал он. — Говорит кормить вас, как мой лорд кормил солдат перед боем. Так правильно, Улыбчивая? — он бросил кость Эми, и она поймала ее на лету. — Многим это на пользу!

Он был прав. Я была уже не такой тощей, как это было при нашей первой встрече. Хотя постоянная работа развивала мышцы, ребра уже не выпирали из груди, как ветки зимой. Даже Тоуми поправилась, и теперь не казалось, что об нее можно порезаться. Хотя я и не хотела ее трогать.

Казалось, что Эми изменилась меньше всех, она все еще хмурилась, а ее руки и ноги казались длиннее, чем могли быть. И тут поняла, что рука, поймавшая кость, сильно выглядывала из рукава накидки. Опустив взгляд, я увидела, что и штаны стали ей короткими, края едва доставали до лодыжек.

Осторожно опустив кость, Эми посмотрела на меня свысока и скривилась. Она не знала, как реагировать на свой рост. Я тоже этого не знала.

* * *

После каждого приема пищи мы уносили остатки в яму с мусором через задний ход Полной Луны. И хотя яма воняла, мне нравилось даже в холод быть рядом с лесом. Быть вне этого замкнутого мира Полной Луны.

Однажды мы с Эми шли после того, как сбросили кости рыбы в яму, обратно, и Эми замерла, сморщив носик.

— Чуешь дым?

Хмурясь, я кивнула.

— Наверное, из кухни.

Эми покачала головой.

— Ветер дует в другую сторону, — она указала на Полную Луну, дым из кухни уносило от нас. — Фермы?

— Вряд ли. Они слишком далеко. Кто-то в лесу, — мы взгляделись в чашу, обрамляющую тропу. Дым точно исходил не из ямы за нами.

Мы переглянулись.

— Даже не знаю, — сказала Эми. — А ты можешь...? — она указала на лес, окружающий Полную Луну.

Кивнув, я сказала:

— Скажешь Ки Сану, что я, эм, «посещаю короля» или еще что-то, а я скоро вернусь.

Деревья оказались дубами, лезть по ним было сложно. Я осторожно двигалась на слабый запах дыма, но замерла, услышав тихое ржание лошади и мужской голос. А потто голос слабее, но выше. Женский. Кто?

Я не успела приблизиться, как услышала голос Ки Сана, зовущий меня. Тихо выругавшись, я вернулась к заднему ходу.

— Принесла желудей, Яркоголазая? — руки повара были скрещены, брови — вскинуты.

Я пристыжено пошла на кухню.

* * *

Дни проходили по локти в плавниках, перьях и кишках, и следующим утром мы обнаружили возле огня тушу коровы. Застонав от размеров туши, мы посмотрели на Ки Сана.

Повар, сидевший на бочке с рисовым вином, рассмеялся и указал на стол. Там лежали и блестели ножи.

Тоуми начала возражать, но Эми покачала головой.

— Без толку, — сказала она, голос совпал с мрачным лицом. Расправив плечи, она прошла к столу и подняла огромный нож.

Я нервно оглянулась на Тоуми. Она была потрясенной, как и я, но когда заметила мой взгляд, она прищурилась, схватила тесак и тонкий нож и пошла туда, где Эми уже начала отрезать мясо от туши.

Я посмотрела на Ки Сана. Он смотрел на меня, не дрогнув. Лицо его было пустым, в глазах не было привычного юмора. Сглотнув, дыша ртом, чтобы не чувствовать запах животного, я подхватила ножи и пошла помогать.

Так мы провели весь день, ведь Ки Сан сказал с усмешкой, что мы освобождены от уроков, словно это было радостью. Он делал завтрак и обед, посвистывая и напевая.

Чему бы ни учила Миэко женщин в главном зале, они смеялись, и это ухудшало настроение на кухне. Мы разделявали огромную тушу, осторожно отрезая и раскладывая куски для жарки, очищая кости, разделяя на порции. Были у коровы съедобными и немислимые части, мы резали их кубиками и заворачивали в листья, а Ки Сан, тем временем, резал овощи и мыл рис для ужина. Мы были в крови, запах на кухне был отвратительным, но все гордились, когда закончили эту работу.

— Молодцы! — крикнул он, мы получили порцию рисового вина с ужином, когда все поели.

Я наслаждалась ужином. Но не ела мясо. Не могла.

После дня с разделкой коровы мы вернулись к привычному расписанию. Мы убрали на кухне, Майи, что не заходила сюда при нас, заглянула в дверь и сообщила, что нас впервые будет учить Миэко-сан.

Она ушла, а Ки Сан спросил, проходила ли Майи на кухню перед тем, как заговорить. Тоуми прорычала, что та не заходила, и стало ясно, что никто в здравом уме не вошел бы к Ки Сану. Повар кивнул и пробормотал:

— Хорошо, потому что я сказал ей, что если она зайдет сюда, я ее зарежу.

Было всегда сложно понять, шутит он или нет. У меня никогда не получалось это.

И все же я была рада словам Майи. Я надеялась, что нас будет учить Миэко, но не потому, что она была доброй и милой, а потому, что все здесь уважали ее. Даже самые наглые утихали, когда она говорила.

Мы закончили уборку и приготовили кухню к обеду, шепчась:

— Наверное, будем учить китайский для поэзии, — сказала Эми.

Тоуми фыркнула.

— Хочу, чтобы она учила нас обращению с ножами.

Я вспомнила, как Миэко спокойно вытирала лезвие, а тела двух врагов лежали в крови рядом с ней. И спокойно вернула лезвие в ножны.

Фуудори отвела нас не в чайный домик, где проходили утренние задания, а в конюшни. Мы вошли в низкое здание и увидели, что центр был очищен, а загоны с одной стороны убрали, оставив просторное место, покрытое татами. Масугу-сан забрал своего коня для утренней прогулки, оставшиеся загоны были пустыми, запасные седла и остальные вещи были отодвинуты, горел небольшой костер, согревая комнату. Миэко в красно-белой форме мико сидела на коленях в центре комнаты, склонив голову, выглядя мирно, как в то ужасное утро в гостинице.

Все обитатели Полной Луны сидели на коленях вокруг нее, кроме Масугу-сана, Ки Сана и самой леди Чийомэ конечно. Шутка Тоуми всплыла в голове. Я ощутила тревогу предвкушения. Миэко будет учить нас тому, как она защитилась от тех двух солдат? Учить использовать ножи не так, как на кухне у Ки Сана?

«Не навреди, Мурасаки, — услышала я голос Ото-сана. — Вред приносит лишь вред. Без борьбы, без обвинений», — я старалась выгнать из головы изображение милой Миэко, вытирающей кровь с лезвия, напоминая самурая с катаной.

Но частичка меня не хотела думать о словах отца, что наши действия влияют на нашу жизнь и на всех вокруг.

Опустившись на солому с остальными, я дрожала, опустив голову, ожидая, когда Миэко заговорит.

После долгой паузы она обратилась к нам тихим мелодичным голосом:

— Многие из вас уже проходили этот урок. Наши трое новеньких и юный брат — еще нет, и нам повезло, что это так, ведь есть искусство, в котором мы всегда новички, и изучение вместе с новенькими поможет нам стать лучше. Я начну с самого начала.

Без лишних слов Миэко плавно встала, и это движение всегда меня поражало, казалось, что земля опускается, ведь она поднималась без усилий. Она поставила ноги на ширине плеч и, не глядя, нагнулась и подняла красную юбку, зацепив ее за пояс, как делали бабушки в деревне, когда шли собирать рис.

Остальные женщины, как и мужчины, тоже встали, но не так плавно, как Миэко, но почти все беззвучно.

Тоуми рядом со мной уже была на ногах, мы с Эми присоединились к ней. Нам не нужно было возиться с одеждой, так что мы заняли мужскую стойку одновременно с остальными женщинами.

Миэко посмотрела на меня — на нас — и улыбнулась. Улыбка была очень печальной, но наполнила меня радостью. Ведь она улыбнулась мне. Нам.

Ее руки медленно поднялись, словно она держала перед животом мяч, и так же медленно она склонилась на одну ногу, поднимая руки над головой.

— Два поля, — прошептала она.

Все повторяли ее действия, мы с Эми тоже старались. Тоуми поспешила и заняла стойку Миэко раньше нас, я видела улыбку на ее губах, и я была уверена, что и сама себя так вела бы на ее месте, но эта улыбка меня не радовала.

Когда мы догнали ее, Миэко замерла на миг, а потом переместилась на другую ногу, шагнув ей в сторону и вытянув невидимый шар над головой.

— Бутон бамбука.

Мы повторили за ней, поднимая невидимый шар над головами.

Миэко шагнула к нам, подняла другую ногу и опустила ее и руки.

— Ключ к Небесам.

Мы повторяли, и Тоуми снова сделала быстрее нас. Ее ухмылка вскоре перестала меня тревожить. Стало ясно, что дело было не в скорости движений, ведь чем сильнее спешила Тоуми, тем медленнее становилась Миэко, перетекая из одного движения в другое, и нельзя было понять, где кончалось одно движение и начиналось другое.

И мои мысли были поглощены. Времени между движениями было немного, и хотя они были медленными и плавными, и в них не было смысла, я не успевала думать о Тоуми вообще.

Танец. Это был танец. Мы учили другие танцы здесь, и я их узнавала, и мы использовали их при изучении церемоний и песен. Этот танец был медленным, я такого никогда не видела.

Я была потрясена, ведь это и не было танцем, и после какого-то времени повторений медленных движений руками и ногами мне начало казаться, что я знаю движения, словно могла предсказать их. Миэко вела нас к следующим взмахам руками, шагам и взмахам ногами.

Урок продолжался, и я поняла, что хотя Тоуми спешила, я всегда предсказывала движение, что начинала показывать Миэко, и доходила я до конца раньше Тоуми.

Я привыкла к этому танцу? Мне казалось, что я помнила его из другой жизни, он напоминал и об отце, успокаивая.

Мы двигались, и я вспомнила голоса в лесу. Масугу-сан? А чей другой голос?

Миэко вернулась к первой стойке — Два поля — ноги на ширине плеч, руки перед животом.

— Еще раз, — сказала она и повела нас обратно по рисунку движений, что были мне удобными, как шаги и лазание по дереву.

* * *

Она восемь раз повторила с нами движения, и через какое-то время Эми и Тоуми начали двигаться с нами, а не ожидать движения. В конце Миэко замерла в изначальной стойке, но не сказала продолжать, а встала ровно с руками перед бедрами и поклонилась. Мы поклонились ей, словно были ее зеркалом. Это чувство пугало — двадцать человек двигалось как одно целое. Мы выпрямились.

Было слышно лишь треск хвороста в огне.

Миэко безмолвно ушла, а с ней и Братишки. За ними плелся Аимару.

Остальные вернули конюшне обычный вид. Мы закончили, и приехал Масугу-сан, его конь была в поту и грязи. Глаза его сияли, как не было уже несколько недель.

* * *

Как только мы вышли из конюшни, Тоуми прорычала:

— Что за бред это был?

Маи и Шино оттащили ее в сторону и зашептали, стараясь, чтобы старшие не услышали их, а тем было все равно. Одна из куноичи с мрачным видом цокнула языком и повернулась к главному залу. Выглядела как побитая собака, Тоуми побежала на свое нелюбимое место в Полной Луне, на кухне.

— Ну, — прошептала Эми, пока мы шли за Тоуми, — думаю, она могла бы спросить вежливее, но и я была растеряна. Ты знала движения. Ты знаешь, что это?

Я покачала головой.

— Не знаю, откуда я знала этот танец, или что это было. Просто... я понимала, что она от нас хотела.

Эми остановилась и посмотрела на меня, хмурясь. Конечно, Эми всегда хмурилась, так что было сложно понять, о чем она думала.

— Ты этого никогда не видела.

— Нет. Я так не думаю.

Эми кивнула, но пока мы шли к Ки Сану, она продолжала хмуриться.

22

Суп из перьев

На следующий день после обеда мы с Эми уносили остатки курицы в яму с мусором, когда услышали за нашим общезитием шипение. Мы моргнули, переглянулись, едва думая после долгих часов разделки птиц.

— Эми! Мурасаки! — голос принадлежал Аимару, он шептал как можно громче.

Переглянувшись снова, мы с Эми огляделись. Снега не было уже неделю, но в горах было очень холодно, все были в помещениях, позакрывали ставни. Я пошла к Аимару.

Наш друг был в куче одежды, так что едва мог согнуть руку, чтобы махнуть нам.

— Ты выглядишь глупо, — сказала Эми, но почти не хмурилась. Он напоминал тряпичную куклу.

— Очень смешно, — сказал он, мы с Эми тихо засмеялись, но не могли прикрыть руками рты, ведь держали корзины, полные костей, перьев, внутренностей и клювов. — Эй, я ждал вас вечность, а тут холодно!

Мы снова рассмеялись. Это было плохо с нашей стороны, но после всех странностей смеяться было приятно.

— Прости, Аимару-сан, — сказала я со смешком и низко поклонилась, но так, чтобы не рассыпать мусор.

— Ладно-ладно! Я давно хочу поговорить с вами! Но если вам так весело, то мне не о чем с вами говорить, — проворчал Аимару, и я постаралась взять себя в руки. Эми пришлось для этого прикусить щеки. Он посмотрел на наши корзинки. — Что вы делаете?

— Ну, — проворчала я, — мы разделали тушки милых куриц, чтобы у вас был ужин, а теперь несем то, что Ки Сан посчитал несъедобным, в мусорную яму.

Аимару нахмурился, и это ему не подходило.

— Хочешь суп из перьев, Аимару? — спросила Эми. — Уверена, мы с Мурасаки можем сделать его для тебя.

Он фыркнул, уже не хмурясь.

— Не сейчас, спасибо.

Эми усмехнулась, так мне показалось, и сказала:

— Стыдно. Но я буду ждать, когда ты начнешь есть все.

Вздыхнув, Аимару сказал:

— Скоро начну. Братишки так меня тренируют и заставляют работать, что я готов обедать еще до рассвета.

— Что ты делаешь? — спросила я.

— О, работаю с копьём, делаю себя сильнее. Это скучно.

Я рассмеялась.

— Правда?

Он пожал плечами, у него едва получилось в этой одежде.

— Мы часами медитируем, как было в монастыре. Они брали меня на осмотры.

— Осмотры? — спросила я.

— Да, Братишки управляют хозяйством, так что проверяют, в порядке ли фермеры, собирают... — Аимару вдруг стал задумчивым, сдвинул брови.

— Какие люди в деревне? — я и думать не могла о мире снаружи, кроме карты с камешками и булавками, и было странно думать, что ниже в долине есть фермеры и писцы, и они живут, как жила моя семья в тени замка Имагавы. — Что они думают о леди Чийомэ?

— Хорошо. С уважением, — он смотрел на перья и кишки в наших корзинах.

— Все еще хочешь суп? — спросила Эми. Она протянула ему корзину, чтобы он понюхал.

— Нет, — сказал Аимару без ухмылки. — Нет, я думаю. Вы разделяли куриц?

— Да, — сказала я. — Мы же говорили. И свиней. И корову. Это было ужасно.

— Да, — сказал он, но я не знала, с чем именно он согласился. — Но фермеры обычно отдают нам разделанных животных. И я не понимал, почему они перестали это делать.

— Ну, — я пожалала плечами, — может, были бури?

— Это делают в помещении, — прошептала Эми, — и не на холоде. Думаю, просто они хотят, чтобы мясо отделяли от костей и остального незадолго до приготовления.

— Может, — сказала я, но знала, что они правы. — Может, дело в Ки Сане?

— Может, — ответила Эми, сморщив носик.

После мига тишины, в который мы смотрели на тошнотворное содержимое корзин, я спросила:

— Почему им важно, чтобы мы умели разделять?

Снова миг тишины.

— Может, хотят сделать нас поварами, — сказала Эми и закусила губу.

Аимару покачал головой.

— Мурасаки, Чийомэ-сама говорила, что хочет, чтоб ты была... как там? Ку...?

— Куноичи.

— Да. Такие здесь старшие девушки?

— Да, — ровно сказала Эми.

— Ох, — он потер руками тело, чтобы согреться.

Молчание затянулось. Я пыталась представить, как Миэко-сан режет куриц, но не могла.

— Было приятно увидеть тебя на уроке танца вчера утром, — сказала Эми.

Аимару кивнул.

— Потому я и хотел поговорить. Я подумал, что мы просто очистим конюшню. Я не знал, что мы будем с вами...

Эми усмехнулась, и было почти радостно видеть, что выражения ее лица стали привычными.

— Ты не знаешь, зачем был этот урок?

— Нет! — ответил он с большими глазами. — Вас этому учат?

Мы покачали головами. Эми пробормотала:

— О, нет. Нас учат играть плохую музыку и наливать холодный чай.

— Звучит... интересно, — сказал он растерянно.

Я рассмеялась.

— Едва. Все не так плохо, как говорит Эми. Это лучше разделки куриц и коров.

Аимару наградил нас улыбкой.

— Понимаю. Хотя на кухне вам тепло!

Мы с Эми тоже улыбнулись, но она дрожала, я тоже ощущала холод.

И я вздохнула:

— Нам нужно идти. Мизутаки на ужин сам не приготовится, знаешь ли! — сказала я, пытаюсь изобразить Ки Сана.

Это помогло. Они расхохотались.

Мы с Эми пошли к воротам к мусорной яме, а Аимару пошел на замерзших ногах к конюшне. Мы прошли лишь пару шагов, а Эми издала странный смешок:

— Смотри! — она смотрела на снег, где мы стояли. — Это иероглиф козла! — рассмеялась она.

На белом слежавшемся снеге кровь из одной корзинки образовала рисунок, похожий на иероглиф. Но я могла видеть лишь кровь.

* * *

Опустошив корзинки, мы с Эми пошли обратно, когда услышали шум.

— Что это? — насторожилась Эми.

Я прислушалась, но был лишь звук ветра в лесу.

— Конь? Вроде... — я подумала об услышанных голосах, когда я лазала по дубам. Масугу? И... Миэко?

— Эми-чан! Рисуко-чан! Вам нельзя было говорить с тем мальчиком! — Фуюдори появилась из ниоткуда у ворот. Ее белые волосы сливались с падающим снегом, щеки пылали.

— Да, Фуюдори-семпай! Простите, Фуюдори-семпай! — пролепетали мы с Эми, спеша пройти через ворота.

* * *

Позже ночью, когда Тоуми, Май и Шино уже храпели нестройным хором, мы с Эми тихо шептались об уроках Миэко и про вопросы Аимару насчет работы на кухне.

— Думаешь, они успели поговорить? — прошептала Эми, задумчиво глядя на тонкую дверь комнаты Фуюдори.

— Не представляю, — ответила я. Подавив зевок, я прошептала. — Спроси у Аимару.

Ее глаза стали круглыми, она снова посмотрела на дверь.

— Нам нельзя говорить с мальчиками, — громко ответила она. А потом отвернулась. — Спокойной ночи, Мурасаки, — и она уснула до того, как я договорила.

Я попыталась последовать ее примеру, но вспомнила звук, что мы слышали снаружи. Был ли это конь? Был ли это Иназума, конь Масугу-сана? Я уснула с картинкой черных волос и белого снега в голове.

23

Маки зимой

Эми спала не так хорошо, как обычно. Когда мы пришли на кухню следующим утром, Ки Сан посмотрел на нее и скривился:

— Улыбчивая, тебя словно демоны преследовали.

Эми нахмурилась еще сильнее, ее шея порозовела.

— Я... не могла уснуть.

— А ты чего, Соколик? — спросил повар у Тоуми, прислонившейся к столу.

— Живот болит, — пробормотала Тоуми, хотя я не знала, как работа прошлого дня могла к такому привести: там были только курицы, а не свиньи или корова.

Ки Сан хмыкнул и указал тесаком на меня.

— Хоть Яркоголая выпалась. Но я не хочу, чтобы вы порезали себе пальцы из-за самочувствия, так что начнем с того, чему я хотел научить вас позже.

Он ловко закончил с карпом, вытер тонкий нож и осторожно положил на стол, а потом прошел к балке, где висели травы, сухие и высушающие. Он провел пальцами по ним, а потом посмотрел на нас и скрестил руки.

— В Корее мы называем это ханьяк. Лекарства. Растения, как вы знаете, делают нашу еду вкуснее — базилик, имбирь, чеснок и перец. Но они способны на большее.

Он указал наверх.

— Женьшень, полынь, хохлатки, — он показывал на другие растения. Листья. Ягоды. Корешки. Сушеные грибы. — Травы. Знаете о пяти элементах? Двух силах?

Мы кивнули, но я не знала, уверены ли остальные в этом так сильно, как я.

— Да. Вы знаете, что мы осторожно сочетаем вкусы и цвета в блюдах? Горький, кислый, сладкий, острый, соленый? Зеленый, красный, желтый, белый, коричневый?

Мы кивнули увереннее, он неделями нам это рассказывал. И на ужин вчера был зеленый лук, красная форель, желтая тыква, белый дайкон и коричневые грибы. Конечно, Ки Сан считал, как и говорил при приготовлении, что у японцев еда была слишком сладкой и коричневой.

— Дело не только в виде и вкусе. Все мы из пяти элементов — огонь, дерево, земля, металл и вода. Каждый сочетается с цветом и вкусом, дерево — зеленое и кислое, огонь — красный и острый, и так далее. И у каждого

элемента есть темная и светлая сторона, горячая и холодная. Женская и мужская.

Я вспомнила похожие слова Ото-сана, когда он рисовал цветы сакуры, что росла у нашего дома.

— Инь и ян, — сказала Эми.

— Точно. Это их китайские имена. Все мы сделаны из этого, как хороший суп, где сбалансирован бульон с мясом. Нам нужно равновесие. И нам нужно есть в равновесии кислое, горькое, сладкое, острое и соленое. Зеленое, красное, желтое, белое и коричневое.

Мы кивнули.

— И, — продолжал он, — у этих растений есть сила менять равновесие, — он посмотрел на травы, указал на известные нам листья базилика в большом пучке. — Базилик — сладкий, зеленый и пахучий, он добавляет тепла и связан с землей. И если вы простудились, если замерзли, он поможет. Но если в вас уже слишком много жара и земли, то базилик только все испортит, ясно?

Мы кивнули снова, было интересно даже Тоуми.

— Разным частям вашего тела нужны разные элементы, где-то больше инь или больше ян. Каждая трава влияет на разные части вашего тела. И люди — это то, что они едят. И хороший повар похож на целителя, он должен давать людям то, что им нужно, — он скрестил руки и оскалился так, что я поняла, сейчас он скажет что-то важное. — Каждая из этих трав может сделать тело здоровым, если использовать одним способом, или сделать все хуже, если другим. Испортить все. Или хуже.

Тоуми фыркнула. Ки Сан оскалился сильнее, она рывкнула:

— Говорите! Хотите сказать, что базилик может быть ядом?

Повар посмеялся, но глаза были серьезными.

— Нужно очень много базилика, чтобы телу стало плохо. Но суть ты уловила. Если дать много базилика беременевшей женщине, она потеряет ребенка, потому ей нужно думать, хочет ли она ребенка.

Тоуми оскалилась, скрестив руки, как он. Но промолчала.

— И, — сказал Ки Сан, — травы. Улыбчивая, узнаешь эту травку? — он указал на сухие цветы, что напоминали ракушки, что мы с Усако пытались собрать как-то раз на пляже. Тонкие серые ракушки рассыпались в ее руках, хоть она и была осторожна, и она плакала. Думая о ее слезах и глядя на сухие цветы, я погрузилась в раздумья...

Эми стала еще мрачнее и покачала головой.

— Кто-то другой?

Я склонила голову.

— Это... мак?

Ки Сан вскинул бровь.

— Откуда ты это знаешь, Белочка?

Я вспомнила, как рука сестры треснула, как пруттик, когда она упала, пытаясь догнать меня на дереве. Я поежилась. Ее крики.

— Они растут на холме ниже замка в нашей деревне. Мы собирали травы каждую весне. Мама брала семена для выпечки, а сок добавляла в чай, когда нам было плохо.

Он улыбнулся.

— Именно. Это помогает от сильной боли. И от бессонницы у девочек.

Эми кашлянула.

— Разве сок мака... не опасен?

Ки Сан кивнул.

— Ага. Я же говорил — трава может быть спасением и отравой, зависит от ее количества и времени использования. Лейтенант ненавидит сок мака, считая, что это пища демонов. Но это лучшее лекарство от боли и бессонницы, особенно для девушек в... определенное время. Замедляет биение сердца. Кишечник. Все. Дает телу сны... — он содрогнулся. — Сушеные коробочки тут для семян и чая, но я выжимаю сок, когда они зеленые, и такой он сильнее. Он всегда у меня наготове, — он указал одну из глиняных бутылочек в ряду. — Чай с листиком мяты и каплей этого сока, и вы будете мирно спать. Будете спать так крепко, как медведь зимой. Но и просыпаться будет сложно.

Даже Эми улыбнулась.

— А зачем мята?

— Хороша для кишечника. А вообще? Улучшает вкус, — Ки Сан подмигнул, Эми впервые за несколько дней рассмеялась. — Но перебор мяты заставит тело ужасно страдать. Может убить. Частый прием сделает вас одержимыми демоном, заберет душу, и останется лишь тело, что засохнет, как листья риса осенью. Убьет во сне. Убьет медленно, и эта смерть не лучшая.

Мы слушали, широко раскрыв глаза.

— Я заварю тебе немного, если станет хуже, Улыбчивая, но пока что... — он указал на сеть, что висела рядом с маками. — Знаешь, что это, Яркоголая? — я не ответила, он посмотрел на остальных, но они покачали головами. Он снял сетку и показал кусочки размером с ноготь: они были в форме пуговицы, золотисто-коричневые, и я видела, что мама покупала такие у травника, когда он приходил летом. — Это вам всем еще пригодится. Корешок хохлатки. Усыпляет тело и забирает боль, хоть и не так хорошо, как сок мака, но этот сон не будет таким опасным. Это любимая травка старших девочек, если понимаете меня. Порой она помогает уснуть и леди.

— Правда? — удивилась Эми. Я тоже была удивлена, ведь и не думала, спит ли леди Чийомэ. Принятие лекарства для сна казалось... человечески.

— Ага, — отозвался Ки Сан. И улыбнулся снова. — Но я не хочу, чтобы вы приходили сюда с ножами, когда вам не спится, так что покажу, как заварить из травок хороший чай, — он высыпал хохлатки обратно в сетку, — и этот чай помогает даже такому старику, как я.

* * *

Позже мы пошли в конюшни на урок Миэко-сан.

Когда мы пришли, женщины передвигали вещи с пути. Одна из них рявкнула:

— Эй! Где все покрывала?

— Покрывала? — спросила Тоуми.

— Да. Обычно мы отодвигаем покрывала под седла, но их нет.

Фуюдори указала на дальнюю стену и бодро ответила:

— Вон они! Уже вдали. Наверное, Масугу-сан отодвинул их.

Эми пробормотала едва слышно:

— Или это снова наш дух-лис.

Я не успела понять, о чем она, а Миэко беззвучно встала и повела нас по своему загадочному танцу. И снова у меня было странное чувство, что я знала движения. Может, я танцевала так в детстве. Может, мне это лишь казалось.

Теперь все знали движения, и я хотела ускориться, но плавные движения Миэко-сан заставляли следовать за ней.

Руки. Руки казались... пустыми.

А воздух был полон металлического запаха снега.

* * *

Ночью наступила настоящая зима. Буря превратила весь мир в большой белый холст и не отпускала.

После нескольких дней снега все стали раздражительными. Мы выходили наружу, только чтобы пробежать от здания к зданию.

В столовой женщины стали тише, а потом начали ворчать, хотя не так громко, ведь не хотели, чтобы леди Чийомэ их слышала.

— Так не может продолжаться, — сказала она, уткнувшись в тарелку с супом. — Так мы не сможем выходить наружу вообще.

Широкоплечая куноичи, что пришла незадолго до снежной бури, ответила:

— Поверь, ты ничего не пропускаешь.

Остальные становились мрачнее и мрачнее, и радовались только двое. Первой была леди Чийомэ, заявившая, что долине нужен снег, да и она всегда радовалась, когда плохо было остальным.

Другой была снежноволосая Фуюдори, которая словно была в своей стихии. На уроках она смеялась. А в столовой сидела рядом с Масугу-саном и бесстыдно заигрывала.

Миэко-сан этому не радовалась. Она сердито смотрела в другую сторону — на миску Кунико. На меня. На стену.

Масугу-сан сидел, словно каменная статуя. Он не мог кататься на коне. Он всегда был хмурым, если не мог покататься верхом.

24

Посетители

Снег не утихал днями. Каждое утро нам с Эми и Тоуми приходилось разбивать лед на колодце, чтобы добыть воды для купален. Завалы снега становились все выше, Эми отметила, что можно использовать этот снег во дворе. Это не было проще, но нам нужно было очищать и дорогу к колодцу, так что мы убирали снег вокруг купален и расчищали так дорогу на кухню.

Мы не говорили об этом, но оставались в купальнях все дольше и дольше, греясь тепле воды и огней. Из-за холода разогревать купальни с каждым днем становилось все сложнее. Мы убегали в тепло кухни Ки Сана потом, и это немного радовало.

Ки Сан продолжал рассказывать о травах. Каждую ночь после уборки в купальнях Эми шла на кухню за чаем из хохлатки, оставленным ей поваром. Он готовил такой и для леди Чийомэ, так что сделать еще чашку для него не было проблемой, если это поможет Эми прийти утром с улыбкой. Думаю, он так шутил.

Чай помогал Эми спать. Порой казалось, что на следующий день она не просыпалась до конца.

* * *

После пяти дней буря утихла. Эми, Тоуми и я были этим утром в чайном домике со старшими девочками, писали одно из поучений Будды. Даже когда мы грели чернильные камни на огоньке, приходилось долго смешивать чернила с водой, и они все равно оставались густыми, как мед, с комками, оставляли кляксы на бумаге. Май смеялась, когда Эми попыталась написать иероглиф «просвещение», а вышло, как сказала Май, похожим на детский рисунок «коровьей лепешки».

Вдруг стены чайного домика засияли, и впервые за много дней показалось солнце. Мы поспешили к двери, хотя тучи еще были на небе, и было все еще холодно.

— Идите! — сказала учительница, вздохнув. — Хочу почитать, что еще тут Будда оставил.

Мы смотрели на небо, что стало синим, как летом.

— Эй, Рисуко, — рассмеялась Шино, — ты ведь лазаешь? Сможешь залезть на высокое дерево и посмотреть, остался ли на месте остальной мир? — она указала на большую тсугу, что росла у главного зала.

— Нет! — вскрикнула Эми. — Дерево покрыто льдом! Это опасно.

— Ну, — оскалилась Май, — значит, она все-таки не умеет лазать.

Я не хотела слушать дальше, было радостно избавиться от всех них хоть на миг, так что я прыгнула на ствол большой тсуги. Хотя кора была покрыта льдом, она была шершавой, трещины были безо льда, идеальные для лазания. Я быстро забралась на первые ветки. Взглянув вниз, я радостно увидела их потрясенные лица.

Фуюдори смотрела на меня, и я знала, что она думает о более сложном разе.

— Ну, — ухмылка Май не скрывала ее потрясение, — что видно?

Я посмотрела за стену. Все было белым. Снег не падал, тучи разошлись, и я видела, как ветерок поднимает снежинки с земли. Но все было пустым и белым — горы, долина, небо. словно весь мир стерли, словно ничего, кроме Полной Луны, не существовало.

— Ничего, — сказала я хрипло. — Я ничего не вижу.

— А говорили, что у белок хорошее зрение, — проворчала Май, Шино и Тоуми рассмеялись.

— погоди! — крикнула я, пара темных силуэтов пошла по невидимой тропе. — Всадники!

— Шутишь! — рассмеялась Шино, а Май сказала:

— Невозможно.

Эми нахмурилась и хотела что-то сказать, но Фуюдори опередила ее:

— Наверное, это лейтенант. Он ушел с Аимару-чаном и Братишками утром, чтобы проверить фермы в долине.

— Вряд ли, — отозвалась я. — Там две лошади. И они быстро едут, — даже на белом пейзаже, даже хотя всадники не издавали ни звука, я видела, как разлетался снег, а всадники пригибались.

— Знамена? — крикнула сенсей из домика. Я видела чернильные пятна на ее сжатых пальцах. Мне вдруг стало холодно.

— Эм, их нет. Белые накидки?

Я не договорила, а учитель забила быстро в маленький гонг у входа в домик.

— Оставайся там, Рисуко! — крикнула она и побежала к конюшням.

Женщины вырвались из главного зала и спальни, некоторые были в одеяниях мико, а другие — в легких шганах и накидках.

Двое всадников мчались по горному хребту, они были в половине пути до главных ворот. Я думала, что слышу топот копыт, раскидывающих снег, но это мог быть топот ног женщин или стук моего сердца.

— Что там? — крикнула Миэко.

— Всадники! — прокричала Фуюдори, заламывая руки.

Одна из куноичи выбежала из кладовой с двумя алебардами, одну дала учительнице китайского, и та поймала оружие легко одной рукой.

За двумя всадниками в белом появился третий, его конь был крупнее, он мчался, как черная молния. На его шлеме были рога оленя.

— Масугу-сан! — крикнула я. — Он преследует их!

Первые двое спешили к Полной Луне, пар из ноздрей коней было уже видно. Они хотят перепрыгнуть стену?

Две женщины с копьями оказались вдруг на крышах гостевого домика и конюшни, длинные лезвия мерцали на зимнем солнце.

— Они разделались! — крикнула я, один всадник отправился к восточной стене, а другой поскакал на запад.

— Всадники? — рывкнула леди Чийомэ с порога главного зала.

— Не знаю! — крикнула женщина со стены. — Не вижу знамени!

Я подумала о тех, кто поймал нас с Тоуми тем утром. Враги. Бандиты.

Всадники почти одновременно завернули за углы. Куда они направляются? Лес вокруг Полной Луны был густым и запутанным, а за нами обрывался утес.

Масугу приближался к всаднику на западе, а тот искал путь сквозь непроходимый лес, поворачивал голову в стороны, пока конь мчал вперед.

Я услышала треск под собой. Фуюдори прижала ладонь к бледному лицу.

— Она сорвется! — прокричала Сачи уже без юмора.

Металл звонко встретил металл. За западной стеной я видела, как меч Масугу ударяет о меч незнакомца в белом. Удар мог сбить врага, но тот удержался в седле.

— Что происходит? — вопила Фуюдори.

Я забралась выше, надеясь увидеть лучше, боясь того, что могу увидеть.

Масугу столкнулся всадником. Он развернул жеребца и с катаной бросился на врага.

Я заметила движение слева. Другой всадник появился из-за угла и мчался на спину Масугу.

— Масугу-сан! — завизжала я. — Сзади!

Я посмотрела на лейтенанта, а его противник упал с седла, кровь дождем падала на снег. Масугу развернулся и скинул меч в крови.

Длинная черная стрела вдруг пронзила горло всадника, и он отлетел с потрясенным видом.

Широгава. Мужчина, что подвесил нас с Тоуми, как свиней.

Масугу развернул жеребца, посмотрел на меня, а потом на стену Полной Луны.

Мы увидели фигуру, стоявшую на крыше склада, держащую лук, что был выше нее. Фигура склонилась, словно следила за полетом стрелы. Это была Миэко, лицо ее было спокойным.

* * *

Я спустилась, и женщины тоже слезли с крыш. Я видела, что они использовали резные украшения, что были на всех зданиях, как ступеньки, но я понимала, что по таким стенам залезть будет не так просто, как по стене главного зала. Так обитатели Мочизуки могли защищать стены, хотя не достали бы отсюда в дальний край. Впрочем, враг и не напал бы со стороны обрыва, как и не пришел бы из лесу. Я не представляла, что старый лорд Мочизуки хотел, чтобы стены охраняли девушки в одеянии жриц.

Фуюдори стояла одна под деревом, лицо сливалось с волосами. Тоуми шла за старшими женщинами, жадно глядя на длинные алебарды в руках куноичи.

Эми смотрела на врата, прикусив губу.

— Уверена, с Аимару и Братишками все в порядке, — прошептала я.

Она покачала головой, но я не успела задать вопрос, леди Чийомэ завопила с порога главного зала:

— Не стойте столбом! Открывайте ворота!

Миэко промчалась мимо госпожи, двигаясь быстрее, чем я ее видела до этого, и остальные преследовали ее. Мы ввосьмером сделали то, что Братишки делали без усилий, но мы смогли открыть ворота так, чтобы лейтенант Масугу провел коня через красную арку тории.

— Масугу-сан! — крикнула я, Фуюдори кричала со мной.

Лейтенант снял шлем, лицо его было мрачным.

— Кто они? Как вы нашли их? Почему они здесь? — продолжила Фуюдори, ее голос был пронзительным. — Вы в порядке?

— Враги, — сказала леди Чийомэ, отодвигая Фуюдори.

Масугу покачал головой, тряхнул плечами, и его броня зашевелилась, как обломки льда на реке.

— Нет. Те же перья в и стрелах, но нет меток на броне или конях. И у врага не серые кони, а каштановые. Хотя серых сложнее увидеть на снегу, это да, — он пожал плечами и осмотрел женщин вокруг себя. Он снова тряхнул головой. — В деревне говорят, что вокруг шастают чужаки. Мы заметили их у подножия холма. Я не нашел им причины быть здесь, так что окликнул. И они бросились наутек, и я понял, что добра не будет. Я помчался за ними... — он раскинул руки, отмечая, что все знают, чем это кончилось.

— Вы хорошо сражались, Масугу-сан, — сказала я. Но сказала тихо, ведь не собиралась произносить этого вслух. Он услышал.

Он мрачно улыбнулся.

— Это не бой. Мой конь больше, броня у меня тяжелее. И ты следила за моей спиной. Спасибо за предупреждение, Мурасаки-сан.

Жар прилил к моему лицу, я пробормотала:

— Пожалуйста.

Его улыбка стала теплее, он повернулся к Миэко, сжимавшей лук.

— Отличный выстрел, Миэко-сан.

— Да, — ответила она.

После ее заявления воцарилось молчание. Масугу повернулся и хлопнул своего коня.

— Нужно вернуть Иназуму в стойло и почистить, да, мальчик? Давно он так не бегал.

Женщины расступились, пропуская его к конюшням, и казалось, что он примчался с прогулки, а не после сражения на смерть. А он ведь только что убил.

Мысленно я еще видела брызги крови первого всадника. Голос в моей голове заявил, что иначе они убили бы его. Голос напоминал леди Чийомэ. И кто его предупредил, в конце концов?

— Хватит пялиться на красивого солдата с красивым конем, — раздался голос Чийомэ-сама. — Ки Сан и Братишки уберут бандитов позже. А пока закройте...

— Чийомэ-сама, — сказала Эми, указывая на открытые ворота, — простите скромную служанку за вмешательство, но Братишки и Аимару идут.

Мы смотрели на белый ослепительный пейзаж, где три фигуры пересекали холм. Точнее, две фигуры и еще один, напоминающий идущую стену.

— Что, во имя богов, они несут? — фыркнула Тоуми.

25

Устроиться на ночлег

Даже издалека я видела, что их щеки покраснелись от холода и долгого пути по склонам. Они не были ранены, и я выдохнула, не заметив, что до этого задерживала дыхание.

Хотя Аимару был ниже остальных, он казался вдвое шире. Они приближались, и мы увидели, что он несет ящички, что висели на шесте, что лежал на его плечах. Клетки. А внутри были птицы — курицы.

— О, — сказала Сачи. — Утренние развлечения не закончились.

Некоторые из старших рассмеялись, напряжение утекало, как вода из пробитой фляги.

Мы ждали их. Аимару посмотрел на куриц, что громко кудахтали, а потом на нас с Эми, словно говоря: «И что теперь?».

Я пожала плечами. Эми опустила голову, хмурясь.

Чийомэ-сама издала смешок.

— С возвращением, джентльмены! Масугу избавился от бандитов, за которыми гнался. А какие новости в долине?

Старший из Братишек кивнул.

— Мы проверили основные фермы в центре долины. Все пережили бурю, хотя несколько животных потеряли.

— Их тела найдутся, когда весной растает снег, — добавил младший Братишка, — но потерь мало.

Старший поджал губы, и младший принялся привычно молчать.

Аимару кашлянул.

— Масугу-сан был там, где долина сужается. Он сказал, что доходили слухи о сражениях там.

Чийомэ-сама проворчала:

— Гарнизону всегда не спокойно.

— Как и всем солдатам, — сказала Миэко. Если бы это был кто-то другой, я посчитала бы это шуткой. Другие рассмеялись, но умолкли, когда Чийомэ-сама уставилась на них.

Старший Братишка сказал:

— Масугу-сану сказали, что гарнизон поймал и убил несколько банд разбойников.

Поджав губы на миг, леди Чийомэ кивнула Братишке, а потом подошла к Аимару.

— Я люблю свежую еду, — сказала она, указывая на куриц в клетках. — Но не ем живых.

— Эм, нет, миледи, — ответил Аимару. — Фермер сказал, что ему сказали не убивать их.

— Сказали? — леди Чийомэ повысила голос, но улыбалась. Аимару, казалось, упадет в обморок. — Странно.

И кто ему так сказал?

Послышались смешки, но в этот раз Чийомэ их не останавливала.

Аимару сглотнул.

— Н-не знаю, госпожа.

Я видела, что Эми все еще хмурится, глядя в землю. Ее губы тихо двигались. Леди Чийомэ издала сухой смешок:

— Думаю, кто-то все же должен их убить. Новички.

— Да, Чийомэ-сама, — сказали мы втроем, даже на уроках музыки у нас так дружно не получалось.

— Избавьте юношу от проблемы и сделайте куриц готовыми для Ки Сана.

— Но...? — вырвалось у меня. После того, как я видела убийство двух мужчин, я не могла трогать куриц.

— Делайте. Сейчас.

— Да, Чийомэ-сама, — сказала я. Эми и Тоуми были моим эхом. Мы подошли к Аимару, он хотел что-то сказать, но я покачала головой. Эми и Тоуми подняли шест с его плеч, и мы пошли к кухне.

— О, нет, — сказала леди Чийомэ. — Ки Сан суеверен, на кухне убивать нельзя. Это он просит делать снаружи. Говорит, духи животных проклинают пищу, и всякие глупости.

Я посмотрела на девочек. Тоуми была мрачной, но не смотрела ни на кого. Ее губы были так сжаты, что побелели.

Эми кивнула и повернулась к леди Чийомэ:

— Нам убить их здесь, госпожа?

— Отличная идея, — сказала Чийомэ. — Отсюда злые духи куриц до кухни не достанут.

— Да, госпожа, — сказала Эми, уголки ее губ опустились.

Я посмотрела на ближайшие клетки под пальцами Эми. Курица смотрела на меня золотыми глазами. Я подумала о крови, что уже видела сегодня. Желудок сжался.

— Делайте, — улыбалась леди Чийомэ. Это не помогало. — Вы еще не убивали куриц?

И мы снова ответили высоким хором:

— Нет, госпожа.

— Тогда, — она усмехнулась, — будет весело.

Вокруг все смеялись, даже посвященные. Вдруг все посмотрели на нас, стоящих посреди заснеженного двора, глядящих неуверенно на десяток куриц в клетках.

Не знаю, как другие, но я не могла отвести взгляда от глаз курицы.

Тоуми фыркнула и отпустила свой край шеста, клетки опустились на землю. Она дернула за засов верхней клетки.

— Тоуми, нет...! — сказала я, но она была слишком быстрой, она открыла дверцу клетки и сунула в нее руку.

Я росла не на улицах города, так что знала, что какими бы быстрыми ни были руки Тоуми, курица сбежит. Она зло клюнула ладонь Тоуми, а когда та отдернула руку, курица вырвалась в воздух в перьях, хлопая крыльями.

Я бросилась на нее, но поймала лишь перья.

Женщины и даже, как мне показалось, Братишки, хохотали, а сбежавшая курица решила воспользоваться шансом и, отчасти летя, отчасти мчась, бросилась к конюшне.

Я побежала за ней, стараясь не думать, что будет, когда я ее поймаю. Эми шагала справа, и сначала я не поняла, что она делает, а потом догадалась, что она мешает птице побежать к открытым воротам или кладовой.

Все вокруг вопили, это звучало как приободрение.

— Не отпускайте ее! Вот коварные эти курицы!

Я хотела залезть на тсугу и спрятаться.

Вместо этого я шла за курицей, нагоняя ее. Стараясь не думать, как Масугу догоняет всадника в белом. Я попробовала схватить ее за хвост, но она уклонилась влево.

— Большой зал, — задыхалась Эми, и я видела, о чем она. Нужно было загнать ее в самое большое здание, и там ей будет сложно сбежать. Мы бежали за курицей по обе стороны от нее.

Курица громко кудахтала, пытаясь убежать от нас, но места у нее оставалось мало — впереди возвышался большой зал, не давая ей улететь в ту сторону, а мы с Эми, как охотничьи псы, мешали ей убежать во двор. Бедная курица. Могла бы ты летать. Безумные глаза смотрели на нас и просили свободы.

Эми попыталась схватить курицу за голову, но так, что ее не клюнули, как Тоуми, но курица расцарапала лапами руки Эми. Птица не успела сбежать, я сняла зимнюю накидку и бросила на птицу, прижалась к ней сверху, чтобы она не сбежала.

Толпа хлопала.

— Молодец, Рисуко! — крикнула одна из женщин, остальные шумели и смеялись.

Я лежала, едва дыша. Птица боролась подо мной, пытаясь выбраться из-под накидки. Я посмотрела на Эми, зализывающую порезы на пальцах. Она не знала, что делать дальше. Подняв сверток и крепко его сжимая, я оглянулась в поисках того, кому его отдать. Курица боролась в руках, голова выглянула из свертка, намереваясь клонуть.

Все улыбались и смеялись, даже мужчины.

Я смотрела на курицу, а та громко и зло кудахтала. В ней могла быть душа кого-то знакомого. Тут вперед вышла Тоуми, схватила голову птицы и выкрутила, шея хрустнула.

Я уронила курицу, ее тельце боролось пару секунд, попыталось выбежать из-под накидки, хотя шея была сломана.

Я пятилась, пока не врезалась в стену большого зала. Я развернулась, и меня стошнило на каменный фундамент.

Я ощутила ладонь на плече. Обернувшись, я увидела Миэко с платком. Я взяла его и вытерла лицо.

Я попыталась отдать ей платок, но она выпрямилась и застыла.

— Все живое умирает, — сказала она. — А живому приходится отбирать жизни.

Я смотрела на нее. Миэко-сан печально улыбнулась и ушла.

* * *

Мы убили остальных птиц и принесли к Ки Сану, который сообщил, что их нужно подготовить к жарке. Мы чистили куриц, мои руки дрожали, меня могло снова стошнить.

Я долго щипала и резала куриц, я уже едва замечала беспорядок и запах. А что это изменит? Другие животные тоже были мертвы.

Но их смерти были далекими. Их сделали другие люди.

А еще те убитые мужчины. Кровь. Потрясенные лица.

Я подняла голову, сглотнув горечь.

Тоуми стояла за столом, к которому прижималась. Ее лицо было белым. Она заметила мой взгляд, стиснула челюсти и продолжила разделять курицу.

Я посмотрела на Эми. Она тоже смотрела. Ее лоб блестел от пота. Она кивнула, и мы продолжили резать мясо на ужин.

Ки Сан сообщил, что «идет к королю», и вышел под падающий снег. Как только дверь закрылась, Тоуми указала наверх.

Я не хотела лезть, но Эми тоже показывала туда, я вздохнула и забралась по выступам. Я полезла к решетке, но тут услышала злой рев и отскочила. Я напряглась, готовая лезть снова.

Рев повторился. Эми и Тоуми смотрели на дверь в зал, их рты были раскрыты.

— Все сюда! СЕЙЧАС! — кричала Чийомэ-сама.

Ей ответил приглушенный голос, но она не слушала.

— ПЛЕВАТЬ! Ведите сюда трех негодяек. Миэко, не медли, зови сюда мальчиков!

Мы застыли, переглядываясь.

— Тебя увидели, Мышь? — прошипела Тоуми.

Я отчаянно покачала головой.

Одна из женщин открыла дверь.

— За мной, — сказала она нам. — Госпожа приказала.

Мы, сглотнув, последовали за ней.

Большой зал изменился. Три длинных стола отодвинули к стене. А там, где обычно сидела леди Чийомэ, стояла битая бамбуковая броня, набитая соломой. Из груди торчали тонкие лезвия.

Чийомэ-сама стояла, сцепив перед собой руки, на ступеньках к своей комнате. Она казалась маленькой тучкой, и я не хотела, чтобы по мне первой она ударила молнией.

Все нервничали, как и я, смотрели в пол, и распущенные волосы закрывали лица.

Порыв холодного ветра сообщил о прибытии Масугу, Аимару и Братишек. Леди Чийомэ рывкнула:

— И.

Она смотрела на толпу, пока не встретилась со мной взглядом.

— И, — повторила она, — кто-то был в моей комнате. Рылся в моих вещах.

Ответом было молчание. Я выдерживала ее взгляд.

— Все виноваты, — продолжила она. — Все. И я сделаю так, чтобы эти джентльмены сделали вашу жизнь невыносимой и очень короткой, — она отвела взгляд от меня. Я снова могла дышать. — Понятно, девочки?

— Да, Чийомэ-сама, — пробормотали мы.

— ЧТО?

— ДА, ЧИЙОМЭ-сама, — прокричали мы хором.

— Вы трое! — крикнула она. — Не стойте там. Готовьте ужин!

Она пошла по ступенькам, а мы поспешили на кухню.

Ки Сан вернулся, он шарил на полках, бормоча на корейском.

Мы потрясенно смотрели, а он что-то прокричал, а потом повернулся к нам с тесаком в руке.

— Вы ведь не крали бутылку сакэ? — он словно шутил. Но он прорычал снова. — Не брали?

Мы покачали головами и, дрожа, продолжили работу. Зачем нам бутылка вина?

26

Лазание по стенам

Повар был в ужасном настроении, потому что пропал один из кувшинов рисового вина. Он ясно сказал, что подозревает нас.

Эми молчала, хотя поглядывала в мою сторону, хмурясь при этом меньше обычного.

Буря бушевала снова, напоминая нападение двух всадников. Опять нападение.

Другие обитатели Полной Луны чувствовали, как и я, давление погоды. Обычно в большом зале было шумно, но теперь говорили только леди Чийомэ и Фуюдори. Леди Чийомэ говорила шутки в мою сторону — что-то о белках, что впадают в спячку зимой, но одна глупая вместо этого лазает по ледяным деревьям.

Смеялась только Фуюдори. Она смогла сесть рядом с Масугу-саном, обычно там был старший Братишка. Она опустила голову на руку, сияющие глаза изучали лицо лейтенанта.

— Конечно, — сказала она, — волк охотится всю зиму, — и рассмеялась снова.

Я не понимала, о чем она, как и, судя по его лицу, Масугу.

Миэко-сан что-то поняла. Она опустила чашку с сакэ, что я только наполнила, расплескав вино на черный лакированный стол и рис для Кунико. А потом встала, ее бледное лицо потемнело. Она дрогнула.

— Хорошего вечера, миледи, — сказала она, поклонившись Чийомэ-сама. — Джентльмены, — она поклонилась Братишкам и Аимару, он был потрясен.

Вспышкой красно-белого шелка она вырвалась из комнаты.

Вытерев разлитое сакэ и подняв тарелку, я посмотрела на леди Чийомэ, а та ухмылялась лейтенанту. Он качал головой, как мокрый пес, а потом встал и поклонился леди Чийомэ:

— Мне тоже пора спать, рано утром ехать на проверку.

И он покинул зал.

Леди Чийомэ издала странные сухой смешок и посмотрела на Фуюдори, а та сияла, словно сделала что-то очень умное. Может, так и было.

Цокнув языком, леди Чийомэ продолжила ужин. Остальные безмолвно следовали ее примеру.

Я забрала едва тронутые тарелки по обе стороны от Чийомэ-сама и унесла на кухню.

Увидев меня с почти полными тарелками, Ки Сан ударил тесаком по столу.

— Что их не устроило?!

— Миэко-сан и Масугу-сан... плохо себя чувствуют, — сказала я. — Рано ушли спать.

— Спать, — оскалилась Тоуми.

— Думаю, они не ладят, — пришла за мной из зала Эми.

— Или наоборот, — пробормотала Тоуми.

Ки Сан вытащил из стола нож, мрачно взглянул на нас и снова ударил стол ножом. Указав на меня, он рявкнул:

— Мусор. Вынеси.

— Хай, Ки Сан-сан, — я схватила корзину и пошла к двери.

— Накидки! — рявкнул он, но я была уже за дверью.

— Я быстро, Ки Сан-сан, — хотелось оказаться вдали ото всех, не думать о том, говорят ли что-то обо мне, смотрят ли на меня или пытаются игнорировать. Ночь была холодной, снег почти не падал, крошечные снежинки сверкали на темном небе, кружили, как мотыльки у факела.

Белки впадают в спячку? Я шла к двери, что вела к мусорной яме. Ха!

Я опустила теплую корзину с костями и жженым рисом на выступ у калитки. Я слышала звон в темноте, но не из главного зала, а со стороны Убежища.

Я не помню, когда решила залезть на стену, чтобы все осмотреть. Это было само по себе. Я оказалась на толстой стене, осторожно шагала между острых шипов из бамбука, пока думала, что могу увидеть, и как оправдаюсь, если меня увидят. Тусклый свет из большого зала виднелся в щелях закрытых дверей и окон, лед и снег на стене от этого слабо сияли. Иначе я бы не видела, куда ступать.

Звук приглушал снег. Голос. Два? Те же, что были в лесу?

Я пошла по стене, осторожно переступая шипы и камни. Снег танцевал на ветру, я не видела уже большой зал, и весь мир был скован снегом, остались лишь стена и я.

Я слышала звук снова, ближе, но все еще впереди меня. Точно два голоса, но слишком приглушенные, чтобы узнать слова или понять, кому они принадлежат. Ветер ударил по лицу, и я шла дальше осторожнее, прощупывая путь руками.

Среди снежинок я разглядела два силуэта: один — крыша Убежища, а впереди — угол стены.

Я замерла. Голоса ведь не снаружи доносились?

— У меня есть сто восемь способов убить тебя, — голос был холоднее воздуха, что щипал мое лицо и руки, он был таким четким, что я чуть не упала со стены.

— Ты убила меня пять лет назад, — сказал печальный голос. — Не думаю, что другие сто семь способов сработают.

Я посмотрела направо: каменная труба Убежища и покрытая деревом крыша были досягаемы; голоса поднимались из домика, как дым. Сердце замерло.

— Прощу, — сказал первый голос, и теперь он напоминал острое лезвие, разбитый лед. — Прощу. Я не хочу...

Миэко. И я поняла еще до ответа другого, что это был Масугу.

— Конечно, нет. Ты делаешь то, что должна. Свой долг. Как и всегда. Как и я.

Я слушала, но ответом была лишь тишина.

* * *

Я, дрожа, вернулась на кухню, и Ки Сан уже надевал зимнюю накидку.

— Где ты была, балда! Я уж решил, что ты превратилась в сосульку в этой буре!

— З-заблудилась в с-снегу, — я опустила пустую корзину. Эми и Тоуми не было, ушли чистить купальни. Я должна была спешить к ним, но огонь был таким теплым, а я так замерзла, что не могла пошевелиться.

— Уйти без накидки! — повар нахмурился и проворчал. — Они уже домывают купальни. Если я правильно посчитал... Думаю, нужно дать Улыбчивой чашку мятно-макового чая. Не стой, а завари его для нее, — он бросил мне полотенце, и я благодарно укуталась в него, а потом пошла к травам.

Я посмотрела на полку рядом со статуэткой Будды, на которой хранились масла. Там, где была маленькая глиняная бутылочка, которую Ки Сан показывал нам, рассказывая о травах, было пусто. На других бутылочках были его отметки: масло хризантем, мяты, клевера, сосны...

— Ки Сан-с-сан, — мои зубы еще стучали. — М-мне срезать н-немного с-сушеных маков? Б-бутылочки с соком нет.

— ЧТО? — взревел он и окзался возле меня. Он покопался в бутылочках и склянках. И выдал поток корейских слов. Он снова посмотрел на полке, а потом и на полу. Наконец, он сердито посмотрел на меня. — Это ты тоже не брала, Яркоголазая?

27

Убийственный танец

Мы приготовили Эми чай из хохлатки вместо мака, ведь тот пропал. Ки Сан ворчал. Но это не помогало.

Я пришла с чаем, а Эми и Тоуми уже закончили мыть купальни и возвращались в комнату. Остальные уже, как обычно, храпели. Фуюдори, конечно, была в своей комнате, и я впервые ей завидовала.

— Твой чай, — я отдала чашку Эми.

Она покачала головой.

— Нет, спасибо. Я так устала, что он мне не понадобится.

подавив недовольство из-за напрасного труда, я повернулась, чтобы отнести его на кухню. Тоуми преградила путь, скрестив руки.

— Где ты была, Мышка-чан? Подглядывала и вздыхала по лейтенанту?

Я не сказала ей, что подслушивала его ссору с Миэко-сенсей. Я повторила то же, что сказала Ки Сану.

— Потерялась в снегопаде, когда выбросила мусор. Ветер меня запутал. А потом пришлось резать хохлатки, потому что кто-то украл маковый сок. Решила запить мак сакэ, Тоуми?

Я надеялась увидеть реакцию, но она растерянно уставилась на меня:

— Зачем мне маковый сок? Я хорошо сплю.

— Кто знает? А теперь прости, но мне нужно вернуть чашку.

Я покинула комнату и увидела тень, что двигалась к главным вратам. Не желая пересекаться с Масугу-саном или Миэко-сенсей, я побежала на кухню. Когда я вернулась в общежитие, Тоуми уже храпела. Я посчитала, что Эми тоже спит, ведь она засыпала так же быстро, как капля воды замерзала на сосулке.

Я повесила одежду рядом с огоньком, греющим комнату. Я дрожала, ведь не приняла горячую ванну и не прогнала холод из тела. Я устроилась на матрасе, зубы стучали, и моим товарищем была лишь тьма.

Я натянула покрывало до носа, но тут услышала голос Эми:

— Мурасаки?

— Да?

— Ты заблудилась? На обратном пути?

— А что не так?

— Обычно ты всегда знаешь, где ты.

— Не всегда, — пробормотала я. Часть меня хотела так все и оставить. — Но... не совсем. Я кое-что подслушала, потому задержалась.

— Задержалась? — она заерзала и повернулась ко мне. — Кто-то был возле Полной Луны. В такую ночь?

— Не совсем. В общем, я услышала и залезла...

— О, это все объясняет, — мы замолчали на миг. — Кто это был.

— Думаю... это был личный разговор, — мне было очень неловко, но я хотела рассказать Эми о том, что услышала. Мне нужно было понять, о чем там говорилось. — Я...

— Ну, — медленно сказала Эми, — можешь не рассказывать, если не хочешь.

— Не в том дело. Я...

Мы еще немного полежали в тишине.

— Думаю, это были лейтенант и Миэко.

Я повернулась к ней, глядя во тьме.

— Как ты поняла?

Со стороны Эми Тоуми пробормотала:

— Честно слово, я не брала редьку!

Мы с Эми захихикали, чего не было уже много дней. Она придвинула матрас ко мне.

— Ты дрожишь, — прошептала она.

— Я не успела искупаться. А снаружи холодно.

— Да, — она придвинулась еще ближе и притянула меня к себе одной рукой, согревая своим теплом.

— Спасибо.

— Пожалуйста, — вздохнула Эми. — Так это были Масугу-сан и Миэко-сан?

— Да. Думаю, они ссорились.

— Они не ладят с момента, как мы прибыли сюда.

Так и было.

— Но он вроде сказал, что она пыталась его убить, — я рассказала ей об услышанном.

— И они замолчали? — спросила Эми, когда я закончила.

— Да. Это странно. Я боялась, что они выйдут и заметит меня, так что пряталась какое-то время, но они не вышли. Они остались в Убежище.

— В Убежище?

— Да.

— Забавное место для ссоры. Забавное место для него.

— И я так подумала, — сказала я, хотя о таком подумать еще не успела.

— Хмм, — сказала Эми, а потом начала посапывать.

* * *

Сон этой ночью был ярким, он, казалось, ждал меня несколько дней.

Отец стоял на снегу с мечом в руках, делал упражнения, как и всегда утром. Взмах, плавный разворот и удар.

— Не навреди, Мурасаки, — сказал он, разрезая воздух и ступая на другую ногу.

— Но Ото-сан!.. — крикнула я.

— Не навреди, — сказал он, танцуя и разрезая воздух. Посыпались снежинки, и он разрезал их. Бой белого и алого...

— Ото-сан, что мне делать? — я плакала, и от слез мерзли щеки.

— Танцуй, — сказал он, лицо его было спокойным, лезвие свистело в воздухе. Кровь на лезвии падала на белый снег, рисуя иероглифы смерти разрушения.

Танец.

Миэко вытирает кровь с ножа, два мертвых солдата лежат на татами перед ней.

Отец танцует, как Миэко, и тело помнит эти шаги и движения, словно само так уже двигалось. С мечом отец двигался со скоростью хищника, Миэко же танцевала, как во сне. И танец был целым. Скрытая цель была ясна. Танец был убийственным.

— Куноичи — особые женщины, — прорычал отец, и голос принадлежал леди Чийомэ.

Я плакала во сне, точно плакала и в кровати, но отец танцевал, и запах крови заполнял мои ноздри, острый и металлический, как запах падающего снега.

28

Битая посуда

Утром я проснулась с запахом крови в носу. Меня тошнило.

Я села, стараясь успокоить желудок, и заметила, что Эми и ее матраса нет. Я подползла к Тоуми, что еще спала, сунув большой палец в рот.

— Где Эми? — прорычала я. — Что ты с ней сделала?

Эми закашлялась и отпрянула от меня, но я не отпустила.

— Что?

— Где Эми? — мои пальцы сами впились в ее воротник.

Она моргала.

— Эми. Что ты с ней сделала?

— Сделала? — она толкалась, но я держала крепко. — Убежище. Ушла в Убежище.

Я опустила руку.

— У... бежище?

Тоуми провела рукой по лицу.

— Месячные. У нее и Май. Начались посреди ночи. Убрали постель и увели в Убежище.

— Убежище? — я села на пятки.

Она толкнула сильнее, и в этот раз я ее отпустила.

— Да! Убежище. Отстань уже.

* * *

Я побаивалась, что Тоуми в отсутствие Эми будет пытаться меня сильнее обычного. Но зря я тревожилась. Она была такой же мрачной, как всегда, если не сильнее, но нас было двое, и работа приходилось делать больше, так что она спешила справиться с купальнями, чтобы уйти на кухню.

Мы начали бросать снег, выпавший прошлой ночью, в ведро. Снег пах металлом, совсем как кровь.

Мы работали — заполнял водой купальни, разжигали огни — и я слышала, как Тоуми ворчит из-за бобового пюре, но она в спешке съедала остатки вчерашнего риса и, если не видел Ки сан, она успевала съесть курицу, которую он не разрешал ей.

Я не могла представить, что буду есть мясо.

Конечно, Ки Сан следил. Всегда.

— Убери клювик! — рявкнул он, когда Тоуми попыталась стащить кусочек мяса, что он подогревал на огне. Он шлепнул ее пальцами по затылку, и она удивленно раскрыла рот, украденная курица упала в огонь. — Тебе нужно бобовое пюре, ты это знаешь. Курица для тебя слишком горячая. Это для Яркогоглазой.

Тоуми пронзила меня взглядом. Это впечатлило бы меня сильнее, если бы я выпалась и не знала, что она уже меня ненавидит.

Мы готовили завтрак, и Ки Сан смотрел на меня, а не на Тоуми. Мы ждали, пока доварится рис, и он сказал:

— Без Улыбчивой вы слишком тихие. Что ты съела, Яркогоглазая, что проглотила язык?

— Ничего, Ки Сан-сан, — ответила я. — Просто... плохой сон.

— О? — он вглядывался в меня темными глазами.

Я бы хотела поговорить с ним — с кем-то — о кошмаре, что тревожил меня, но не была готова. Я просто кивнула.

— Хмм. А ты, Соколик? Воровала кимчи?

— Будто я это ем, — скривилась Тоуми. Она отвернулась и пробормотала. — Будто удалось бы.

— О, ты смогла бы, Соколик. Потому я за тобой и слежу, ясно? — посмеялся Ки Сан, хотя я не видела шуток. — Тоже плохо спала?

— Нет, — процедила Тоуми. — Болит живот.

— Ах! — простонал Ки Сан и шлепнул ладонью по лбу. — Окажи нам с Яркогоглазой услугу и подожди хоть до ужина!

— Подождать? — спросила Тоуми. — Чего?

Но Ки Сан отмахнулся и постучал в гонг, сообщая обитателям Полной Луны, что пора завтракать.

* * *

Все пришли в зал, но многие отсутствовали. Они присоединились к Май и Эми в Убежище.

Я чувствовала любопытство и тревогу за подругу, пока мы с Тоуми разносили еду.

Фуюдори молчала, и это радовала, ведь ее флирт с лейтенантом раздражал почти всех. К счастью, Масугу не было. Может, он уехал утром, как и обещал. Братишки и Аимару отсутствовали, и оставшиеся женщины были мрачными и тихими.

Миэко-сан казалась радостной, улыбалась, и я не видела ее такой с прибытия в Полную Луну. Было ли дело в молчании Фуюдори или отсутствии Масугу, я не знала, но леди Чийомэ тоже это заметила.

— Хватит улыбаться, Миэко, — заявила старушка. — Ты портишь мне аппетит.

— Приношу извинения, госпожа, — склонила голову Миэко. Улыбка исчезла с ее лица, но от этого она казалась только радостнее.

Я понесла пустые тарелки на кухню, а Тоуми вскрикнула, поднос выпал из ее рук на пол. Он стояла, сомкнув колени, выглядя так, что старается не опозориться.

Ближайший к ней стол расхохотался, и я впервые слышала смех в зале за последние дни.

— Идем, — сказала Сачи, вернувшись, как она сказала, с охоты прошлым вечером. — Отведем тебя в Убежище.

— Убежище? — Тоуми произнесла слово таким же потрясенным тоном, как и я утром. Все еще корчась, обхватив руками живот, она не двигалась. Глаза ее стали идеально круглыми, а уши покраснели.

— Да, Убежище. Похоже, бобовое пюре Ки Сан давал тебе не зря. Идем, мне тоже туда надо. Там уже тесно. Нет. Не через кухню. Ки Сан не захочет ее потом отмывать, — хихикала Сачи, схватив Тоуми за локоть и ведя через главные двери.

Месячные. Тоуми тоже их получила. Я осталась одна.

— Поднимите ее поднос, — приказала леди Чийомэ девушкам, что были неподалеку. — Помогите белочке отнести еду, пока вы тоже не ушли.

Все побаивались Чийомэ-сама, потому не мешкали и бросились исполнять приказ.

Я пошла на кухню, чтобы наполнить тарелки, а дверь зала снова открылась. Заснеженная голова Аимару заглянула внутрь.

Он начал уходить, но леди Чийомэ рявкнула:

— Мальчик? Что такое? Зачем ты охлаждаешь нам чай?

— Простите, госпожа, — сказал Аимару, опустив голову. — Я искал лейтенанта. Я закончил готовить его коня, как он и просил, и обычно он приходил к этому времени. Я подумал, что он здесь.

— Спит, наверное, — проворчала леди, недовольно посмотрев почему-то на Миэко, которая пила чай, изображая невинность. — Буди его!

— Да, госпожа, — сказал Аимару и поклонился в едва открытой двери.

— И закрой дверь! — завопила Чийомэ-сама. — Холодно!

Аимару закрыл дверь быстрее, чем ответил.

Ки Сан, которого я почти никогда не видела вне кухни, встретил меня в дверях и обменял пустые тарелки на металлический чайник с горячим чаем.

— Для госпожи, — прошептал он и исчез на кухне.

Я поспешила к главному столу и налила чаю Чийомэ-сама. Та обхватила чашку руками и сказала:

— Оставь чайник, — на лучший ответ я и не надеялась.

Я повернулась к Миэко-сан, что закончила добавочную порцию, и дверь снова открылась.

Леди Чийомэ вдохнула, собираясь кричать из-за холода, но спешно вошли Братишки и закрыли за собой дверь. Их мечи были вытащены из ножен.

Даже леди Чийомэ было нечего сказать.

К ней подошел Братишка поменьше, нависнув над нами с мечом. Я отпрянула, освобождая место, чтобы он мог опуститься перед ней на колени.

— Лейтенанта Масугу отравили, — сказал он.

Его тихий голос накатило на зал, как волна из океана. Все вскочили на ноги.

— Масугу! — закричала Фуюдори и бросилась к двери.

— СТОЯТЬ! — прокричала леди Чийомэ. Приказ мог относиться и к бросившейся к двери Фуюдори, и к одному из Братишек, что направился с мечом останавливать ее. Все замерли.

Чийомэ-сама встала, раскинула руки, а лицо отражало то же потрясение, что я чувствовала. Миэко застыла, как змея перед атакой. Ее лицо было привычной милой маской, но в глазах была яростная решительность, которую я видела раньше у нее в гостинице горы Фудзи.

Госпожа Чийомэ опустила руки, которые дрожали.

— Как его отравили?

Братишка перед ней развернулся и опустился на колени, другой встал в дверях.

— Он без сознания. Пульс очень слабый. А у кровати кувшин сакэ, пахнет соком маков.

— Маков? — рявкнула Миэко-сан, и леди Чийомэ повернулась к ней, лицо искажали потрясение и раздражение, ведь ее безмолвная горничная оказалась разговорчивой. — Он ненавидит этот сок. И не дает использовать солдатам даже при боли. Он бы его не тронул сам.

Леди Чийомэ вскинула дрожащую руку, чтобы все замерли снова.

— Это так?

— Да, госпожа, — ответили Братишки.

Раздался всхлип. Фуюдори стояла, закрыв кулаком рот, слезы текли по ее лицу.

— Прекращай! — прорычала Чийомэ-сама. — Мы поели. Шино. Отведи эту беловолосую дурочку в Убежище. Если у вас еще не началось, то скоро это случится.

— Но...! — всхлипнула Фуюдори.

Леди Чийомэ это надоело.

— ИДИ! ЖИВО!

Фуюдори умолкла, широко раскрыв глаза. Она пошла за обиженной Шино прочь.

— Остальные оставайтесь на местах. Все!

Никто не шевелился.

— А ТЫ КУДА ПОШЛА? — проревела Чийомэ-сама.

Я покраснела от страха, думая, что она кричит на меня. Я не двигалась. Я была испугана тем, что Масугу-сане — кого-то из нас — отравили.

Миэко была готова открыть дверь. Я стояла рядом с местом, где она сидела, но даже не заметила, как она двигалась. Она будто появилась на другом конце зала. Братишки дрогнули, и я поняла, что и они этого не заметили.

Миэко просто и быстро кивнула.

— Скромный слуга предугадал мудрый приказ госпожи.

Леди Чийомэ прищурилась, но промолчала.

Миэко, не выглядя скромной, выпрямилась.

— Я знаю о ядах больше всех в Полной Луне. Я лучше всего подхожу для лечения Такеда-самы.

— Не отводя взгляда от Миэко, Чийомэ пробормотала Братишке, что был перед ней:

— Мальчик там?

— Да, госпожа.

— Иди с ней туда. Мальчика отошли. Проследи, чтобы ничего не случилось.

Братишка коснулся лбом пола.

Чийомэ-сама оперлась на локти, глядя на Миэко.

— Не делай глупостей, девочка.

Миэко поклонилась свободнее и выбежала из двери, Братишка старался не отставать.

«Я знаю о ядах...»

— Рисуко! — крикнула леди Чийомэ.

Ноги несли меня к двери. Я знала, что нельзя оставлять Миэко с Масугу-саном, ведь она уже угрожала его убить. Умереть от яда самурай не мог. Масугу-сан умереть...

Моргнув, я повернулась к госпоже, опустила на колени и поклонилась, коснувшись подноса с грязными тарелками.

— Расскажи Ки Сану о случившемся. Пусть... он поможет в лечении Масугу. Скажешь, что можешь ему помогать, если понадобится.

Вскочив на ноги, я бросилась на кухню, замерла, попыталась повернуться и поклониться, а потом побежать, но споткнулась, поднос и миски полетела в воздух. Несколько разбилось. Я попыталась поднять их, и Чийомэ-сама проревела:

— Брось тарелки, балда. ИДИ! — я выбежала, слыша ее рычание. — Остальные остаются здесь.

29

Обязанность

— Полынь! — прорычал Ки Сан, вытаскивая крошечные пилюли из травы. — Могуса! Старики говорят сжигать такое каждый год, да?

— Да, — сказала я. Руки дрожали. Я надеялась, что Братишки следили за Миэко. — На Новый год. Одна пилюля...

— ...на один год, да, да, — он глубоко вдохнул. — Зажги эти и держи у его пяток, слышишь? Пока не проснется. Вскрой мозоли, если нужно будет. Не останавливайся, пока не проснется.

— Да, Ки Сан.

Он схватил миску маринованного имбиря.

— Помаши этим под ее носом.

— Ее?

— Его! Его носом! — он, казалось, бросит глиняной миской в меня. — Не беси меня, девчушка.

— Да, Ки Сан-сан, — я забрала имбирь и прижала обе травы к животу.

— Иди, — он повернулся к котелку с водой на огне, она закипала. — Я буду, как только приготовлю настой.

— Да, Ки Сан-сан.

— Иди!

И я пошла. Разум не покидал недавний сон об отце, танцующим, как Миэко, и ссора, которую я подслушала, и звук падающих тел солдат Имагавы на татами. Я знала, что Миэко была убийцей. Она казалась милой и грациозной, даже доброй ко мне, но ее учили забирать жизнь. Я не могла отдать ей жизнь Масугу-сана.

Снег перестал идти, тучи расступились, и утро было ясным и очень холодным. Я бежала по покрытому снегом двору, держа имбирь и полынь так нежно, как только могла дрожащими пальцами.

Старший из Братишек стоял у входа в гостевой домик, словно статуя на входе в храм Будды на Сосновом берегу. Его ноги были широко расставлены, а рука лежала на рукояти меча. Хотя выражение его лица было спокойным, смотрел он с яростью.

— Я п-принесла травы для М-масугу-сана, — он не отошел, и я добавила. — От Ки Сана.

Его лицо не смягчилось ни на йоту, но он отошел и отодвинул дверь для меня.

Внутри творился хаос. Ширмы валялись, татами лежали не на местах, посреди пола оказалась ваза. Я начала

поднимать ее, но поняла, что у меня уже полные руки, и что у меня есть задание важнее, чем уборка в комнате лейтенанта.

Другой Братишка стоял у входа в спальню с отвращением на обычно теплом лице. Я услышала стон из другой комнаты и тихое пронзительное ругательство.

— Скрывать все! Я говорила, — рычал высокий голос, и я убедилась, что это могла быть Миэко. — Игры с куноичи приносят лишь боль. Я говорила!

Я хотела броситься на помощь Масугу, но страх приковал ноги к полу.

Лейтенант издал стон, и Миэко прокричала:

— Нужно было выпить все, идиот! — и пропажа — бутылка сакэ — вылетела из дверей и разбилась о стену над головой Братишки. Впервые за все время он дрогнул.

Теперь мои ноги освободились. Я вбежала в комнату, все еще прижимая лекарства к животу, готовая защищать Масугу.

Лейтенант лежал на матрасе, глаза были открыты, но ничего не видели, а лицо блестело от пота. Миэко тоже вспотела, но его лицо было бледным, ее же — необычно красным. Ее волосы, что обычно были уложены, свисали растрепанными прядями. Она напоминала медведя. Злую медведицу.

Она ударила его по плечу с удивительной силой, он застонал. Она зарычала и затрясла его, бормоча:

— Идиот! Все. Ты должен был выпить все прошлой ночью, так? Бака-яро! — Миэко трянула Масугу еще раз, а потом ударила по спине.

Я, видимо, вскрикнула, потому что она подняла голову, увидела меня и нахмурилась.

— Ты.

— Я не дам ему умереть, — пропищала я.

Ее глаза медленно расширились.

— Что у тебя?

Я опустилась на колени напротив нее рядом с Масугу, стараясь показать ей, что буду его защищать.

— Имбирь. И полынь.

— От Ки Сана?

Я кивнула.

— А настой?

— Он делает его. Сказал, нужен свежий женьшень.

Ее глаза сузились.

— Дай имбирь.

Несмотря на мое недоверие, я отдала его. Она открыла крышечку, а я посмотрела на лицо Масугу. Его глаза были теплыми, но не человеческими. И я поняла, что это потому, что у него почти исчезли зрачки.

Она понюхала маринованный имбирь, а потом вытащила кусочек и попробовала. Она кивнула, лицо ее снова стало спокойной маской, к которой я привыкла.

— Мне имбирь, — сказала она. — А ты можешь жечь пилюли у его ног.

— Я... — я прижала обе травы к груди. Не знаю, что я представляла — что она как-то отравит его имбирем? — Я... не умею жечь могусу. Могу его ранить.

— Вряд ли ему будет больнее, чем сейчас, — я не шевельнулась, и она, вздохнув, протянула руку. — Тогда дай мне полынь.

И я дала. Не нашла повода отказать.

Она вытащила длинную соломинку из татами и зажгла от огонька, греющего комнату.

— Если хочешь помочь, разломи имбирь под его носом.

Я послушалась, сжала кусочек между большим пальцем и указательным. Его ноздри дрогнули от аромата, хотя остальное лицо не двигалось.

Горький запах горячей полыни столкнулся со сладким жаром имбиря. Я посмотрела на ноги Масугу, где сидела Миэко с яростной решимостью на лице. Она сейчас напоминала волчицу. В длинных изящных пальцах она держала дымящую пилюлю возле голы пята лейтенанта. Она подняла взгляд.

— Не суй ему в нос. Ему нужно дышать.

Я опустила взгляд и поняла, то отвлеклась и совала имбирь в его ноздрю.

— О, простите. Простите, лейтенант, — я вытащила имбирь и взяла из мисочки свежий кусочек.

Она зажгла еще одну пилюлю могусы и поднесла к ноге Масугу. В этот раз он дернулся.

— Ну, — сказала она, — ты нашла то, что искала?

— Нашла? — начала я, но тут лейтенант застонал, и его туманные глаза сосредоточились на моем лице.

— ...ко? — прошептал он, и его лицо, что было как у мертвеца, озарила улыбка.

— Ко? — спросила я. Он вряд ли называл бы меня по кличке, ведь обращался ко мне, как к Мурасаки.

— ...ко-ко, — лепетал он, пальцы потянулись погладить мою щеку. Они были холодными. Краем глаза я заметила, что Миэко напряглась. — Вы...за...?

— Что? — я растерянно моргнула, он не спал, что было хорошо, но вел себя так....

— Вы...за...! — повторил он, его лицо стало как у ребенка. Пальцы сомкнулись на моем подбородке. Глаза Миэко расширились. Большие слезы катились из глаз Масугу. — Вых... за мя...! Вых... ко-ко!

— Вы...? — я не могла двигаться. — Выйти за вас замуж?

— Он не о тебе, — прошептала Миэко очень тихо. — Он думает, что говорит со мной.

— Убей меня снова, — всхлипнул Масугу. Его глаза закатились, а рука, державшая меня за подбородок, упала, он снова погрузился в сон с открытыми глазами.

Убей меня снова. О чем он?

— Не давай ему потерять сознание! — рявкнула Миэко, но она плакала, слезы вины, несомненно, из-за его слов.

— Ты! — прорычала я, забыв об имбире в руках. — Он бы не захотел жениться на тебе! Он знает, что ты пыталась его убить!

Миэко села на пятки, удивленная моей атакой.

— О чем ты говоришь?

— Он знает, что это ты его отравила, ты... разгромила его комнаты и...!

— Я! — Миэко зло рассмеялась. Она уронила пилюлю, та начинала жечь ее пальцы. Ей пришлось заглушить ее рукавом, чтобы соломенный настил не загорелся. — Он знает, что я бы его не тронула. Ты была той...

— Я слышала его! — я вдруг встала, широко расставив ноги. — Прощлой ночью! В Убежище! Он сказал, что ты пыталась убить его пять лет назад! Я слышала его.

Она уставилась на меня.

— Слышала...? — я ожидала, что она разозлится, но на ее лице появилась печаль. Она покачала головой, зажгла другую пилюлю и поднесла к ногам лейтенанта. — О, Рисуко. Я думала, что уловила чье-то движение снаружи. Этот идиот сказал, что мне показалось, но я знала... Ты все же одна из нас, да? Ты дала ему слишком много мака и устроила бардак в комнатах. Но ты все равно куноичи.

— НЕТ! — прорычала я, содрогаясь от гнева. Если бы у меня был меч... я бы его использовала, несмотря ни на что. Не вредить. — Нет! Я не убийца, как ты! Леди Чийомэ говорила, что куноичи — «особый вид женщин», но все вы такие! Убийцы! Я не могу быть одной из вас. Ни за что!

Миэко не отводила от меня печального взгляда.

— Но ты отравила вино Масугу. Он мог умереть от этого, знаешь ли... И хотя жениться он хочет на мне, ты ему тоже нравишься.

— Отравила? — пролепетала я. — Никогда! Ты...!

— Зачем? — вздохнула Миэко. — Чтобы порываться в его комнатах. Какая трата.

— Это сделала ты, а не я, — мои ладони впились в миску и имбирь. — Я знаю, что это тебя он обвинял в попытках его убить!

— Пять лет назад, — вздохнула Миэко, печаль выливалась слезами, — он попросил меня выйти за него замуж, и я...

— Отказалась, — сказала Чийомэ-сама с порога, — зная свой долг.

Мы с Миэко вскрикнули и обернулись. Госпожа одарила нас привычной усмешкой и прошла к нам. За ней шагал мрачный Ки Сан.

— Поздравляю, Рисуко, — сказала леди Чийомэ. — Ты заслужила пояс посвященной. Вот только им, наверное, придется повесить предательницу.

30

Бой белого и алого

— Я не предательница! — прокричала я, рухнула на колени и поклонилась. Имбирь высыпался на татами. — Это Миэко....!

— Нет, — сказала Чийомэ-сама. — Если бы Миэко поступила так из своих чувств и отравила Масугу, чтобы обыскать его комнаты, она не сделала бы это так неумело, — я удивленно подняла голову. Леди Чийомэ смотрела на Миэко, что кланялась рядом со мной. — И, конечно, если бы она хотела его убить, он бы умер. И никто из нас не был бы свидетелем.

Чийомэ-сама фыркнула и посмотрела на меня.

— Это сделал новичок. Дитя, — она обвела жестом комнату с отвращением. — Никто из моих куноичи не устроил бы такой беспорядок при такой простой работе. Точно не моя Миэко.

Я повернулась, чтобы обвинить ее, но Миэко дальше жгла полынь у пяток Масугу. Ки Сан поднес к губам лейтенанта настой, заставляя его выпить жидкость. Масугу давился ей.

— Рисуко, посмотри на меня, — резкий тон Чийомэ-сама заставил меня обернуться. — Я ходила в Убежище. Фуюдори и Май сказали, что ты поздно пришла прошлой ночью, а они редко соглашаются даже в том, что солнце встало. И теперь я узнала, что ты использовала свои отличные умения, чтобы шпионить за лейтенантом и Миэко.

Я хотела говорить, но страх сковал меня, сжал горло, грудь, ноги. Я пыталась умолять ее глазами, но ее лицо было лишено тепла, и я отвела взгляд. За ней на двери висел свиток.

— Может, — леди Чийомэ говорила ледяным тоном, — ты решила сходить к Масугу, когда его не было в комнате? Может, ты принесла отравленное вино на случай, если он вернется, а ты не закончила? Ки Сан сказал, что учил вас травмам, конечно, он клянется, что у тебя хватило бы ума не использовать сразу всю бутылку макового сока.

На стене была знакомая надпись:

«Быстро падают солдаты

Битва белого и алого

Лепестки на снегу».

Каллиграфия была очень знакомой. Моего отца.

— На кого ты шпионишь? — спросила старушка. — Имагава? Им конец.

Свиток был таким же, как тот, что висел на двери в моем доме, только вместо рисунка вишневых цветов на дне пергамента был ровный круг — полная луна, метка Мочизуки.

Отец. Кисть, которую он держал как нож. Я училась писать и любила смотреть, как он практикует каллиграфию и рисование. Он сидел в нашем дворе, смотрел на голую сакуру, длинный лист рисовой бумаги лежал на низком столике. Я пыталась повторять прекрасные письма и цветы отца кусочком земли. Он писал стихотворение в, казалось, сотый раз, начал рисовать каскад цветов, и я спросила, зачем он рисует вишню осенью. Он задумался на миг, отложил кисть и сказал:

— Лепестки падают лишь раз зимой, но в твоей памяти они падают каждый день.

— БЕЛКА! — рявкнула леди Чийомэ. — На что ты уставилась?

Не посмотрев на нее, хотя я должна была, я указала и выдохнула:

— Откуда у вас стихотворение моего отца?

Леди Чийомэ моргнула и посмотрела на свиток. Она взглянула на меня, и недовольный вид сменился знакомым расчетливым выражением.

— Твоего отца?

— Конечно! — выпалила я. — Я знаю его наизусть! Я бы узнала этот почерк везде! Клянусь, это стихотворение отца!

— Знаю, — сказала она. — Он дал его мне.

Масугу застонал.

Я моргнула, а потом вдруг вспомнила, где я, кто я. Я упала на татами, от которого пахло маринованным имбирем, и начала извиняться за грубость.

Чийомэ-сама перебила меня:

— Идем, Рисуко. Пусть Ки Сан и Миэко заботятся о лейтенанте. А ты пойдешь со мной и все объяснишь.

Я подняла голову, но она уже уходила. Я пошла за ней на холодный двор. Братишки шли по сторонам. Я не знала, защищали ли они нас и присматривали за мной.

Я чувствовала себя как в первый день, когда шла, спотыкаясь, рядом с ее паланкином, покидая деревню, дом и свою жизнь.

* * *

Мы прошли по большому залу, где был только Аимару, стоял у лестницы, ведущей в комнаты Чийомэ-сама, переминаясь с ноги на ногу. Его обычно веселое лицо было мрачным и тревожным. Он отвел взгляд от меня, когда мы приблизились.

— Щенок может идти охранять гостевой домик, — рявкнула леди Чийомэ, кивнув на Аимару. — С Миэко и Ки Саном у Масугу ничего страшнее не случится. Вы двое, — она махнула Братишкам, — следите за всем тут внизу. Не хочу, чтобы нам... помешали, — она пошла по лестнице. — Идем, Рисуко.

Я последовала за ней. На половине пути я обернулась. Братишки стояли лицами к дверям. Я глубоко судорожно вдохнула, развернулась и поспешила наверх.

Когда я вошла в комнату леди Чийомэ, она уже сидела на коленях за столиком и смешивала в мисочке чернила. Я замерла на пороге с одной ногой в воздухе, вспоминая прошлый визит в ее комнату, от этого меня сковал холод льдом.

— Куда проще идти по лестнице, чем лазать по стене, да, моя Рисуко? — сказала Чийомэ-сама не оторвав взгляда от того, что она писала. — А если тебя пригласили, нет смысла прятаться. И стоять на пороге.

Я шагнула вперед и опустилась на колени перед столом.

— Чийомэ-сама, — сказала я, пытаюсь сдержать дрожь в голосе, — ваш скромный слуга никогда не тронул бы Масугу-сана, не полез бы в его комнаты или...

— Знаю, — сказала она и издала сухо смешок. — Еще один скромный слуга. Как мне и надо.

— Да, Чийомэ-сама.

— Кано Мурасаки, — обратилась она ко мне без смеха и официально, — ответь: зачем ты здесь?

— В... вашей комнате? — она подняла подведенную бровь. — О, я здесь, потому что вы хотели, чтобы я стала жрицей, Чийомэ-сама.

— И?

— И... куноичи.

— И что же, Кано Мурасаки, такое куноичи?

— Куноичи... — я видела, что она пишет слово, которое писала в первый день в Сосновом берегу, кисть скользила по бумаге. — Куноичи — женщина, обученная убивать, Чийомэ-сама.

Она тихо хмыкнула.

— Близко, — из-под стола она достала длинный красный шелк с белым краем — пояс посвященной. — Красный — свадебный цвет. Белый — цвет смерти. Мико замужем за тем, что не может умереть. Куноичи замужем за ее долгом. И смертью, — она протянула мне пояс. Я в ужасе смотрела на него.

Она фыркнула и бросила шелк на пол передо мной.

— Начну с того, что я не вижу тебя, копающуюся в гостевом домике. Это не в твоём стиле, — она склонилась, пронзая меня взглядом. — Во-вторых, я видела твое лицо, когда ты заметила стихотворение. Или ты величайшая лгунья, а я встречала многих лжецов, юная Кано, или ты не была внутри этих комнат ни разу до этого, а их обыскал неуклюжий демон-лис дважды прошлой ночью. Закрой рот, девочка. Ты как лягушка, что ждет мух.

Я закрыла рот, но не смогла опустить взгляд, хотя должна была.

— Подними пояс, Рисуко, — голос леди Чийомэ, как для нее, был теплым.

Я посмотрела на него.

— Надень пояс посвященной, Кано Мурасаки, — сказала Чийомэ-сама.

Пальцы услышали приказ и послушались.

Когда пояс был завязан на моей талии, леди Чийомэ вздохнула и сказала:

— Твой отец...

Я не осмелилась поднять голову.

— *Мукаши, мукаши*, давным-давно, когда ты была еще дитем, в долине неподалеку прошло великое сражение. Мой муж командовал тяжелой кавалерией Такеда-самы у острова Междуречья. Они давили на Уэсуги и их союзников, выгоняя их из провинции Темного письма. Боролись только отряды, что возглавлял союзник Уэсуги, лорд Ода.

Я подняла голову.

Леди Чийомэ смотрела на меня, но видела что-то другое.

— Твой отец... Кано Казуо столкнулся мечом к мечу с Мочизуки Моритоки на поле боя. Кано Казуо победил, — ее глаза снова видели меня, но в них были слезы. — Хотя мой муж проиграл, Такеда в тот день победили. Уэсуги и их союзники были разбиты, — она всхлипнула и отвела взгляд. — И когда прибыли новости, когда Ки Сан вернулся и сказал мне, я едва могла выйти из этой комнаты. Однажды слуги пришли и сказали мне, что приближается одинокий самурай на коне. Его мечи были привязаны к спине коня, но они беспокоились за мою безопасность. Я сказала открыть ему ворота. Я о своей безопасности не заботилась.

Я ждала, когда она продолжит.

— Это был, конечно, твой отец. Он сказал, что сожалеет о моей потере, и что мой муж погиб с честью. Что ему было почетно сражаться с ним. И то... поле боя не было местом для чести.

Я поняла, что по моим щекам текут слезы.

— Я поговорила с ним немного. Он говорил о тебе, о своей семье. И как, забрав жизнь моего мужа, он почувствовал, что забрал ваши жизни.

Звук вырвался из моего горла. Я и не понимала, что издаю его.

— Я напомнила ему выказывание Будды: «Вся жизнь — печаль. Все живое умирает. Один и тот же лес порождает тигра и лань. Те, кто убивает, и кого убивают, одинаковы».

Мы сидели какое-то время. Старушка и девочка. Она плакала тихо, я — громко. И каждый горевал о потерянном.

31

Поднимая меч

Я вышла из комнаты леди Чийомэ в слезах от воспоминаний, что слепили меня, и я спускалась по лестнице к Братишкам. Тот, что был крупнее, взглянул на меня и повернулся к дверям на улицу и на кухню.

Другой улыбнулся. Из-за широкой спины он вытащил два изделия из бамбука, что немного изгибались, на одном конце у каждого была рукоять.

— Мечи, — прошептала я.

— Для тренировок, — сказал Братишка, кивнув и улыбнувшись. — Ты посвященная, так что пора начинать твою тренировку.

Братишка протянул один из мечей, но я застыла, как камыш зимой.

— Мурасаки-сан?

— Я... не могу. Не могу, — я видела, как он хмурится, так было и когда я пришла утром в комнаты Масугу. Утром? Казалось, это было уже в прошлой жизни. — Мой отец... я...

— Мурасаки-сан, — тихо сказал Братишка. — Госпожа хочет, чтобы ты могла защитить себя. Ты — слуга Чийомэ-сама.

— Я живу, — сказала я, язык не слушался, — пока этого хочет Чийомэ-сама. Но я не могу убивать. Не буду, — я опустилась на колени и коснулась лбом холодного дерева. — Если госпожа хочет, чтобы слугу убили за непослушание, слуга с радостью умрет.

Братишка прошипел:

— Встань. Не... Есть разница в защите себя, Рисуко, и убийстве других.

Я подняла голову, на его лице была тревога.

— Я знаю, что такое куноичи. И знаю, что такой меня хочет видеть леди Чийомэ.

Он скривился и покачал головой, то ли отрицая мои слова, то ли очищая разум.

— Не будь так уверена. Твой отец хотел бы этого. Подними свой меч.

— Братишка, сэр... — лепетала я.

— Учиться защите с бамбуковым мечом — не значит убивать, — он протянул мне меч. — Возьми.

Я подумала об отце. Как он чистил мечи.

Рука дрожала, но я обхватила рукоять.

Рукоять была обернута кожей, подходила ладони, словно была создана для моей руки. Я стояла, расставив ноги, держа перед собой ученический меч. Не думая, я заняла первую позицию танца Миэко-сенсей. Упражнений с мечом, что Ото-сан проводил во дворе каждое утро до того дня, когда его вызвал лорд Имагава. Я смотрела на крепко связанные полоски бамбука, видела мысленно вместо этого меча стальную катану отца.

Перед глазами все вспыхнуло.

— Молодец, Рисуко, — сказал Братишка. — Ты приняла первую позицию. Хорошо. Начнем.

И он провел меня через все упражнение — танец — и, как всегда, я знала каждое движение до того, как предыдущее заканчивалось. Разве мы с Усако не повторяли за Ото-саном по утрам, сжимая ветки сосны или бамбуковые палки, пока он взмахивал мечом?

Я помнила, как мы стояли в тени низкой крыши возле кухни, как повторяли за ним. А Ото-сан притворялся, что не видит нас.

Братишка провел меня через упражнение четыре раза, и мы поворачивались в разные стороны: на восток, юг, запад и север.

Братишка поклонился, и я поклонилась в ответ. Во мне словно бурлило серебро.

— Это, — сказал он, — мы называем Шестьдесят четыре переменны. Усвоишь эти позиции, и сможешь держать меч в равновесии, атаковать и нападать, оставаясь прикованной к своему центру. Каждая позиция сочетает пять элементов, две энергии. Все течет с первой позиции Двух полей, — он занял стойку, широко расставив ноги, меч был перед ним. — Ты должна врасти в землю.

Он обошел меня, поправил стойку кончиком меча, заставил встать чуть шире, согнуть колени, но не слишком сильно, показывая, как держать меч не слишком высоко и не слишком низко, поправил рукоять.

Удовлетворившись, он встал напротив меня и снова занял стойку.

— Дальше — Бутон бамбука, — он склонился в сторону правой ноги, меч поднял по диагонали от левой ноги к макушке. — Эта позиция позволяет перенаправить силу противника вниз без вреда для себя или меча, как юный бамбук ты трещишь и качаешься, но не ломаешься.

Если бы не его размер, он бы выглядел как бамбук в лесу с этим деревянным мечом в руках.

Я повторила за ним, и он снова поправил мою стойку.

— Последнее на сегодня — Ключ к Небесам, — он остановился передо мной, поднял правую ногу, согнув в колене, поднимая меч над головой, а потом опустил ногу и меч с грохотом.

Я уставилась на деревянный меч, что он остановил в ногте от моей груди.

Мы повторяли все движения. Я видела отца, исполняющего их. Но только смотреть со стороны...

Я стояла, руки снова дрожали.

— Рисуко, — сказал Братишка, отступив и показывая, что нужно повторить за ним. Я начала, но не смогла

ничего сделать. Его большое лицо источало тепло, он ждал. Я сглотнула, ступила вперед и вяло ударила бамбуковым мечом.

Не знаю, почему, но при этом в голове возникло изображение курицы, которой Тоуми свернула шею. Ее странные демонические глаза смотрели в мою душу.

— Хорошо, — улыбнулся Братишка. — Еще раз.

Я повторяла движение — бросок и удар вниз — снова и снова, пока не начала ощущать его как работу на кухне: чик, чик, чик...

— Хорошо, — снова сказал Братишка. — Ты постаралась сегодня. Завтра — еще три позиции. А теперь тебе можно идти на кухню.

* * *

Позже на кухне в моей руке был один из длинных острых ножей, я резала дайкон, потому что, хотя я хотела двигаться, идти мне было некуда. Я думала о движениях танца Миэко. О том, как они ощущались с мечом в руках. Два поля — равновесие и готовность. Бутон бамбука — в сторону, меч вверх, чтобы остановить атаку. Ключ к Небесам — резкий удар вниз...

— Думаю, редиски хватит, Яркоглазая, — голос удивил меня, я вдруг поняла, что сделала, пока блуждала мыслями далеко. Гора нарезанного дайкона лежала на разделочном столе, как сугробы снега на ветках тсуги. Я испуганно подняла голову.

Лицо Ки Сана было серым, шрамы казались бледнее обычного.

— А...? — утром случилось столько, что я не знала, как закончить вопрос.

— Масугу станет лучше. Но ходить он сможет не скоро. Но вы со Змейкой постарались. И мой настой, конечно.

— Змейка?

— Ага. Я так зову Миэко. Красивая, как змея, спокойная и такая же опасная, если на нее наступить, да? — он подмигнул.

— О. А она еще...?

— Нет. Ушла в Убежище с остальными. Тут теперь только ты, госпожа и мужчины, — я, видимо, была встревожена, раз он вскинул руки. — Твой друг с лунным лицом, Аимару, остался с Масугу. Говорит с ним.

Я вспомнила пальцы Масугу на своем подбородке, его лепет.

Ки Сан улыбнулся.

— Думаю, он не просил Лунного пирожка выйти за него замуж. Хотя кто знает...

Кровь прилила к моему лицу.

— Хороший у тебя пояс, — он собрал травы с полочек и бросил в большой котел куриного рагу, что начал кипеть на огне.

— Ох, спасибо, Ки Сан-сан, — я подняла нож, который использовала, а потом опустила снова. Я отчаянно хотела забыть пояс и все, что он представлял — связь со смертью и всем, что бессмертно. — И что мы готовим на обед?

Он фыркнул.

— Мы? Я сварю настой и уйду к Масугу, — он улыбнулся мне. — Ты делаешь рис и подаешь с кусочками угря из кладовой. О. И редиска, — он указал на гору на разделочном столе.

— Я? — выдохнула я. — Одна?

— Ну, — сказал он, — теперь же ты посвященная. Я отправлю Лунного пирожка помочь тебе. Хотя, думаю, ему больше нравится говорить с Улыбчивой, да?

— Спасибо, Ки Сан-сан, — я была так рада, что буду готовить не одна, что не задумалась о его шутках над моими друзьями. У меня возник вопрос. — Ки Сан-сан? А они... Масугу-сан правда просил Миэко-сенсей выйти за него замуж?

Я видела, как дрогнули его плечи, но не опознала жест правильно.

— Я же говорил, Яркоглазая, о мужчинах и женщинах? Резня. Всегда, — только и сказал он.

* * *

Вскоре после того, как Ки Сан ушел с пряно пахнущим настоем, я оказалась посреди кухни с длинной палкой, которой Ки Сан прогонял крыс. Я держала его обеими руками, как меч. Как катану самурая.

Могла ли я? Могла стать такой, как Миэко и остальные? Как отец?

Я была в начальной стойке, ноги расставлены, меч передо мной в равновесии. Два поля. Я шагнула в сторону и вскинула меч, останавливая удар. Бутон бамбука.

Я услышала шум и развернулась, не подумав, и вскинула палку над головой, а потом опустила...

На голову Аимару. Ключ к Небесам.

Палка сломалась, я осталась с обломком в руках.

Не знаю, кто был потрясен больше — Аимару или я.

— Прости!

— Все хорошо! — сказал Аимару, падая на колени. — Я в порядке! Ты меня не ранила, — он коснулся макушки, где появилась шишка. Он тряхнул головой и добавил с улыбкой. — Почти не больно.

— Прости, — повторила я, прижимая обломок палки к груди.

— Что...?

— Я не... я думала о танце Миэко и упражнениях отца с мечом, и... мне очень жаль, Аимару!

Он отмахнулся и шатко встал на ноги.

— Я точно не буду подглядывать за тобой.

— Я могла тебя ранить!

— Вот так? — он слабо улыбнулся и посмотрел вниз. Сначала я думала, что он не хочет смотреть мне в глаза, но потом поняла, что он смотрит на мой новый пояс. — Ты... посвященная.

— Да, я посвященная. Ты можешь говорить со мной, — я вдохнула, стараясь не думать о том, что сейчас сделала. — Прости, — я отбросила обломок. — Я... должна сделать обед для всех.

— Знаю, — сказал он. — Ки Сан попросил помочь тебе.

— Отлично, — я подумала о том, то можно ему поручить. Небольшая миска с рисом почти опустела. — Сможешь принести немного риса из кладовой?

Он нахмурился. Я не привыкла видеть таким его лицо, но так было все чаще.

— Ладно, — я вздохнула. — Вот. Если можешь присмотреть за огнем и убедиться, что он сможет нагреть котел с водой, я схожу за рисом.

Он улыбнулся.

— Это я смогу, Мурасаки-сан.

Я подняла длинный обломок палки, что сломалась о голову Аимару, и побежала к кладовой возле конюшни. Как всегда, там были крысы, они смотрели на меня, как на нарушителя. Я замахнулась на ближайшую (Ключ к Небесам), и они разбежались, я не успела взмахнуть ни разу больше.

— Стоит завести кота, — проворчала я, стараясь сдержать дрожь. Справа был полупустой мешок риса, и я схватила его. И когда я подняла мешок на спину и почти дошла до кухни, я поняла, что в день прибытия мы втроем несли его.

Видимо, камни мы носили не зря.

* * *

Мы готовили обед, Аимару рассказывал, что знал о Масугу. Я уже это знала. Он спросил, как я заслужила пояс, но я призналась, что понятия не имею.

И, конечно, мы не знали, кто отравил лейтенанта, хотя я рассказала ему о подозрительном поведении Миэко. Он был рад, что леди Чийомэ не подозревала меня.

— Кто-то явно... что-то искал.

— Да, — прошептала я, — но что?

Аимару пожал плечами и пошевелил бревна в костре.

— Они искали и тут. И в конюшнях.

Я забыла об этом.

— И, наверное, в комнате леди Чийомэ. Хотя я не знаю, зачем они это делают, — кто-то хотел себе болезненную смерть.

— Ну, — бодро отметил он, — этот кто-то ничего не нашел, иначе им не пришлось бы почти убивать Масугу-сана.

Он был очень тихим, когда я рассказала ему правду о куноичи. Что они были убийцами.

— О, — сказал он, помешивая рис. — Я догадывался.

— Я не буду этого делать. Я лучше умру.

Он солнечно улыбнулся мне.

— Все живое умирает, Мурасаки-сан.

— Знаю. Мне говорят так. И... просто Мурасаки. Или Рисуко. Прошу, Аимару.

Он кивнул, улыбка не исчезла.

Мы разнесли обед по всему месту. Только Чийомэ-сама и Братишки ели в большом зале. Ки Сан был с Масугу-саном, а остальные в Полной Луне были в Убежище. Красное в их одежде, что я сопоставляла с удачей, теперь казалось пятном крови.

* * *

Мы убрали после обеда, и вернулся Ки Сан. Он был мрачнее обычного.

— Один из Братишек остался с ним, — сказал он в ответ на вопрос, что мы с Аимару не озвучили. — О нем

можно не тревожиться — маковый сок вышел с потом, настой помогает.

Он увидел мое облегчение, потому добавил:

— Но он будет слабым до Нового года, думаю. Не сможет ухаживать за всеми вокруг!

Аимару покраснел, хоть и улыбался.

— Мы всех накормили, Ки Сан-сан.

— Я заметил, — рассмеялся повар. — И никто не отравился! У вас удалось. А теперь прочь с кухни, Лунный пирожок. Братишка ждет тебя, чтобы преподать урок.

Аимару тут же подчинился, поклонился Ки Сану, показав шишку, улыбнулся мне на миг и исчез за дверью.

— Ты сломала палку от крыс, Яркоглазая?

— Я... — я подняла обломки палки.

— И это связано с милой шишкой на голове Лунного пирожка?

— Я не могу, — прошептала я.

— Не можешь?

— Не могу... — я помахала обрубок воображаемого меча. — Не могу.

— Ах, — Ки Сан забрал этот обломок и бросил в огонь. Я смотрела, как сосна загорается.

Глаза наполнились слезами, пока я смотрела, как горит рукоять меча.

— Отец... — горло сжало. — Отец... последнее... что он сказал... Не навреди.

— Ах.

— Когда лорд Имагава... захотел, чтобы он... снова стал... самураем.

Он наточил мечи и отложил их. Надел одеяние писца. Поклонился Ока-сан, что пыталась не плакать, потом сестре и мне. Он развернулся и ушел, но я побежала за ним. Он замер под старой вишней, что росла над небольшим храмом духу леса. Я хотела, чтобы он обернулся, но он этого не сделал. Я хотела коснуться его, утащить в дом, но я не могла.

— Ото-сан! — крикнула я.

Его спина была прямой, ноги на ширине плеч — Два поля. А потом невероятно тихим голосом отец сказал:

— Не иди за мной. Не иди по моему пути, — он пошел снова, сделал три шага и замер, не поворачиваясь. С ужасным всхлипом он сказал. — Не навреди, Мурасаки. Не навреди, — и он ушел.

Пока я вспоминала это, Ки Сан резал имбирь для супа. Запах был резким и горячим, и я подумала, что запахи как и травы, приводили в равновесие наши элементы. Мне было кисло, и запах имбиря был спасением.

Я смотрела, как огонь касается палки, от этого она напоминала змею.

— Я встречал твоего отца, — сказал Ки Сан.

— Знаю. Леди Чийомэ рассказывала.

— Я видел его в бою. Видел, как он сражался со Старым солдатом в Междуречье. Он был воином, — Ки Сан бросил грибы и кусочки редиса в суп. Он задумчиво хмыкнул. — Ты же знаешь, что, даже идя по полю, ты вредишь — траве, муравьям и остальным.

Я вздохнула.

— Знаю.

— И я подумал, что если у тела есть меч и способ его использовать, — он добавил сушеный зеленый лук и помешал длинной ложкой, — чтобы защищать тех, у кого нет мечей, от бандитов и подобных, это меньший вред, чем стоять в стороне и ничего не делать.

Я стояла, плача, вытирая глаза и нос рукавами.

— Но... куноичи...

— Да. Они убивают. Змейка? — он присвистнул. — Ты умрешь, не заметив, а она выйдет из дома с улыбкой, и ни один волосок не выбьется из прически, никто не увидит этого. А остальные? У некоторых есть талант к пониманию. Как Цветочек, что учит музыке, — он фыркнул. — Она не убийца. Но она хорошо ладит с мужчинами, радуется им, и они рассказывают ей даже то, что не должны были, и когда она уходит, они помнят лишь, что она заставила их смеяться.

— Но она... Сачи сказала, что охота...?

— Это охота, — Ки Сан вскинул бровь. — Всегда охота.

— Ох.

— Некоторые хорошо защищают народ. Одетые как служанки, если захотят, как повара или горничные, они скрываются, никто из бандитов не подумает, что девчушка — страж, но это ей на пользу.

— Ох.

Я подошла и заглянула в котел.

Ки Сан склонился и понюхал пар почти готового супа.

— Да, думаю, ты будешь рада узнать, что Масугу спрашивал о тебе.

— Да? — выдохнула я.

— Ага. Как-то раз, когда не спал. Уже понял, что ты услышала его и Змейку с крыши Убежища, — Ки Сан подмигнул. При виде моего лица он посерьезнел и повернулся к супу. — Говорил о дымоходе. Думаю, боялся, что ты упадешь.

Я рассмеялась.

— А когда я пошел готовить суп, столкнулся с Призрачной, старающейся подсмотреть за ним. Она так покраснела, когда я ее поймал. Сказала, что у нее еще не начались месячные, так что она хотела узнать, в порядке ли лейтенант, — он фыркнул. — Сказал ей, что он хорошо спит, что она опоздала, он уже попросил тебя выйти за него, — он посмеялся, и я с ним, хотя шуток на эту тему было уже слишком много.

Я смотрела в большой котел. Овощи выглядели вкусно — красные, коричневые, белые и зеленые в чистом золотистом бульоне. Идеально. Я понюхала.

— Ки Сан?

— Хмм?

— Запах не... горьковат?

Он понюхал.

— Ах, может, немного. Переготовил, наверное. Немного чеснока все исправит. Сделай это, Яркоглазая.

Не подумав, я нашла чеснок и ножичек. Я быстро порезала его на кусочки, даже не думая о себе при этом. Я принесла миску с нарезанным чесноком.

Он забрал ее и высыпал в котел. Он глубоко вдохнул.

— Вот так, — он поманил себя. — Понюхай.

Я так и сделала.

— Ммм.

— Точно! — он потер ладони. — Бери большую супницу и миски, — он быстро налил почти весь суп в огромную миску, которую и звал супницей, и накрыл крышкой. Миски оказались на крышке. — Посмотрим, к чему привели тренировки с камнями. Донесешь, не уронив?

Я осторожно подняла большую миску и все на ней.

Он повесил ложку на одну из ручек.

— Вот так. Отнеси это в Убежище и гостевой домик. Я обслужу госпожу и Братишек, — он улыбнулся мне, щрамы изогнулись. Он открыл дверь наружу, впуская ледяной ветер. — Быстрее! Не дай супу остынуть! Я поем с тобой, когда ты вернешься. Одному есть не стоит.

— Хай, Ки Сан-сан, — сказала я, осторожно идя в сгущающемся мраке зимнего вечера.

32

Суп из курицы

Снова пошел снег — легкие крохотные снежинки появлялись из ниоткуда. Я старалась идти так, чтобы суп не расплескался, а миски постукивали, грозя упасть каждый раз, когда мои ноги скользили на камнях под снегом. Но я справлялась. Вскоре я была возле Убежища. Я постучала в дверь.

Ответил знакомый шепот.

— Да?

— Эми!

Она вздохнула.

— Привет, Мурасаки. Наша еда у тебя?

— Да! Куриный суп.

Я услышала несколько голодных стонов.

— Открой дверь, — прошептала я, — и я помогу вам налить его.

— О, — Эми звучала неуверенно. — Думаю, тебе стоит его оставить.

Я говорила тихо, чтобы слышала только Эми.

— Но мне нужно отнести суп и в гостевой домик для Аимару и Масугу-сана.

— О, — я услышала движение внутри, дверь приоткрылась. Внутри воздух был жарким и спертым. Я увидела мрачные лица, смотревшие на меня. Эми вышла, кутаясь в накидку от холода. Женщины поспешили к двери.

— Не толкаемся, дамы. В очередь! — сказала Миэко, они послушались.

Мы с Эми опустили на колени. Я наливала горячий суп в миски, Эми передавала его внутрь.

— И, — прошептала я, — на что это похоже?

— Похоже? — проворчала Эми.

— Убежище?

Она молчала какое-то время.

— Скучно.

— Ох.

Она повернулась ко мне, ее глаза сияли.

— Что-то необычное тут случилось?

— Ой, — я сглотнула, пролила немного бульона на ступеньку, что служила нам сервировочным столом. — Я ударила Аимару по голове палкой.

Эми рассмеялась радостно, напоминая встречающий лай собаки.

— Хотелось бы это увидеть!

— Но...! — выдохнула я. Тоуми кривилась в дверях, ожидая свою порцию. Я наполнила миску, что держала Эми, и она передала ее Тоуми, которая взглянула на еду и начала потягивать бульон, глядя на нас, отходя. Я снова понизила голос. — Я думала... он тебе нравится.

— Шшш! — Эми помрачнела, но не хмуро, а от потрясения.

Она подняла миску и вздохнула.

— А... зачем тебе была палка?

— Мы же ей прогоняем крыс. Я... притворялась, что это был меч.

— О, — Эми прищурилась. — Мурасаки?

— Хмм?

— Твой пояс.

Не ожидая слов, я подняла красно-белый шелк.

Глаза Эми расширились.

— Как...?

— Думаю, — прошептала я, глядя в комнату за ней, полную женщин в красно-белом, — что я получила его, потому что сказал Миэко-сан, что такое куноичи. Что они... — убийцы, — ...солдаты.

Эми кивнула, передавая миску еще одной женщине.

— Это логично, — тихо прошептала она. — Потому нам и говорили разделять животных.

Я не подумала об этом. Учителя сказали, что Ки Сан научит нас тому, что поможет быть куноичи. Желудок сжался.

Эми хмыкнула.

— А как же танцы, пение, письмо и остальное?

Смех зазвучал в дверях. Сестры-редиски дразнили Тоуми.

— Думаю, — прошептала я, — что нам можно быть и шпионами. Собирать информацию.

— О! — кивнула Эми. — Потому мы одеты как мико! Чтобы везде заходить, и никто не заметит.

Это тоже было логично. Шино встала перед Фуюдори, требуя добавки. Я хотела отказаться, но Эми покачала головой.

— Мне с ней еще несколько дней тут сидеть. Не нужно ее злить.

Потом подошла Фуюдори.

— Добрый вечер, Рисуко-чан, — она сладко улыбнулась. — Не жалея нас. Ты скоро к нам присоединишься.

Я налила главной посвященной суп в миску, что держала Эми.

— Да, Фуюдори-семпай, — смогла выдавить я.

— Мило, — сказала Фуюдори, забрав миску. Она заглянула в нее. — Картошка?

— Редиски, — виновато ответила я.

— О, — ее плечи опустились, она пошла, вдыхая аромат супа.

Я ткнула Эми поварешкой, ведь она улыбалась.

— Держи, — шепнула я, наливая ей суп.

— Она невыносима, заламывала весь день руки и рыдала о лейтенанте. Я думала, Миэко ее придушит, — Эми нахмурилась. — И, судя по твоим словам, это должно быть уроком полезнее, чем плохая игра на инструменте.

Я задумалась об этом. Эми могла пошутить, но это не казалось смешным.

— Ки Сан сказал, что ему пришлось отослать Фуюдори от комнат лейтенанта.

— О! — сказала восхищенно Эми, хотя лицо оставалось мрачным. — Она так тревожилась о лейтенанте Масугу, что выбежала отсюда после того, как ты днем принесла рис. Сачи пришлось сдерживать Миэко, чтобы та не зарезала ее.

— Ах, — я накрыла супницу крышкой. — Погоди, — Эми подняла миску к губам. — Можешь остаться и поужинать со мной.

— Все в порядке, — она встала и пошла к двери. Я знала ее достаточно, чтобы понять, что печаль на ее лице не была показной. — Без тебя скучно. Они только жалуются, едят или спят, — она начала закрывать дверь, но обернулась. — Передай привет лейтенанту. И, эм, Аимару, — ее нос и щеки покраснели от мороза, а теперь розовой была и шея.

— Передам, — ответила я, но она уже закрыла дверь, потягивая суп.

* * *

Когда я пришла в гостевой домик, Аимару радовался супу сильнее, чем мне, но он улыбнулся, когда я передала ему приветствие Эми.

— Голова в порядке? — спросила я. Шишка на лбу была лиловой.

Он улыбнулся и коснулся ее.

— О, да. Не болит, — он скривился. — Почти.

Желудок сжался. Я передала ему миску.

— Мне так жаль, Аимару!

Он рассмеялся.

— Не надо. Это было круто. Где ты научилась?

— Я... — я хотела отрицать, что чему-то училась, но поняла, что это бессмысленно. — Когда я была маленькой, я смотрела, как отец тренируется с катаной. И порой я подражала ему с палкой вместо меча. Думаю, чему-то я научилась.

— Есть такое! — он потер шею, смеясь. Он сел и принялся за суп, но посмотрел на меня. — Если увидишь Эми...

— Передам от тебя привет, — сказала я и заметила, что его шея порозовела, как у Эми.

Я повернулась к двери в спальню и замешкалась. Комната, где я спорила с Миэко и леди Чийомэ, где смотрела, как Масугу чуть не умер, была передо мной, войти было страшно.

Беспорядок, который леди Чийомэ списала на кицунэ, духа-лиса, был таким, что я поежилась, думая, что демон может быть среди нас. Бред. Я отодвинула дверь левой рукой, помогал правой, так нас учила делать мама. Я вошла и села на колени с супницей в руках.

Масугу-сан лежал на кровати, глаза были приоткрыты. Одеяние для сна промокло т пота, которым и пахло в комнате, к этому примешивались запахи рвоты, жженой полыни и маринованного имбиря, что я пролила, когда падала на колени.

— Му-саки, — прохрипел он. В этот раз он хоть не спугал меня с Миэко. Его рука поверх одеяла слабо махнула мне подойти.

Я придвинулась на коленях. Его лицо было бледным, но не серым, как это было вчера.

— Хотите суп?

Он скривился, совсем как Усако, когда Ока-сан пыталась накормить ее okayю. Она была единственным ребенком, который не любил рисовую кашу.

— Это полезно, — сказала я, придвигая миску. Мама так говорила сестре.

— Имбирь, — сказал он, морщась, и я не могла его винить. В тот день в него зачихали больше имбиря, чем он бы съел за год.

Я прижала миску к его губам.

— Ки Сан говорил, что суп обострит ощущения и будет бороться с эффектом мака. Один глоточек.

Он сделал глоток, но все равно скривился, и я не сдержала смех.

— Не вредничайте! Вы самурай или нет?

Он вяло посмотрел на меня с отвращением, но сделал еще один глоток из миски, что я держала перед ним. Он сглотнул, фыркнул и лег на спину.

— Горький.

Я понюхала суп. За вкусными ароматами имбиря и чеснока остался горький запах, что я заметила раньше.

— Я тоже так подумала. Но Ки Сан решил, что он просто передержал бульон.

Он фыркнул снова. Глубоко и судорожно вдохнув, он поднял взгляд.

— Му-саки.

— Да, Масугу-сан?

— Дымоход.

— Дымоход? — я вспомнила, как сидела у трубы Убежища ночью и слушала... — О, о, Масугу-сан, мне очень-очень жаль. Я не хотела подслушать...

— Нет, — он с усилием покачал головой. — Нет, — он поднял палец и указал на меня. — Дымоход.

Я вздохнула.

— Да. Я... забралась по стене. Услышала шум и подумала, что кто-то хочет пролезть в Полную Луну, потому полезла по стене, но услышала вашу с Миэко-сан ссору.

Он смог сверкнуть улыбкой.

— Не ссора... — посмеялся он сухо и указал на меня. — Белка.

Он дразнит меня, потому что я снова лазала, но я была в ужасе.

— Му-саки...

— Да, Масугу-сан?

— Иди... дымоход, — его силы угасали. Он расслабился на матрасе, глаза закрывались.

— Да. Я была у дымохода, — я хотела бы, чтобы он не говорил об этом.

— Нет. Дымоход. Иди.

— Вы...? — я смотрела на него. Он пытался не спать, и я не знала, страдает ли он снова от действия мака. —

Вы хотите, чтобы я залезла еще раз к трубе Убежища? — может, просил подслушать женщин? Если Эми была права, то они не говорили ни о чем интересном. Тем более, для мужчины.

Но он слабо улыбнулся и кивнул.

— Иди. Дымоход... Крыша, — его грудь и лицо расслабились, словно он таял на матрасе. — Снежная птица...

Лиса.

Кицунэ. Я задрожала. Может, лейтенант был одержим?

— Свиток, — сказал он, прозвучало похоже. — Иди...

И тут из соседней комнаты раздался треск. Я потрясенно увидела, что Аимару съехал по стене, его миска была разбита, ведь рука ослабела. Кусочки грибов, тофу и фарфоре валялись на татами.

Я вскрикнула, как и лейтенант.

— Яд! — прошипел он.

Я повернулась. Теперь его глаза были огромными. Масугу схватил меня за руку.

— Суп... яд...

Мои глаза стали огромными.

— О! О, нет! Масугу-сан, я бы никогда...!

— Нет, — простонал он. — Нет. Кицунэ. Кицунэ.

Я кивнула. Я поняла его, даже если он говорил бред.

— Дух-лис отравил суп?

Он кивнул.

Мое сердце колотилось. Я посмотрела на Аимару, он не шевелился, словно умер. Масугу был слабым. Могли ли два глотка отравленного супа добить его?

— Я позову Ки Сана, — крикнула я. — Он поможет! — я отчаянно надеялась, что повар ждет меня, как и обещал. Он мог спасти Аимару и лейтенанта...

Я замерла. Миска, которую я держала, опрокинулась, но я не обратила внимания. Я думала, что все в Убежище получили суп из одной супницы. Я помнила, как Эми закрывала дверь, начиная отхлебывать суп... Я поспешила прочь.

— Му-саки! — меня остановил стон Масугу. Я обернулась. Он сжимал ладони, словно так пытался остаться в сознании. — Дымоход. Крыша. Иди!

— Идти... к дымоходу? — ответила удивленно я.

— Да-а-а, — прохрипел он и провалился в глубокий обморок.

33

Дым и камень

Второй раз за день я бежала по двору к большому залу. В этот раз без леди Чийомэ.

А ведь ей Ки Сан дал тот же суп.

Был ли Ки Сан кицунэ?

Я замерла, задыхаясь в темноте зимнего вечера. Нет, он безумный, но если бы он хотел нас отравить, как повар, он мог сделать это в любой момент. И, как леди Чийомэ сказала о Миэко-сан, он бы сделал это без шума.

Я бросилась к кухне. Я не могла надеяться, что повар еще не дал Чийомэ-сама и братишкам суп. Когда я ворвалась в кухню, он был там, где я и думала: сидел за столом, две миски с крышками стояли на нем, одна перед ним, другая — для меня.

— Яд! — выдохнула я.

Он уставился на меня, потом на миски. Он снял крышку и понюхал, а потом зарычал на корейском и плюнул на пол.

— Горький. Ты сказала, что он горький, Яркоголазая, — с паникой на лице он побежал в столовую, Чийомэ и Братишки обмякли за столами. Их суп пролился на пол. Подняв голову госпожи, он большими пальцами поднял ее веки.

— Чийомэ! Чийомэ, ты меня слышишь?

Она фыркнула и сказала что-то неразборчивое.

Ки Сан хрипло и с облегчением рассмеялся. Осторожно опустив ее голову на стол, он быстро проверил других. Они тоже отвечали. Ки Сан вернулся спешно на кухню, промчался мимо меня к травам.

— Горькое, — бормотал он, глядя на полочки в поисках травы, что отравила суп. — Горькое. Горькое.

Маки висели там, но они пахли сладко. Он указал на пустое место на полке.

— Фух!

— Что? — спросила я.

— Зачем травить людей этим?

— Чем?

Он развернулся, словно только что вспомнил, что я здесь, и тряхнул головой.

— Ах. Хохлатка.

— Хохлатка? — из этого корешка мама делала себе чай перед месячными. Из этого корешка он делал чай для Эми. — Она... опасна?

— Ну... — Ки Сан провел рукой по спутанным седым волосам. — Они будут сонные и вялые, потом будет сильно болеть голова, если она использовала весь запас. Особенно, у мужчин! — он начал улыбаться, но помрачнел. — Яркоголазая, скажи... Сколько ты дала Масугу?

— Д-два глотка! Клянусь!

Он вздохнул.

— Ладно. Не должно ему навредить, хотя он в плохом состоянии... — отвернувшись от меня, он начал собирать травы: остатки имбиря после настоя и супа, полынь, черный и зеленый чай и коробочку с ценным женьшенем.

Я думала о том, что мне пытался сказать Масугу, пока хохлатка не погрузила его в сон. Дымоход...

— Ки Сан! Вам нужна моя помощь в ближайшие минуты?

— Что? — он бросил травы-ян на стол. — Мне нужна помощь, чтобы дать это всем, но нет, приготовить их я могу и сам. Тебе нужно в уборную?

— В...? Нет! Нет, Масугу-сан хотел, чтобы я отправилась к дымоходу Убежища. Не знаю, зачем, но он просил об этом, пока не отключился.

— Ах, — хмыкнул Ки Сан, безумно нарезая травы. В кухне снова пахло резким имбирем и земляным женьшенем. — Может, она что-то там и искала. Умное место для скрывания чего-то.

— О, — я вспомнила, как Масугу спрашивал, не была ли я в его комнате, в день, когда первый раз пошел снег. Госпожа Чийомэ сказала, что дух-лис что-то ищет...

Я вспоминала ночь первого снега. Масугу уходил в сторону кладовой, как я подумала, постукивая свитком по плечу. Не к кладовой. Он шел к Убежищу!

— Ки Сан-сан, мне нужно успеть, пока не... — я замерла на пороге и обернулась. — Почему вы говорите, что это сделала она?

Он с горечью рассмеялся.

— Я знаю, что это сделал не я, все в Полной Луне спят. Я не поверю, что так неуклюжа может быть кумихо — дух-лис, как вы говорите. И в такую погоду снаружи вряд ли мог кто-то незаметно прийти. Хотя если это одна из девочек, что работала на моей кухне, то ей стоит напомнить пару раз, как обращаться с травами правильно!

— О, — сказала я. — Ясно, — и я поняла. Это не могла сделать Эми, как и Тоуми, точно не в этот раз. Все мы знали о маке, и если бы хотели отравить обитателей Полной Луны, то знали бы, что использовать, не хватая хохлатку со случайной полки. — Я скоро вернусь, — крикнула я, но Ки Сан уже бросил травы на сковороду с длинной ручкой, наполняя кухню их сильным ароматом.

Я, когда подросла, всегда громко заявляла, что не существует духов или демонов, что этим мама просто хочет нас запугать. Но пока я бежала от большого зала, я чувствовала присутствие кицунэ, несмотря на уверенность Ки Сана. Дух-лис прятался в тени, смеялся, покачивая кончиками девяти хвостов, угрожал и дразнил где-то рядом.

Зачем кицунэ свиток? Я думала об этом, пока ноги стучали по замерзшей земле. Там было что-то важное, что могло навредить людям. И она — Ки Сан подсказал, кого обвинять — была безумной.

Возле Убежища я подбежала к двери. Она была открыта. Эми посапывала, щека прижималась к каменному выступу, рука сжимала осколок миски. Я бы посчитала это смешным, ведь она всегда засыпала так быстро, что могла уснуть на полуслове, решив предупредить об отраве. Но я боялась, что она замерзнет зимней ночью или порежет пальцы об осколки фарфора. Я убрала осколки, с трудом оттащила ее в Убежище, где остальные лежали на полу, словно семена одуванчика, упавшие от ветра. Я закрыла дверь.

Я обошла дом, направляясь к дымоходу у дальнего угла Убежища. Тут не было трещин, в которые можно было бы спрятать свиток. Подняв голову, я увидела струйку дыма, что доносилась из прикрытого верха трубы, дым кружился и танцевал со снежинками. Может, он спрятал свиток там, где его никто не нашел бы. Еще одна мысль наполнила меня чувством вины: он мог спрятать его там, где только я могла его найти. И я полезла по грубым камням.

Здесь было за что уцепиться, но все было ледяным, и я быстро двигалась к крышке Убежища. Я оказалась на

соломе крыши до того, как начала задыхаться. Почти всю крышу покрывал толстый слой снега, но ближе к внешней стене ветер и жар очага оставили крышу относительно Читой.

Я шла вдоль каменного основания трубы, впереди была вершина стены Полной Луны, где я сидела и слушала ссору Масугу и Миэко. Я не видела свиток, как и очевидных мест наверху, где его можно было спрятать.

Дымоход... Он говорил о крыше. Он мог намекать, что спрятал свиток — или что я там искала — на стороне дымохода, где-то на уровне крыши. Что еще это могло означать?

Взглянув вниз, я прикидывала возможность, что он спрятал свиток на уроне земли. Но я бы увидела это, будучи внизу. Внутри Убежища? Нет. Я не видела Масугу-сана, который вел себя всегда правильно, пробирающимся в Убежище, не считая встречи с Миэко. А еще он четко сказал «крыша», значит, искать нужно снаружи.

Я снова обыскала поверхность дымохода, но не было ни выпирающих камней, ни трещин, ни места, где можно было спрятать что-то размером больше камешка. Я не представляла, чтобы демон причинял такой вред из-за камешка.

Думая, я блуждала взглядом, следила, как дым вытекает из-под прикрытия на трубе.

Крыша дымохода.

Я встала. Для роста Масугу крыша дымохода была досягаема. Мне нужно было немного пролезть. Я была рада, что для меня это не проблема, и, пройдя немного, я нашла хорошую подставку для ноги, чтобы я смогла добраться под покрытую сажей крышу дымохода. Там был выступ, скрытый от взгляда.

Пальцы скользили по горячему дереву. Сначала я ничего не нашла, и я начала беспокоиться, что свиток мог сгореть здесь. Но в дальнем углу крыши мои пальцы коснулись чего-то теплого, твердого и круглого. Я схватила и потянула вниз.

Металлический цилиндр для письма, что я видела у госпожи Чийомэ в первый день на Сосновом берегу, которым Масугу ткнул меня в первую ночь в Полной Луне. Конец был закрыт печатью с тремя листиками имбиря.

Улыбаясь, радуясь себе, я спустилась на крышу. Снег перестал падать на миг, тучи расступились, показывая черное ночное небо и снежинки звезд. Яркий лунный свет превратил двор в серебряные чешуйки.

Я села, готовясь спускаться на землю и возвращаться помогать Ки Сану оживать всех. Я посмотрела на цилиндр в руке. Что в нем?

Может, дело было в простом любопытстве. Может, присутствие хитрого духа подстегнуло меня. Не думая, я открыла чехол и стукнула дважды. Свиток выпал на мою ладонь.

Я ожидала официальное письмо или контракт, которые отец готовил для лорда Имагавы, и я была разочарована. Там был не пергамент, а тонкая рисовая бумага. Я, не разворачивая, видела, что там рисунок. Я развернула его и была потрясена вихрем цвета, в котором не видела смысла. Я начала скручивать его. Может, если показать Ки Сану...

Вспышка золотого света со стороны большого зала привлекла мое внимание.

Он был высоко на стене здания, мерцающий квадратик света посреди стены: окно комнаты госпожи Чийомэ. Свет трепетал, словно кто-то зажег там огонек — лампу или, вероятнее, свечу. Странно, ведь Чийомэ-сама была не в состоянии идти в свою комнату, а Ки Сан вряд ли пошел бы туда. Я прищурилась и увидела огонек, похожий на свечу. Вспышка белого света заполнила окно. Голова. Она повернулась, показывая мне красивое лицо.

Фуюдори смотрела на меня, лицо ее было как у хищника, преследующего добычу.

Преследующего меня.

34

Быстрое падение

Фуюдори вдали смотрела на меня, свет от свечи в ее руке делал ее глаза красными.

А потом ее взгляд опустился, и я поняла, что она заметила письмо. Рисунок. Улыбка появилась на ее тонких красных губах. Волчья улыбка. Точнее, лисья. Она казалась голодной. И словно собиралась меня проглотить.

— Кицунэ, — выдохнула я, и, хотя я знала, что она не слышит меня, она моргнула, улыбка стала шире.

Фуюдори. Зимняя птица. Снежная птица, как сказал Масугу. Призрачная. Ки Сан смеялся, что она выскочила из Убежища, чтобы посмотреть, в порядке ли Масугу, но нет, она вышла, чтобы закончить дело и найти свиток. И, чтобы убедиться, что мы не помешаем, попыталась отравить нас. Конечно, она перестаралась с маком и использовала хохлатку вместо чего-то эффективного. Фуюдори не могла отличить редис от картофеля, сосну от туеги. Ей было все равно. Меня заполнила ярость, а потом ужас, отчасти из-за такого отношения, отчасти из-за того, что ей было все равно, что будет с Масугу, Чийомэ и уж точно плевать, что будет со мной.

Снег пошел снова, словно белое крыло разделило нас, и я не видела ее.

Чары были разрушены, я начала двигаться. Первым инстинктом было залезть на внешнюю стену Полной Луны и сбежать в лес.

Я знала, что не могу бросить Фуюдори здесь, где она могла навредить всем, кого отравила. Я должна

предупредить Ки Сана и остальных. Я должна остановить ее. Против инстинктов я спустилась. Я побежала к кухне, надеясь добраться до Ки Сана раньше Фуюдори.

Я приближалась к углу здания, но из снежного мрака появился силуэт, и это был не повар, а сияющий силуэт почти во всем белом, а пятна красного казались черными во мгле.

— Добрый вечер, Рисуко-чан, — сказала Фуюдори. — Как мило видеть тебя.

— Ты в одежде мико, — сказала я, хотя в голове было полно других мыслей.

— Куноичи, — Фуюдори шагнула ко мне, и я отпрянула. Мы застыли. Фуюдори рассмеялась тоном, что всех раздражал. — Я подумала, что это подойдет, ведь я собираюсь на этот вечер оказаться замужем за Смертью.

Внешнюю стену я видела, но не успела бы добраться до нее. И стена большого зала была далеко, да и сложно было лезть по ней холодным вечером. Я была уверена, что Фуюдори быстрее меня.

— Мы близко к кухне, — играла я. — Ки Сан тебя услышит.

— Думаю, нет, — прощелбетала она. — Нет, — она шагнула ко мне, я отпрянула на шаг. Мы снова застыли. — Ки Сан будет спокойно спать какое-то время, — она рассмеялась от моего удивленного вида, но не как птичка, а пролаяла, как охотничий пес. — Да, я не так хороша с травами. Они для меня все одинаковы. Но я всегда хорошо управляла посудой, — она вытащила из-за спины сковороду с длинной ручкой.

— Ты... ударила его?

Она рассмеялась снова.

— О, да. И сковорода отлично звенела, когда ударилась о крепкий череп Ки Сана, — она покрутила оружие в руке. — Я заметила, что у тебя пояс посвященной, когда ты разносила суп, в который я добавила мак. Ты знаешь, кем нас учить быть эта старая ведьма. Да, другие, может, поют и танцуют лучше меня, но обещаю, убивать они так не умеют.

Миэко умеет. Но я сказала:

— Кроме отравы. Ты ужасна в этом. Чуть не убила Масугу, хотя собиралась лишь отключить, чтобы обыскать его комнаты, а теперь думаешь, что дала всем мак, пытаюсь нас убить его количеством. Но ты добавила хохлатку. Все поспят немного, но скоро проснутся, — я врала, я не знала, как долго действует яд, но другого выхода не было. — Ты просто немного добавила им головной боли.

Я чувствовала, как она напряглась.

— Тогда я должна работать быстро, — сказала она и пошла ко мне.

Тревогу сменил ужас. Я побежала.

Я оторвалась шагов на десять, но слышала ее топот по замерзшей земле, знала, что ее длинные ноги быстро сократят разрыв. Я подумывала вернуться на трубу Убежища, забраться на крышу, оттуда на стену, а потом скрыться в лесу. Я могу замерзнуть там, но Фуюдори там меня ни за что не нашла бы.

К сожалению, я представила, как она снимает меня с трубы, избивает и забирает чертово письмо, что причинило столько проблем, из моей сломанной руки в крови. Женщины в Убежище могли и не проснуться, но я не могла идти туда. Я видела перед глазами не только свое избитое тело, но и Эми с остальными.

Я завернула за угол большого зала и побежала к кладовой. Может, крысы искусают Фуюдори. Но я услышала, что она завернула почти сразу после меня. Теперь я отрывалась от нее всего на три-четыре шага, я знала, что не доберусь до дверей раньше, чем она догонит меня и убьет. Ужас уступил злости. Злости Ки Сана. Нельзя так пользоваться сковородой!

Огромная тсуга на миг закрыла луну, и я бросилась к дереву. Фуюдори поскользнулась на льду, пытаюсь повернуть следом за мной. На миг я подумала, что у меня получилось, что я смогла добраться до дерева, что она не успеет схватить меня, но ее шаги снова зазвучали за мной. Я бросилась к дальней стороне дерева, защищаясь большим стволом.

Я была белкой. Она — лисой. Она побежит вокруг дерева, и я буду закрываться от нее стволом. Она изменит направление, чтобы поймать меня, а я тоже изменю направление. Моим большим преимуществом было то, что я слышала ее лучше. Но я знала, как белка, что выносливости у меня меньше.

— Зачем? — прохрипела я, когда мы замерли, выжидая движение каждого.

— Зачем? — она тоже задыхалась. Я представила, как она вывалила язык изо рта, хотя Фуюдори не позволила бы себе сделать что-то такое неподобающее.

— Масугу... все мы... — я смотрела на чехол, что был в моей руке. Я думала о разговоре с леди Чийомэ утром. — Письмо... Для... кого ты это делаешь? Такеда-сама...

Я чуть не сказала, что лорд Такеда выследит Фуюдори и убьет. Масугу и леди Чийомэ говорили, что он — великий лидер, но я была уверена, что он все же беспощаден. Конечно, я понимала, что никто снаружи не узнает, если Фуюдори сможет убить нас и сбежать в заснеженные горы. И когда нас найдут, мы будем все лишь костями. Откуда же они узнают, кто из нас кто, и кого не хватает?

Фуюдори пошла по другому пути.

— Такеда-сама, — прорычала она. — В нем причина.

— Лорд Такеда?

— Чудовище! — рывкнула она. — Монстр. Эти глупые зайцы зовут его Горой, но он лишь монстр. Его отряды разрушили мою деревню, убили всех, оставить меня умирать. Я была бы мертва. Я оказалась под телом матери, — она то ли всхлипнула, то ли зарычала. — Два дня. Отряды лорда Оды отвоевали долину. Они сжигали тела, один из солдат заметил, что я двигаюсь, и вытащил из огня, — она попыталась броситься и поймать меня, но я слушала и держалась от нее подальше. — Так мои волосы побелели. Призрачная, — он изобразила идеально рычание Ки Сана. — Меня встретил сам лорд Ода. Ему нравятся диковинки, а я была такой вдвойне — я выжила, хотя должна была умереть, и я была девушкой с белыми волосами. А в-третьих, я была одержима демоном мести, я хотела лишь убить Такеду, сделавшего это со мной.

— Мой отец видел Такеду, — прошептала я. — Он сказал, что это ужасный враг.

— Твой отец. Тоже мне храбрый воин! Приказали убить детей, а он не справился! стыдно!

Я знала, что она пытается разозлить меня, заставить ошибиться, но я не могла ничего поделать с яростью, поднимающейся во мне, мир снова покраснел, как было в тот вечер с Аимару. Но теперь у меня не было оружия, а Фуюдори легко схватила бы меня.

— Мой отец был смелым!

— О, да, — фыркнула Фуюдори. — типичный самурай. Все так думали.

— Он был! — крикнула я. Пальцы сжались, одна рука — на чехле письма, другая — на коре, покрытой трещинами, передо мной. Я чувствовала запах дерева и горький аромат снега, что густо валил с неба.

Она лишь рассмеялась.

— Прошу. Приказали напасть на племянников и племянниц лорда Имагавы и Такеды, а он оказался слабым! И вместо того, чтобы почетно отдать жизнь, как сделали отцы Тоуми-чан и Эми-чан, он стал писцом, обычным и позорным!

Отец, сидя у огня, писал брачный контракт. Для его скромного статуса это было почетно, так он вздыхал.

— Нет! Он... У него были свои дети! Если бы он умер, это бы нас убило.

Фуюдори рассмеялась. Она медленно огибала ствол, стараясь беззвучно приблизиться.

— Эми-сан и Тоуми справились.

Я медленно отдалялась от ее приближающегося голоса.

— Они жили на улицах столицы! — я дрожала от страха, холода и злости. — А моя сестра только родилась!

— Отвратительно.

— Он не мог убить нас, как и не мог тронуть других детей! — я представляла, как Ото-сан делает выбор: поставить наши жизни и детей Такеды выше чести семьи.

— Других детей, — изобразила меня Фуюдори. А потом выдохнула с восторгом. — То есть... ты не знаешь?

— Знаю? — я оглянулась. Убежище было в тридцати шагах, и я подумала, что можно забраться по трубе или по выступам на углу...

— Они тебе не сказали! — Фуюдори хохотала с восторгом, хотя звучало это ужасно и пугающе. — Конечно, старая ведьма любит играть в свои игры. И он бы ничего не сказал, да? — ее смех раздавался эхом в приглушенной снегом тишине.

— Что? — я отошла на шаг от дерева. Если я отойду далеко до того, как она узнает... — Что ничего не сказал?

Он захихикала, и от этого звука волосы на моих руках встали дыбом.

— Масугу, конечно!

Я перестала красться, будучи на расстоянии руки от дерева, и невольно шагнула ближе, словно хотела понять и расслышать ее слова.

— Ма... Масугу?

Фуюдори хихикала.

— Такеда Масугу! — мои руки снова сжались на коре дерева. — Сын Такеды Нобутатсу, единокровный брат этого монстра, Такеды Шингена...!

Она бросилась, держа над головой обеими руками сковороду, готовясь исполнить Ключ к Небесам...

Но я уже была вне досягаемости. Я забралась на нижние ветви тсуги. Облегчение охватило мои руки и ноги, она смотрела на меня с раскрытыми глазами и ртом. А потом завизжала от беспомощности и ударила сковородой по дереву. Там были пятна. Только бы это была не кровь Ки Сана. Металлическая сковорода музыкально звенела.

Я была далеко от нее, я могла дожидаться, пока другие проснутся и загонят и поймают Фуюдори...

Она с громким фырканием бросила сковороду в снег, что начал собираться под тсугой. Глядя на меня, она впиалась в неровную кору и полезла наверх.

Фуюдори не была белкой, но она была очень сильной, всегда первой заканчивала упражнение с переносом камней. И она медленно и со злостью поднималась к моему насесту среди нижних ветвей.

Я словно проглотила большой ледяной камень. Я потрясенно смотрела на нее, пока она не прошла половину пути.

И я бросилась наверх. Я перебиралась с ветки на ветку, ствол шатался от ветра, ветви едва держали мой вес.

Я добралась места, дальше которого идти не могла. Сам ствол был тоньше моей талии, ветки больше напоминали прутья. Вершина дерева танцевала, пока я старалась отдалиться от безумицы вниз.

— Знаешь, — кричала она снизу, — ты невероятно лазаешь. До тебя мне лезть еще далеко. Но я доберусь. Ты ускоришь все, если спустишься сама.

— Нет! — взвизгнула я.

Фуюдори смеялась, этим смехом она унижала нас троих в первый день в Полной Луне.

— Готовься. Я скоро буду. Не замерзни, а то будет неприятно выдирать чехол из твоих ледяных пальцев.

Я прижала к себе металлический чехол, скуля, думая, что делать и куда идти.

— ПОМОГИТЕ! — прокричала я, но ответом была тишина и смех Фуюдори.

— Ты думаешь, что тебе кто-то поможет, Рисуко-чан? Они без сознания или, если мне повезло, мертвы. Та старая ведьма, ее глупые стражи и идиот-повар. Дурак-Масугу, Миэко, что считает себя особенной, и все остальные. Даже твои маленькие подружки. Может, покончив с тобой, я подожгу здания, тогда никто не сбежит. Да, так лучше — я буду женщиной, уничтожившей маленькую армию женщин, шпионок и убийц, лорда Такеды. Будто сгорит пчелиный улей. Да. Так я и сделаю, — ее лицо появилось среди хвои — усмехающееся, безумное, дикое.

Я цеплялась за верхушку, дрожа от холода и страха, не зная, как себя спасти. Фуюдори лезла. Она выдохнула:

— Они убили моих союзников, ребят Оды, что пытались передать мои послания в столицу. Я так разозлилась, что в ту дверь пришел Масугу, а не солдаты лорда Оды, готовые убить всех вас!

Я начала плакать, не буду отрицать. Я хотела бросить чехол, но тогда она убьет меня и заберет его.

— Что в этом письме? — прорычала я. — Зачем ты хочешь убить всех нас из-за него?

— Не знаю, — отозвалась она, борясь с ветвями, что едва удерживали ее вес, что был значительно больше моего. — Я знаю лишь, что задание Масугу — доставить письмо, и если лорд Такеда ради этого рискует племянником, то оно стоит того, чтобы всех вас убить, — она была под моими ногами, когда она попыталась шагнуть выше, ветка под ее ногой сломалась, и она прижалась к тонкому стволу, чтобы не упасть на замерзшую землю.

Мы замерли на пару дыханий, держась за дерево.

— Отдай письмо, — рявкнула она.

Я дрожала, но покачала головой.

— Н-нет.

— Не играй со мной! — прокричала она и тряхнула ствол. Я была выше и раскачивалась сильнее нее, и Фуюдори вдруг улыбнулась. — Хочешь полетать, Рисуко? — спросила она и начала качать дерево. Нас бросало в стороны, и я едва держалась за ветви под собой.

Вскоре дерево стряхнет меня, и я улечу во тьму, или верхушка сломается. Фуюдори может улететь со мной. Но я погибну в любом случае.

Я хотела быть смелой, как отец, принять смерть как этап пути, но как? Я была юной и испуганной.

— СТОЙ! — завопила я. — Прошу, прошу, прошу хватит!

— Хорошо, — Фуюдори задыхалась. Она остановилась, и вершина медленно вернулась в нормальное положение. — Рисуко, отдай письмо.

Я дрожала, цепляясь за верхушку, заставляя себя отказаться ради чести семьи, людей Полной Луны и друзей.

Рука вытянулась к беловолосому демону, чудовищу, чье лицо сияло, когда она потянулась за письмом.

Фуюдори стояла на цыпочках, рука едва держалась за тонкую ветку, другая тянулась к трофею.

Я знала, что, забрав письмо, она убьет меня, но не могла остановиться.

Ее пальцы впились в чехол и потянули.

Мои пальцы не отпускали.

Почему? Наверное, от холода. Или паники. Или злости. Или из чистого безумия. И хотя Фуюдори была сильной, развитой, она не могла отобрать у меня письмо.

— ОТПУСТИ! — потребовала она.

Миг я боролась, мы сцепились в смертельной игре. Мышцы Фуюдори напряглись, лицо искривилось и уже не было милым.

— ОТПУСТИ!

— Хорошо, — сказала я и послушалась.

На миг на лице Фуюдори вспыхнул триумф, она держала чехол. И тут же выражение сменилось отчаянием, ведь она потеряла равновесие, тонкая ветвь под ее правой ногой треснула, и она полетела прочь от ствола с

огромными глазами и раскрытым ртом. Она падала во тьму, мимо веток тсуги, которую перепутала с сосной, громко ломая ветки на пути, пока не ударилась о твердую землю со стуком, что напоминал стук упавшего перезрелого персика.

Цветы на земле...

Не было цветов на вершине огромной старой тсуги, за которую я цеплялась. Холод впивался в мои пальцы, а ужас — в мой живот.

Снежинки парили вокруг меня, появляясь из ниоткуда, падая в пустоту. Тишина. Подходящий звук для снега.

И внизу ждала смерть.

Не цветы.

Солдаты погибали быстро...

Месяцами после этого ночи мне не давал покоя сон — вид огромных глаз Фуюдори, ее беззвучный крик, ее белые волосы, разлетающиеся при падении с дерева во тьму.

* * *

Я медленно спускалась с верхушки дерева. Пальцы дрожали, руки и ноги гудели от напряжения. Я плакала, из носа текло, слезы впитывались в мою тонкую накидку, от этого было еще холоднее, если это было возможно.

Я не хотела спускаться. Не хотела видеть, что стало с Фуюдори. Часть меня боялась увидеть ее изломанное тело, другая часть представляла, что там будет девятихвостый лис, смеющийся надо мной, готовый наказать меня за попытку перехитрить.

Но когда я добралась до последней ветки дерева, меня ждало другое зрелище.

Леди Чийомэ стояла, опираясь на Ки Сана, чья голова была перемотана. Я не могла сказать, кто из них кого держал. Братишки двигались скованно, чего я за ними не замечала, они накрывали белой простыней тело. Тело Фуюдори.

Там стояла, шатаясь, Эми с Аимару, держащимся за голову, а еще Тоуми, Сестры-редиски, Сачи и все остальные. Даже Масугу был там, и его, конечно, поддерживала Миэко. Но он стоял неровно, укутанный в несколько накидок.

Наверное, я вскрикнула, потому что все тут же посмотрели на меня. Я хотела спрятаться, я чувствовала, что мое поражение, трусость и позор были очевидными для всех. Мои слезы полились сильнее.

Чийомэ-сама подошла к стволу и прищурилась.

— Что ж, — прохрипела она, — думаю, я не прогадала, купив тебя. Служи мне с честью.

Она опустила с усилием на колени и поклонилась. Низко. Коснулась седыми волосами земли.

Я потрясенно смотрела на остальных. Хохлатка повредила госпоже разум?

Они тоже были удивлены, но один за другим, или вместе, как в случае с Миэко и Масугу, они следовали ее примеру.

Последними остались Тоуми и Эми. Тоуми фыркнула и оскалилась, но посмотрела на простыню на Фуюдори, а потом на меня. Она кивнула и тоже опустила на колени. Не низко, как остальные, но это, как и поклон леди Чийомэ, впечатлило меня сильнее всего.

Эми улыбнулась. Улыбнулась! И беззвучно сказала мне: «Мы слышали» и «Спасибо».

И затем она тоже поклонилась у подножия тсуги, а снег тихо падал на землю.

Эпилог:

На земле

Все обитатели Полной Луны пошли на ночлег, хохлатка все еще действовала в их крови.

Мы отвернулись от накрытого тела Фуюдори. Некоторые шли в большой зал. Некоторые — в общежития.

Никто не шел в Убежище.

Я не могла идти с остальными. Я дрожала от осознания случившегося сильнее, чем от холода зимней ночи. Я не могла думать о сне вообще.

Я тряслась весь путь в купальни, где всегда было тепло и приятно, несмотря на тяжелую работу нас с Эми и Тоуми. И там не было воспоминаний о Фуюдори-кицунэ. Фуюдори-куноичи. Фуюдори-убийце.

Когда я ушла от повалившегося сильнее снега в маленькое здание, я расслабилась в тепле, а потом заметила, что тут уже были двое — Эми и Аимару. Ее лицо было мрачным, как и всегда. Его лицо было пепельным, и синяк от удара казался черным в свете свечей. Но он улыбался.

— Мы подумали, что ты придешь сюда.

Я смотрела на них.

— Нужно вычистить купальню, — сказала Эми, словно это было важнее всего. В чем-то так и было.

Мы втроем начали оттирать две кадки для купания, чтобы потом наполнить их. Эми и Аимару работали в холодной части, а я — в теплой, и я перестала дрожать.

Когда мы начали наполнять купальни ведрами снега, я даже вспотела. Мы оставили хворост на утро и сели у

стен, приятно уставшие.

Я смотрела на них. Они старались не смотреть ни на меня, ни друг на друга.

— Сколько вы слышали? — спросила я.

— Не много, — пожал плечами Аимару.

Эми склонила голову.

— Достаточно. Мы слышали, что она говорила тебе отдать какое-то письмо, — она вздохнула. — Так это она!

Она пыталась найти это в комнате Масугу!

— И в конюшне, — добавил, кивая, Аимару.

— Да, — я вытерла пот с глаз. — Но она не знала, что с Масугу сделает мак, а в этот раз спутала хохлатку с сушеным маком.

Эми рассмеялась.

— Повезло нам!

— Да.

— И... — Аимару заерзал. — Что было в письме, что она искала?

— Не знаю, — пробормотала я, стараясь об этом не думать. — О! Я же...! — я вытащила теперь ровную рисовую бумагу из-под накидки, куда спрятала ее, когда была на крыше Убежища. Мы уставили на нее.

— Нам нужно... — начал Аимару.

— ...вернуть это лейтенанту, — закончила Эми.

Мы дальше смотрели на бумагу.

— Не похоже на письмо, — сказала я.

Они кивнули.

— Может, — медленно начала Эми, — нам стоит проверить. Чтобы убедиться, что это именно оно.

Мы кивнули, хотя я знала, и они явно знали, что другого листа бумаги в чехле не было.

Я развернула бумагу на полу. Эми придерживала один край, а я — другой. Лист был небольшим.

— Это не письмо, — сказал Аимару.

Да. Это был рисунок. Несколько загогулин черного, квадраты разных цветов — синий, красный и белый. Бумага промокла, но чернила не растеклись. Синие и красные квадраты, казалось, указывают стрелами на белые. В нижнем углу был красный герб — три листа имбиря, похожие на лопаты. И я подумала...

Мы вглядывались в бумагу.

— Похоже на... — сказал Аимару, прикусив губу.

Я вспомнила комнату леди Чийомэ, когда забралась на стену. И я смотрела на...

Эми хмыкнула.

— Это карта.

Да, это была карта. Конечно! Как только Эми сказала это, я поняла, что это похоже на карту, что я увидела у лорда Имагавы в утро, когда встретила леди Чийомэ.

— Но карта чего?

— Провинций вокруг столицы, — раздался голос сзади.

Я развернулась, прижав карту к груди.

Тоуми была опухшей от нехватки сна.

— Карта сражений, думаю.

— Я... — начала я, но не знала, что сказать.

— Мы нашли ее, — сказала Эми. — В снегу. Я показала Мурасаки, потому что мы не знали, что это.

Тоуми пожала плечами.

Я встала, так сделали и Аимару с Эми. Я прижимала бумагу к груди.

— Я...

Темные глаза Тоуми не смотрели на меня.

— Ки Сан заставил остальных чистить кухню, что они ненавидят. Я должна помогать вас. Но вы, похоже, уже справились.

— Да, — я задержала дыхание.

— Ты посвященная, — она смотрела на мой запятанный пояс.

— О, — мне стало холодно, несмотря на тепло. — Да.

— Эх.

— Я... — я склонилась, чтобы она посмотрела мне в глаза. — Это потому, что я узнала, что такое куноичи.

Думаю, это проверка.

— Ох, — она смотрела на меня, а я выпрямилась. — И что такое куноичи?

Эми за мной прошептала:

— Убийцы. Шпионки. Телохранители.

Глаза Тоуми расширились. И я не знала, было это из-за того, что мы открыли ей, или потому что мы рассказали ей это, проявив доверие.

— Убийцы? — сказала она почти с благоговением.

— И шпионки, — вздохнула я. Не вредить... — И телохранители.

Тоуми ухмыльнулась.

— Хотелось бы увидеть тебя, как телохранителя, Мышка.

Жар прилил к моему лицу, но я ответила ей:

— А я бы тебя — шпионкой!

Она фыркнула.

Эми почти радостно пропела:

— Тогда мне придется быть убийцей.

— Думаю, это метка Матсудаира, — сказал Аимару. Мы вздрогнули. — На карте.

Я отодвинула карту от груди. Печать была в углу, где были синие квадраты. И я снова вспомнила камешки на карте Чийомэ-сама.

— Да. Думаю, что синий это... Матсудаира. Уверена, красное — это Такеда, — я махнула на белые квадраты, что были на конце чего-то, похоже на длинный большой палец, но я теперь видела четко озеро Бива возле столицы. Отец говорил, что весной там красиво. — А это, должно быть, отряды Ода-самы.

Тоуми сглотнула. Даже она это понимала.

— И Матсудаира-сама хочет, чтобы Такеда — мы — помогли ему... напасть на лорда Оду?

Лорд Ода. Он обесчестил наших отцов. Я чуть не рассказала им. Чуть не спросила, знали ли они...

— Но я думала, что Матсудаира и Ода на одной стороне, — Эми уткнулась подбородком в мое плечо, заглядывая в карту. Бой белого с алым...

— Как и Такеда, — отметил Аимару.

Мы снова посмотрели на карту.

— Если... Матсудаира-сама пытается заставить Такеда-саму напасть на Ода-саму... Может, Такеда-сама поступит благородно и предупредит Ода-саму?

— Может, — фыркнула Тоуми.

Эми издала разочарованное хмыканье, бумага дрогнула в моих пальцах.

— Тогда зачем Масугу-сан остался тут на всю зиму, а не спешит в столицу?

— Не знаю, — сказала я. Это было странно.

Тоуми сморщила острый нос.

— Может, нам лучше не знать. Лорды. Знать их дела плохо.

Аимару пробормотал:

— Монахи всегда говорят: «Знание без понимания — как суп без приправы».

— Хотя я обошлась бы без приправы в супе этим вечером, — ответила Эми.

Мы согласились с ней.

— Отнесем это Масугу, — сказала Эми. Я свернула карту, и мы пошли на улицу, включая, к моему удивлению, Тоуми, которая была серьезна.

— Не хочу, чтобы вам досталась вся слава, — сказала она.

* * *

Представьте нацию, что воюет с собой.

Это не сложно во времена, когда амбиции, жадность и страх галопом бегают от сердца к сердцу, от дома к дому, от города к городу. Великие лорды играют в свои игры, словно они двигают камни в большой игре го, но вместо разлинованной доски они играют на самой земле, а вместо камешков они ставят, захватывают и жертвуют живыми людьми.

И женщинами. И детьми.

Мы безмолвно отдали карту Миэко, что приглядывала за спящим Масугу. Змейка. Она обещала, что сохранит карту и вернет ему.

Мы не говорили, пока шли в общежитие. Нечего было говорить.

Маи и Шино спали в комнате главной посвященной. Никто не собирался позволять кому-то спать там одной.

Тоуми и Эми рухнули на матрасы и почти сразу уснули. Я вскоре последовала их примеру, слишком уставшая, чтобы думать и тревожиться.

Мне ничего не снилось этой ночью. Совсем ничего.

終

Ждите продолжения — «Яркоглазая»!

Отрывок из второй книги «Яркоглазая»:

Я должна была взять нож, что Миэко протягивала рукоятку ко мне.

Должна была. Но не могла.

— Рисуко, — прошептала Миэко, глядя мне в глаза. Остальные в Полной Луне тоже смотрели на меня.

Я посмотрела на свинью, что боролась в путах и визжала.

Мы были возле кухни и колодца. Свинья была растянута, ее ноги — привязаны к четырем тяжелым кольям, что мы с Эми и Тоуми вбили в мерзлую землю.

Мне мешала забрать длинный тонкий нож из руки Миэко-сан не истерика свиньи. Хотя от ее воплей сжимался мой желудок, я уже разделявала свиней на кухне — куриц, зайцев, даже козла.

Но это животное было в битой броне самурая и со шлемом на голове. И я могла думать лишь...

Долгой снежной зимой Миэко и остальные куноичи использовали броню, чтобы показать нам ее слабые места, показать, что даже защищенный воин был уязвим. Мы ударяли в подмышки, между пластин кинжалами, и это не казалось реальным, ведь броня была на соломенной кукле, похожей на тех, что мы ставили в рисовых полях отгонять птиц.

Но кричащая свинья не была куклой. Она напоминала человека. Самурая. И...

Я опустила голову и покачала головой.

— Не могу, — выдохнула я.

Миэко начала что-то говорить, но покачала головой и протянула нож Эми. Та хмурилась, но взяла его.

Я побежала.

* * *

Я все бежала: мимо общежития, мимо белой внешней стены, пока не врезалась в лейтенанта Масугу. Точнее, в его коня, Иназуму.

— Идешь лазать, Мурасаки? — лейтенант вел Иназуму за поводья.

Я взглянула на него и покачала головой.

— Я не видел тебя лазающей с... Давно, — его глаза были прищурены под шлемом.

Я моргнула.

— Вы уходите, Масугу-сан? — на Иназуме были мешки припасов, и Масугу был одет во всю броню, но не в обычную, сияющую и черную с четырьмя бриллиантами Такеды на груди, а в битой и коричневой с белым кругом Мочизуки — Полной Луны.

Он был одет как та свинья.

Я уже не слышала ее визг.

Лейтенант кивнул.

— Пора.

— Вы не дождетесь возвращения леди Чийомэ?

Он покачал головой.

— Она знала, что мне нужно уйти, как только путь на востоке станет чистым. Она не удивится.

Я обхватила себя руками.

— Я... Мы будем скучать, — Миэко-сан будет скучать сильнее всех, но я не решилась сказать это.

— До столицы я доберусь за месяц, доставлю... карту, что вы вернули мне, и вернусь. Это быстро, — он улыбнулся и похлопал меня по руке. Его конь нетерпеливо ржал. — И Иназума хочет побегать.

Я кивнула.

— А разве у тебя не урок? Ты не должна быть с остальными?

Мне стало не по себе, но я смотрела на него.

— Вы знали, что если вонзить острый меч под ваш шлем сзади, то кончик окажется под вашим черепом и разрежет спинной мозг?

Масугу застыл.

— Миэко-сенсей учит нас делать это. На свинье, одетой в броню.

— Это... эффективно.

— Я не могу.

— Нет, — вздохнул он. — Затем ты здесь, Мурасаки-сан. Не знаю всех причин, по которым Чийомэ-сама привела тебя в Полную Луну. Не знаю, почему здесь вы с Эми и Тоуми, но есть одно... — он сжал мое плечо. — Нужно выучить то, что вам дают Миэко и остальные.

Я взмолилась:

— Я не хочу быть убийцей.

— Нет, — он снова вздохнул. — Как и я. Но я воин Такеды. Это мой долг. Мы живем в опасное время. Если бы я не боролся, защищая провинции и наш народ, сколько людей погибло бы? — его печальная улыбка напомнила

мне Миэко. — Ты — дева-самурай, Кано Мурасаки. Дочь воина. У тебя тоже есть долг.

Теперь я плакала.

— Я не с-самурай. Моя с-семья лишена чести, — Ото-сан ушел в замок Имагавы. Ушел к смерти. — Нельзя вредить.

— Но долг остался. Если я знаю хоть что-то о твоём отце — и его дочери — то не поверю, что долг заберет хоть одна сила на земле, — он снова сжал мое плечо и вытер слезы с моих щек пальцев в перчатке. — А пока что, Мурасаки, почему бы не оставить долг, ножи и самураев ненадолго? Лазай.

Я кивнула и улыбнулась ему, хотя не хотела этого.

— Спасибо, Масугу-сан. Возвращайтесь скорее.

— Как только смогу, Мурасаки-сан. Береги себя.

Лейтенант повел Иназуму к воротам, а я залезла на нижние ветки большой тсуги, что росла с восточной стороны от большого зала.

Я села на большой ветке и махала Масугу, когда он забрался на коня и поехал по дороге. И тут пришел призрак Фуюдори.

Не сам призрак. Хоть дух беловолосой девушки был в ярости, мы провели нужные ритуалы для нее. Ее тело сожгли, пепел закопали в ледяной земле за обителью. Мы оставляли в столовой миску риса и чашку сакэ. (Они были маленькими, но она и этого не заслужила.) Никто не произносил ее имени. И сорок девять дней прошло, ее дух уже ушел в другой мир.

Но, сидя на ветке и чувствуя, как ветер треплет мои волосы, я не могла не вспомнить, как сидела тут и смотрела, как она лезет ко мне. Желая убить.

Я глубоко вдохнула и постаралась не думать о ней.

Масугу-сана уже почти не было видно, он уходил за утес по дороге, что вела на запад к императорскому городу.

Я помахала снова, хотя он точно этого не видел.

На дереве было приятно. Ветер был приятным. Гора за долиной была все еще в снегу, но ниже была зеленой, живая зелень перемежалась вспышками серебра, где ручьи несли талый снег в долину.

Вершина утеса тоже была зеленой. Свежие побеги заменили мертвую траву. Белые полевые цветы усеивали долину.

Я осталась там до конца урока. Немного спокойствия.

— Ты будешь сидеть там весь день, Мышка-чан, или твой хвостик пойдет за нами на кухню делать ужин? — Тоуми выглянула из-за угла большого зала.

— Видно что-то интересное? — спросила Эми. Она тоже хмурилась, но она так делала всегда.

— Я махала на прощание лейтенанту.

— О, он ушел? — Эми нахмурилась сильнее.

Тоуми фыркнула.

— Хватит. Нам пришлось резать тупую свинью. Тебе ее разделывать.

Я побелела, а Эми сказала.

— Убивать проще. Так мы даже спасли животное.

— Знаю, — прошептала я.

— Так почему ты ее не убила, бака? — прорычала Тоуми.

— Я не смогла...

— Что? — девушки пошли ко мне.

Я закрыла глаза.

— Не могу не думать о том... чей дух живет в свинье.

— Ты... Что? — раскрыла рот Тоуми.

— Я не могла подумать, что... там может быть... Не знаю. Фуюдори. Отец.

— О, — сказала Эми.

Тоуми издала резкий смешок.

— Невероятно! Ты убивала куриц и зайцев. Ты будешь бояться раздавить отца, когда наступишь на муравьев?

Я снова побледнела.

— Я... теперь буду!

— Бака-яро! — Тоуми издала смешок и покачала головой. — Спускайся, Мышка. Будем резать твоего папу.

— Тоуми! — прошептала Эми.

Я вдохнула, пытаясь взять себя в руки, пытаясь найти снова тихое спокойствие, и посмотрела на бело-зеленый пейзаж.

Из-за края утеса, где исчез Масугу-сан, поднималась волна тумана. Волна вертикальных линий со стальными

наконечниками. Копья. Десятки. На синих флагах был мон с листьями имбиря Матсудаиры.

— Эм, девочки? — они посмотрели на меня. Теперь кровь шумела в моих ушах. — Думаю, на нас напали.

Больше книг на сайте - Knigoed.net

Глоссарий

— **чан** — ребенок

— **ко** — окончание женского имени или клички

— **сама** — миледи или милорд

— **сан** — сэра или мадам

— **семпай** — старший ученик

Бака-яро — полный идиот

Дайкон — большой белый редис

Го — китайская игра в стратегию

Хай — да

Ханьяк — корейское название целебных трав

Хирагана — фонетическое обозначение иностранных слов или для усиления (как курсив)

Ичи — один

Джизо-босатсу — буддийский святой (бодхисатва) потерянных детей, часто изображается с пустым лицом и большими рукавами, которыми он защищает детей

Катакана — используется для написания почти всех слов

Катана — длинный изогнутый меч самурая

Кандзи — китайские иероглифы, больше трех тысяч, используются в японском письме

Кимчи — корейская квашеная капуста (часто острая)

Кицунэ — злоредный дух-лис с девятью хвостами

Ку или Кью — девять

Кумихо — корейский вариант кицунэ

Куноичи — «девять в одном», особые женщины

Мико — жрицы храма, девушки, что помогают на фестивалях и церемониях синто

Мизутаки — горячее блюдо из рыбы, курицы и другого мяса

Мочизуки — «полная луна», клан покойного мужа леди Чийомэ

Могуса — полынь; из нее делают пилюли, поджигают (этот край не у кожи) как возбуждающее средство, а еще так празднуют совершеннолетие детей на фестивале Нового года

Мон — знамя благородного дома (как герб в Европе)

Мукаши, мукаши — давным-давно (традиционное начало японских сказок)

Но — из, в

Ото-сан — отец **Ока-сан** — мама

Рисуко — Белка (имя девушки или кличка)

Сямисен — длинный пятиструнный инструмент, похожий на гитару или банджо

Сенсей — учитель

Синто — религия Японии, где верят в множество богов или духов (ками), что живут в разных частях природы; существует вместе с буддизмом

Шакухачи — длинная флейта из бамбука

Сёгун — военачальник императора

Шою — соевый соус

Татами — соломенный настил, покрывающий пол в Японии

Тории — врата или арка, что есть в храмах синто

Вакидзаси — короткий меч самурая, используется для защиты или ритуального самоубийства (харакири)

Вихайео — (корейское) Выпьем!

Ян — (кит.) мужская сила **Инь** — (кит.) — женская сила

Названия мест

Я перевел почти все названия в книге, ведь для носителей японского языка они не звучат странно! Перевод мой, порой я выбирал не прямой перевод, а красивый вариант.

По факту город Мочизуки в Нагано (раньше — Шинано, провинция Темного письма). Он недалеко от Острова Междуречья (Каванакаджима), где было несколько важных битв для эпохи гражданских войн в Японии. Я не мог не поместить туда семью Мочизуки. Но само поселение выдуманно мной.

Провинция Чистоты — Тотоми
Сосновый берег — Хамаматсу-ши, провинция Тотоми
Провинция Трех Рек — Микава
Провинция Быстрой реки — Суруга
Провинция Достоинства — Кай
Провинция Темного письма — Шинано
Полная Луна — Мочизуки, провинция Шинано
Междуречье — Каванакаджима, провинция Шинано
Дорога Великого восточного моря — Токкайдо
Провинция Поднятого хвоста — Овари

Благодарности

Многие помогли мне в написании этой книги. Слово деревня, растящая дитя, нужна армия для написания исторического романа.

Во-первых, должен поблагодарить Джулию Нэйшнс и ее учеников, что стали первой проверкой для этой книги. Их умные вопросы и просьбы сказать, что будет дальше, стали хорошим вдохновением дописать историю.

Сара Джей-Джонз была добра и помогла понять, как будет звучать корейский акцент для японцев. Не вините ее в том, как говорит Ки Сан. Это мое воображение.

Доктор Диана Монтейл поделилась мудростью в использовании традиционных азиатских трав. Она была терпеливой и веселой, хотя я спрашивал и о ядах, и о противоядиях, о традиционном лечении и о концепте пяти элементов, цветов и вкусов.

Бренда и Донал Брауны прочитали книгу, когда она еще не была закончена, и поделились мудростью и бесконечным энтузиазмом, что поддержал меня в темные моменты завершения истории Рисуко. Они показали мою книгу Даниэле Светцов, и они достойны памятника за это.

Кристина Болл, Эми и Энчел Борке тоже сильно помогли мне.

Когда я закончил первые части рукописи, группа ранних читателей обеспечили хорошие отзывы, заметили нестыковки, тупики и ошибки, подталкивали меня. Когда это было нужно. Говорили, что получилось хорошо, когда я этого не видел. Эта книга не появилась бы без помощи Кена Шейнера, Виктории Давидсмейер, Стефана Герринджера, Дианы Ли, Джованни Мартелли, Джастис Хардман, Ани Межковской, Элисон Колтлэнд, Ли Отгоссон и, особенно, Алеты Йохансен. Все они сами хорошо пишут, и я рад, что они поделились своими мыслями о моем творении.

Даниэла Светцов — мой агент — взяла мою книгу и сделала то, что нужно каждому автору, но не каждый автор этого хочет. Она показала, где история провисает, как сделать ее намного лучше. Ее критика показала мне, что нужно урезать отвлекающих второстепенных персонажей, как и ненужные пролог и эпилог. (И как только я сделал указанные ей правки, я смог добавить еще четыре тысячи слов. Даже не знаю, как так вышло!)

Перемены мне подсказала и прекрасная Кейтлинн Мьер. Книга в ваших руках — пролог и часть о столкновении Рисуко и Тоуми — заслуга ее и группы ее авторов.

Скотт Делеганти, один из моих давних друзей, помог устранить ошибки в японском и культуре. Если ошибки остались, виноват я.

Бета-команда «Рисуко» помогала отзывами закончить книгу. Искреннее домо аригато Линдси Лоуэ (была первой), А.Д. Мэдден, Аманде, Брианне Келли, Брианне Мэнлик, Черри Волкер, Кристал, Доун Кернс, Элизабе Филдс, Габриеле Надиг, Хэлен Томпсон, Джейм Эндреас, Джудит Кейсдемонт, Келли, Киззи Р., Лорен Скидмор Люси Бойсгард, Николетт Наги, Рейчел, Ловато, Шерри Олщан, Ясамине и Зое Плант.

Без поддержки на «Кикстартер» книга не была бы опубликована. Спасибо Сюзан Вудвард, Марго Эйвери, Роберту Уолтеру, Джону Идлору, magusmyste@gmail.com, Кену Шнейру, Алитее Хоуз, mywayhoff11@aol.com, Стефану Герринджеру, Ане Межковской (опять!), Исааку «Это сработает» Дэнсикеру, Роджеру Бекетту, императрице Диане и принцессе Амаре из яркой династии Ли, семье Ленхофф, Кристине Генгаро, Кире Ньюман, Анике Лофлер, Александру Джону Аристотелю Кимболлу, Сэму Микелю, Дону, Рейчел С., Крейгу Алену, Кэнди Бейли, Сео Ван И, Рою Ромасанте, D-Rock, Бенджамину Элlefсону, Роману Пауэру, Риккардо Сартори, SwordFire Джой Манди и Тони Наваретте — все вы ангелы во всех смыслах слова.

Я, конечно, должен поблагодарить школьную учительницу английского, еще и мою маму, Джеки Кудлер. Она читала «Рисуко» больше других (почти). Ее зоркий глаз отмечал детали и сюжет, помогала, словно мне было тринадцать. Это очень классно.

Моя жена Мора Ваун получила свое задание, пока я писал этот роман: ее книга проверялась актерами, «Анатомия выбора». И все равно она читала каждую переписанную главу, оставляла свои замечания, проявляла терпение и чувствовала все каждый день. Джозеф Кэмпбелл говорит в «Тясычеликом герое», что у каждого героя есть поддержка волшебных помощников, когда он идет в трудный путь приключений. Я знаю, кто мой волшебный

помощник, и я рад и благодарен, что она со мной.

Последнее и самое большое спасибо моим дочерям — Саше и Юлии. Они были моим вдохновением, моими первыми слушателями. Когда я начинал писать «Рисуко», они были юными, а в случае Юлии, не могли сами еще читать. Я читал им новые главы, даже когда они уже могли читать сами. Теперь они — девушки со своими правами и прекрасным будущим. Надеюсь, я запечатлел их дух в Мурасаки и ее друзьях.